

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средствам массовой коммуникации (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-63460
от 22 октября 2015 г.
Издается с декабря 2009 г.
Выходит 4 раза в год

ISSN 2078-4023

Журнал «Вопросы региональной экономики» включён в Перечень ведущих периодических изданий ВАК

Группы научных специальностей и научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень: 08.00.00 Экономические науки [08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит, 08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика, 08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 Мировая экономика].

Подписной индекс в каталоге НТИ-Роспечать 62190

Главный редактор
Банк Сергей Валерьевич,
д.э.н., профессор

Над выпуском работали
Паршина Ю.С.
Пирогова Е.В.
Харитонов А.А.
Багдасарян А.А.

Адрес редакции:
141070, Королев,
Ул. Октябрьская, 10а
Тел. (495)543-34-31 (доб.138),
E-mail: rio-kimes@mail.ru,
Site:www.unitech-mo.ru

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вопросы региональной экономики», допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации в материалах, в том числе рекламных, предоставленных авторами для публикации

Материалы приводятся в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

- Ахмедуев А.Ш., Меджидов З.У.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ О СУЩНОСТИ И РОЛИ ТЕРРИТОРИЙ С ОСОБЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....3
- Банк С.В., Банк О.А.
ЦЕЛИ И ВЕКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ КОМПАНИЙ.....8
- Веселовский М.Я., Погодина Т.В.
ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ И ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....14
- Власов А.Б.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОГНОЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОРИЗОНТЕ ДО 2100 ГОДА.....21
- Глумов А.А.
НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР В РАМКАХ МАКРОРЕГИОНА.....27
- Дьяков М.Ю., Михайлова Е.Г.
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....33
- Коблов С.В.
МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ИЗМЕНЕНИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА.....41
- Козлова Ю.В.
СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....50
- Ларионова А.А., Черникова Л.И., Федлюк Е.В.
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА – СБАЛАНСИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОРПОРАТИВНЫМ БИЗНЕСОМ.....56
- Максубова Д.М., Рамазанова А.Г.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН.....69
- Набиева А.Р.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ КООПЕРАЦИИ.....73
- Нестерова С.И.
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ.....80
- Острцов В.Н., Конанова Т.Л.
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ.....89
- Полетаев Д.И., Прозорова М.Л.
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ПРИМЕРЕ СХПК «ПЛЕМЗАВОД МАЙСКИЙ».....96

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

1. **Бурак П.И.**, д.э.н., профессор
2. **Веселовский М.Я.**, д.э.н., профессор
3. **Меньшикова М.А.**, д.э.н., профессор
4. **Христофорова И.В.**, д.э.н., профессор
5. **Шикирш М.**, Ph.D

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. **Арженовский С.В.**, д.э.н., профессор
2. **Атаров Н.З.**, д.э.н., профессор
3. **Вилисов В.Я.**, д.э.н., профессор
4. **Городилов М.А.**, д.э.н., профессор
5. **Зенкина Е.В.**, д.э.н., доцент
6. **Измайлова М.А.**, д.э.н., профессор
7. **Овсячук В.Я.**, д.э.н., профессор
8. **Салманов О.Н.**, д.э.н., профессор
9. **Самаров К.Л.**, д.ф.-м.н., профессор
10. **Сапир Е.В.**, д.э.н., профессор
11. **Секерин В.Д.**, д.э.н., профессор
12. **Ткаченко М.Ф.**, д.э.н., профессор
13. **Черникова Л.И.**, д.э.н., доцент

Подписано в печать
26.09.2019
Формат В5

Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,5
Тираж 500 экз.
Заказ № 76-19
Отпечатано
в типографии
ООО «Научный консультант»
г. Москва
Хорошевское шоссе, 35,
корп. 2

Руденко М.Н.
**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА
(ПЕРМСКОГО КРАЯ).....104**

Сеченова Л.П., Любичкая В.А.
**РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)....117**

Тулохонов О.С., Цыренжапов Э.З.
**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....126**

Ушакова К.О., Исаев В.Г.
**ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА
ПРОДУКЦИИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА.....131**

Христофорова И.В., Идилов И.И, Абрашкин М.С.
**ИННОВАЦИИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОТРАСЛЕВОЙ
АСПЕКТЫ.....139**

Юсупов К.Н., Тимирьянова В.М., Токтамышева Ю.С., Зимин А.Ф.
**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОКРУЖЕНИЯ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА.....148**

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Селимова Д.Д.
**ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН.....156**

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА

Бондаренко А.А.
**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УЧЕТНОГО, КОНТРОЛЬНОГО,
АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
ТАКТИКОЙ И СТРАТЕГИЕЙ РАЗВИТИЯ КРУПНОЙ
КОМПАНИИ ХОЛДИНГОВОГО ТИПА.....164**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Комиссаров А.А.
**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА
ТАМОЖЕННЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ РОССИИ И КИТАЯ.....170**

Сопилко Н.Ю.
**ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....176**

УДК 332.143

Теоретические аспекты о сущности и роли территорий с особым экономическим статусом в обеспечении пространственного развития регионов России

А.Ш. Ахмедуев, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук»
(ФГБУН «ИСЭИ ДНЦ РАН»), г. Махачкала, Республика Дагестан,

З.У. Меджидов, кандидат экономических наук, доцент кафедр «Информационные технологии
и информационная безопасность», «Экономика»,

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Дагестанский государственный университет народного хозяйства»
(ГАОУ ВО «ДГУНХ»), г. Махачкала, Республика Дагестан

Модернизация российской экономики, связанная с переходом к инновационному развитию, обусловила перенос стратегического управления экономикой на уровень регионов. Усилился интерес к такому направлению экономических исследований, как исследование пространственного развития экономики региона на основе внедрения различных инструментов стимулирования социально-экономического развития регионов, к которым относятся территории с особым экономическим статусом. Несмотря на наличие достаточного количества публикаций по исследованию пространственного развития регионов России и территорий с особым экономическим статусом, по-прежнему недостаточно раскрыты и уточнены отдельные терминологические аспекты данной проблематики. В статье изложены теоретические подходы некоторых отечественных авторов по данной проблематике. Предложено авторское видение понятий «пространственное социально-экономическое развитие региона», «территория с особым экономическим статусом», «территориальный кластер».

Territories with special economic status, space economy, economic theory, social and economic development, a territorial cluster.

Theoretical aspects on the essence and role of territories with special economic status in ensuring the spatial development of the regions of Russia

A.Sh. Akhmeduev, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher,
Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Social and Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (FGBUN «ISEI DNC RAN»), Makhachkala, Republic of Dagestan,

Z.U. Medzhidov, Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department
«Information Technologies and Information Security», «Economics»,

State autonomous educational institution of higher education «Dagestan State University of National Economy»
(GAOU VO «DGUNH»), Makhachkala, Republic of Dagestan

Modernization of the Russian economy, connected with the transition to innovative development, led to the transfer of strategic management of the economy to the level of regions. There has been increased interest in the area of economic research, such as the study of the spatial development of the region's economy through the introduction of various instruments to stimulate the socio-economic development of the regions, which include territories with special economic status. Despite the availability of a sufficient number of publications on the study of the spatial development of regions of Russia and territories with special economic status, certain terminological aspects of this issue are still not sufficiently disclosed and clarified. The article describes the theoretical approaches of some domestic authors on this issue. The author's vision of the concepts of «spatial socio-economic development of the region», territory with special economic status, «territorial cluster» is proposed.

Territories with the special economic status, space economy, the economic theory, social and economic development, a territorial cluster.

В настоящее время к основным факторам, тормозящим социально-экономический рост регионов России, следует отнести как внутренние проблемы (качество управления, налоговая нагрузка на бизнес, коррупция, падение реальных доходов населения), так и

негативные внешние политические и экономические факторы. Усиливающаяся дифференциация регионов нашей страны осложняет макроэкономическую ситуацию и требует совершенствования процесса регулирования социально-экономической ситуации в про-

странственном контексте [5].

Идея пространственного развития России особенно актуальна в современных условиях. Утверждена Стратегия пространственного развития страны до 2025 года, целью которой выступает сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни людей.

В научной и теоретической литературе данной проблематике посвящены труды многих выдающихся отечественных ученых-экономистов. Так, П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко рассматривают экономическое пространство России как достаточно сложное образование с далеко не ясными перспективами [7, С. 9].

Н.В. Зубаревич считает, что стратегия пространственного развития должна состоять в модернизации институтов, так как именно институциональные барьеры не позволяют развивать иные сопутствующие факторы (природные, экономические) [3, С. 228].

Академик А.И. Татаркин рассматривает пространственное развитие страны на основе разработке национального плана, состоящего из 10-15 федеральных программ, направленных на системное развитие приоритетных отраслей Российской Федерации [9, С. 21].

В рамках проводимого исследования актуальным представляется предложить авторское видение понятия «пространственное социально-экономическое развитие региона», под которым понимается управление регулируемой системой городских и сельских поселений, включая совершенствование их хозяйственных взаимоотношений, направленных на поиск лучшего размещения производства и предприятий, а также формирования сбалансированной инфраструктурной системы, что позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие региона и стабильный рост конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в регионе.

Любой современной экономической системе сложно функционировать без самого государства. В частности, к одной из основных форм участия государства в экономике относится государственное регулирование

экономики, ключевыми инструментами развития которой являются финансовая, денежно-кредитная, промышленная, научно-техническая (инновационная), социальная политики, а также внешнеэкономическое регулирование.

Государственное регулирование экономики направлено главным образом на устранение «провалов рынка». Например, современное развитие монополий и олигополий ставит под вопрос использование конкуренции в качестве основного рыночного регулятора. Концентрация производства и капитала может являться разрушающим рынок фактором, при этом являясь порождением рынка, результатом его бесконтрольного развития.

Государственное регулирование социально-экономической системы регионов более эффективна при комплексном использовании перечисленных инструментов сочетающихся в использовании территорий с особым экономическим статусом.

В Российской Федерации к территориям с особым экономическим статусом относятся особые (свободные) экономические зоны (ОЭЗ, СЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), зоны территориального развития (ЗТР), наукограды, закрытые административно-территориальные образования, индустриальные парки, технопарки.

В отдельных регионах функционируют местные механизмы развития территорий. Так, зоны экономического благоприятствования применяются в Кемеровской области и Республике Бурятия, в Саратовской области используется режим наибольшего благоприятствования, в Ставропольском и Камчатском краях практикуются региональные парки, в Костромской области – промышленные округа.

Анализ отечественной научной литературы по исследуемой проблематике привел нас к следующему результату: несмотря на многообразие форм и видов территорий с особым экономическим статусом, постоянных изменений принципов функционирования в процессе их исторического развития, ученые-экономисты сводятся к мнению, что террито-

рии с особым экономическим статусом могут считаться одним из инструментов улучшения социально-экономической ситуации регионов.

Однако в отечественной практике территории с особым экономическим статусом зачастую носят очаговый характер, цель и задачи формирования и функционирования их носят локальное значение, оказывают влияние на развитие определенной местности. Данное обстоятельство не позволяет обеспечить комплексное и поступательное развитие экономики региона, требует выработать системный подход к использованию территорий с особым экономическим статусом как инструмента устойчивого и пространственного социально-экономического развития региона.

В этой связи целесообразным представляется дать определение термину территория с особым экономическим статусом, представляющая собою специализированную, строго ограниченную территорию субъекта Российской Федерации с льготными финансово-экономическими условиями, обладающая особым юридическим статусом в сравнении с другими территориями, на которой с использованием экономических рычагов и стимулов создаются предпосылки для активизации инвестиционно-инновационной привлекательности региона отечественным и (или) зарубежным бизнес-структурам, развития кооперации, промыслов, туризма и прочего, а также преодоления социально-экономических диспропорций за счет повышения уровня жизни населения, роста заработной платы, создания социальной инфраструктуры.

Авторский подход основан на максимальном использовании перспектив развития территории с особым экономическим статусом, целевой направленности и предварительного научного обоснования ее создания, диверсификации межотраслевых взаимосвязей, использовании управленческих возможностей и расширении источников финансирования.

Представим особенности функционирования некоторых институтов регионального развития и форм реализации партнерских отношений, на примере ОЭЗ, ТОРов, ЗТР.

На территории ОЭЗ действует специальный режим ведения предпринима-

тельской деятельности, оказывающий влияние на принятие решений инвесторов о капиталовложениях в саму зону [6].

В рамках проводимого исследования, следует определить концептуальные отличия между особыми и свободными экономическими зонами. Если в отечественной теории и практике принято считать «особые экономические зоны», то в иностранной практике подобные территории называют «свободные экономические зоны».

При этом основополагающей целью создания свободных экономических зон является привлечение иностранных частных инвестиций для социально-экономического развития региона, предоставления таможенных преференций иностранным инвесторам (резидентам), а также расширения внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности. Особые экономические зоны, в свою очередь, не разделяют инвестиции на внутренние и иностранные: воспользоваться льготами могут как отечественные, так и иностранные резиденты. Также ОЭЗ более нацелены на развитие определенных отраслей региона, преодоление экономических и иных проблем.

Необходимо проводить различие не только перспективами внутриэкономического развития, но и особым юридическим статусом, иными словами, вкупе с федеральным регулированием деятельности субъектов ОЭЗ, можно предусмотреть региональные механизмы создания специализированных ОЭЗ (ОЭЗ регионального уровня). Для свободной экономической зоны подобное различие недопустимо. Таким образом, за счет СЭЗ происходит только горизонтальное развитие, в то время как ОЭЗ предоставляет также вертикальное, учитывая региональную специфику.

В российской практике, в условиях передачи управления особыми экономическими зонами руководству регионов, все чаще стоит вопрос об усовершенствовании нормативно-правовой базы функционирования, так называемых особых экономических зон регионального уровня, которые по классу наиболее близки к предпринимательским зонам США. Примером успешного функционирования особых экономических зон регионального

уровня в РФ служит опыт Липецкой области: в регионе для инвесторов представлены зоны промышленно-производственного, туристско-рекреационного, технико-внедренческого и агропромышленного типов [8].

Другим институтом регионального развития является территория опережающего социально-экономического развития.

Первоначальной целью создания ТОР было развитие Дальневосточного федерального округа (ДФО) с формированием благоприятных условий для крупных инвесторов. В результате с поставленной целью ТОРы справились: многие китайские предприниматели активно ведут инвестиционную деятельность в ДВФО, благодаря богатейшим запасам полезных ископаемых в округе и близости к странам Азиатско-Тихоокеанского региона с возрастающим спросом на энергоресурсы.

Однако подобный проект весьма негативно восприняли жители Дальнего Востока из-за опасения активной китайской экспансии в регионе, поскольку закон о ТОРах существенно упрощает доступ иностранных граждан к хозяйственной деятельности на территории РФ, так как не требуется получение разрешений на привлечение иностранных работников. Кроме того, по ходатайству зарубежных компаний может быть осуществлено принудительное изъятие земельных участков и расположенного на них недвижимого имущества, при этом сумма компенсации за принудительное отчуждение определяется самой иностранной компанией. Примером может служить, когда китайские инвесторы за несколько лет превращали ранее плодородные земли на Дальнем Востоке в «убитые» территории.

Вместе с тем, согласно законодательству РФ о территориях опережающего социально-экономического развития, статус ТОР могут получить моногорода с неустойчивым социально-экономическим положением. Исключением являются муниципальные образования, на территории которых уже созданы ТОР. Здесь, в отличие от ТОРов Дальнего Востока, будут преобладать браунфилд-проекты над гринфилд-проектами [4, С. 18].

Авторская позиция солидарна с точкой зрения Е.М. Бухвальда и О.Н. Валентик,

по мнению которых, что в Российской Федерации для поддержки моногородов уже есть государственная корпорация развития «ВЭБ.рф». Кроме того, вызывают большие сомнения, что модель ТОР подходит для решения проблем моногородов: здесь нужны совсем иные инструменты развития [2, С. 75]

Еще одним инструментом аккумуляции инвестиционно-инновационной деятельности в регионах являются зоны территориального развития. Несмотря на принятие Федерального закона № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на законодательном уровне по-прежнему не ясно, какую целевую «нишу» должны занять ЗТР в общей системе институтов развития в российской экономике в целом [1, С. 29].

С принятием Постановления Правительства РФ № 1415 определен перечень регионов, где допускается создание зон территориального развития, большинство из которых представляют Северо-Кавказский федеральный округ.

Однако по настоящее время, с момента вступления в силу Федерального закона № 392-ФЗ, прошло немало времени и по-прежнему не издано ни одного Постановления Правительства РФ о создании ЗТР. Помимо того, в действующей редакции Федерального закона не представлены четкие указания о налоговых льготах и таможенных преференциях для резидентов зон территориального развития.

Территории с особым экономическим статусом отличаются не только целью создания, приоритетными направлениями развития, но и сроками функционирования. Так, период действия территорий опережающего социально-экономического развития составляет 70 лет (за исключением ТОРов, созданных в моногородах со сложным социально-экономическим положением, функционирующие 10 лет), особых экономических зон – 49 лет, зон территориального развития – 12 лет.

В обеспечении эффективного функционирования территорий с особым экономи-

ческим статусом стоит уделить весомое внимание формированию и интенсификации развития территориально-локализованных точек роста в виде кластеров.

Мировая практика демонстрирует, что рост получаемых эффектов обеспечивается за счет процесса кластеризации экономики и формирования интеграционных образований, что обеспечивает повышение конкурентоспособности экономики региона и региональных производителей. Исходя из этого, необходимо уточнить значение дефиниции территориальный кластер, под которым понимается объединение всех участников территории с особым экономическим статусом, находящихся в функциональной взаимосвязи и взаимозависимости друг с другом, деятельность которых направлена на объединение организации производства продукции в кластерную цепочку «материал-производство-готовая продукция», обеспечивая расширенное воспроизводство валового регионального

продукта за счет имеющегося потенциала собственных ресурсных возможностей в интересах реализации внутрорегиональных целевых установок системного характера.

Суть авторской трактовки территориального кластера заключается в том, что территориальный кластер – это инструмент структурной и региональной политики, ориентированный на привлечение дополнительного внебюджетного финансирования, а не повышения статуса конкретной территории.

В заключении стоит отметить, что территории с особым экономическим статусом должны и могут стать, в первую очередь, региональным институтом развития в процессе трансформации депрессивных регионов в плацдармы по формированию территориально-производственных кластеров и единых технологических цепочек производства продукции.

Литература

1. Бухвальд Е.М. «Зоны территориального развития» и усиление роли субфедерального звена управления в модернизации российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2012. № 3. С. 27-38.
2. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2. С. 72-84.
3. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 226-230.
4. Кутукова Е.С., Осипов В.С., Рагулина Ю.В. Критерии для отнесения участков к территориям опережающего развития // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 3. С. 15-22.
5. Меджидов З.У. Сравнительный анализ использования территорий с особым экономическим статусом в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 1. № 4. С. 254-262.
6. Меджидов З.У. Факторы, определяющие специализацию территорий с особым экономическим статусом (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2017. № 3 (49). С. 50-59.
7. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию (статья первая) // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 1. С. 5-14.
8. Особые экономические зоны регионального уровня [Электронный ресурс]. URL: <http://oezgu.ru> (дата обращения: 12.05.2019).
9. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 9-27.

УДК 338.2

Цели и векторы обеспечения экономической безопасности высокотехнологичных компаний

С.В. Банк, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики,
О.А. Банк, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Экономическая нестабильность на мировом уровне предопределяет один из первостепенных научно-практических вопросов, требующих решения – формирование и исполнение комплекса обеспечения экономической безопасности компаний, особенно это касается тех, кто осуществляет производство высокотехнологичной продукции.

Такие компании вынуждены приспосабливаться к нестабильным обстоятельствам общественно-политических и общественно-экономических процессов, отбирать рациональные решения в отношении трудностей и направлений сокращения воздействия угроз на собственный функционал.

Исполнение мер по обеспечению экономической безопасности предоставит условия как для бесперебойной деятельности, так и для прироста результативности хозяйствования, а кроме того, будет содействовать увеличению возможностей с точки зрения экономики отдельных высокотехнологичных компаний и экономической среды государства в совокупности.

Высокотехнологичные компании. Экономическая безопасность. Угрозы безопасности. Экономические опасности. Цели экономической безопасности. Экономическая защищенность. Хозяйственное функционирование.

Goals and vectors of ensuring economic security of high-tech technologies

S.V. Bank, Professor of Economics,
O.A. Bank, Associate Professor of the Department of Finance and Accounting,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

Economic instability at the global level predetermines one of the primary scientific and practical issues required to be solved-the formation and implementation of the complex of economic security of companies, especially for those who perform the production of high-tech products.

Such companies are forced to adapt to the unstable circumstances of socio-political and socio-economic processes, to select rational solutions to the difficulties and ways to reduce the impact of threats on their own functionality.

The implementation of measures to provide economic security will provide conditions for both uninterrupted activity and for increasing the efficiency of economic management, and in addition, will help to increase the opportunities in terms of the economy of individual high-tech companies and the economic environment of the state as a whole.

Technology company. Economic security. Security threat. Economic dangers. Purpose of economic security. Economic security. Economic functioning.

В текущих обстоятельствах непостоянности международной экономики высокотехнологичные компании, как и иные субъекты предпринимательства, должны приспосабливаться к обстоятельствам общественно-политической и общественно-экономической динамики и осуществлять отбор соответствующих решений касательно трудностей и направлений уменьшения опасностей собственному функционированию [5].

Повышенный износ как физический, так и моральный ключевых фондов производства, недостаток экономических ресурсов,

несоответствие кооперационных взаимосвязей обуславливают непростое экономическое состояние большей доли высокотехнологичных компаний реального экономического сегмента. Вследствие появляется трудность формирования и осуществления концепций предоставления экономической безопасности, призванной сформировать условия для уменьшения степени опасностей работы компаний, что и предстает одним из центральных научно-практических вопросов [7].

Экономическую безопасность высокотехнологичной компании необходимо ис-

следовать комплексно, включая факторную систему, компоненты которой сопряжены не так сильно с внутрифирменным положением собственно компании, сколько с влиянием извне, сопутствующими субъектами взаимосвязи.

Обособливаются два базовых подхода по установлению природы понятийного аппарата «экономической безопасности» касаясь компании, производящей высокотехнологичную продукцию.

В рамках первого из них экономическую безопасность можно оценивать в качестве теоретического отсутствия угроз и вероятности образования тех или иных опасностей для функционала компании.

Согласно второму – в качестве подлинной защиты компании от опасностей, иными словами, умение сберечь свою независимость и осуществлять собственные интересы, невзирая на наличие негативных условий [8].

Важно отметить, что положение безопасности компании динамично; внутренние опасности не менее рискованные и нежелательные, нежели внешние, а комплекс экономической безопасности высокотехнологичной компании непосредственно сопряжен с концепцией предоставления экономической безопасности государственного экономического сектора.

В современных информационных источниках отражаются всевозможные группировки угроз для экономической безопасности как высокотехнологичных, так и иных видов компаний. Так, рассмотрим наиболее крупные и общеизвестные из них.

На рисунке 1 приведена группировка опасностей для экономической безопасности высокотехнологичной компании относительно субъекта [7].

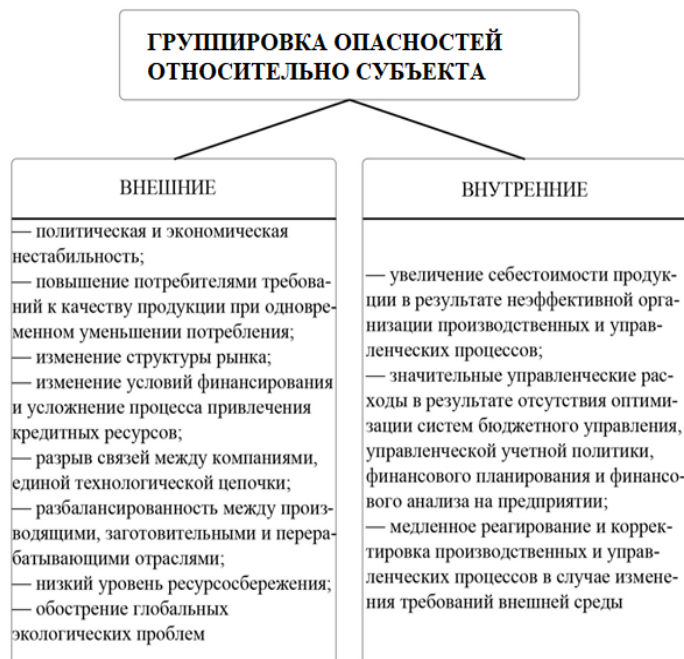

Рисунок 1 – Группировка опасностей относительно субъекта

Рисунок 2 – Группировка источников опасностей по принадлежности к компании

Одновременно с тем, группировка источников опасностей для экономической безопасности субъекта предпринимательства по принадлежности собственно к компании интерпретируется следующим образом, как на

рисунке 2 [7].

На рисунке 3 находит отражение группировка опасностей для экономической безопасности высокотехнологичной компании по характеру действия [7].

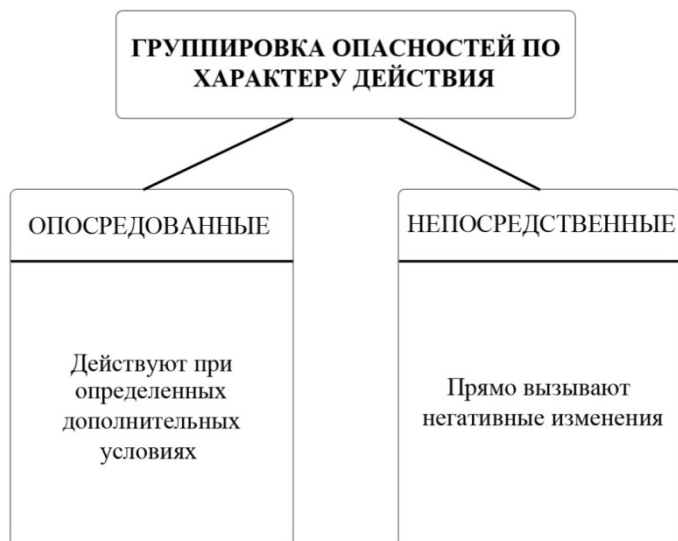

Рисунок 3 – Группировка опасностей по характеру действия

В целях оценки и восприятия степени экономической безопасности высокотехнологичной компании требуется знать условия, благодаря которым она предоставляется, и

которые выступают единством окружающих факторов, влияющих на критерии безопасности (таблица 1).

Таблица 1 – Условия предоставления экономической безопасности

УСЛОВИЯ	ДЕТАЛИЗАЦИЯ	ОСОБЕННОСТИ
Внешние	<i>Область макроэкономики</i>	Степень экономического развития государства, константность законодательства в отношении хозяйствования, степень инфляции, покупательная способность граждан, положение финансового комплекса, политика государства в отношении инвестиций, антимонопольных направлений, налогов, внешней экономики, цен и инноваций
	<i>Область рынка</i>	Спрос потребителей и производства, ценовая степень на сырьевую базу и готовую продукцию, нестабильная региональная и отраслевая конкуренция, действия конкурентов, рыночная емкость, платежеспособность потребителей, поставщиков
	<i>Иные</i>	Скорость научно-технического прогресса, перспективы демографии, криминогенные условия, условия природы и климата и т.д.
Внутренние	<i>Область финансов</i>	Ликвидность и состав активов, капитала, уровень оборотного капитала в собственности, степень рентабельности, политика в отношении дивидендов
	<i>Область производства</i>	Применение основных/оборотных фондов, положение и состав основных фондов, комплекс контроля за качеством, состав себестоимости
	<i>Область кадров</i>	Особенности внутрифирменного управления, кадровая мотивация, аспекты трудовой оплаты, наличие стратегии по совершенствованию, кадровые профессионализм и состав, мероприятия социального характера
	<i>Область обеспечения материалами и техникой</i>	Степень разделения сырьевых поставок, сырьевое качество, скорость поставок, применение инноваций в снабжении
	<i>Область технологий и сбыта</i>	НИОКР, ресурсы инвестиций, степень активности с использованием инноваций
	<i>Область реализации</i>	Широта ассортимента, политика цен, уровень потребительского разделения, расчетные особенности с потребителями, осуществление исследований маркетингового характера
	<i>Область экологии</i>	Введение новейших технологий, исполнение мер по охране природы

Возвращаясь к вопросу группировок опасностей для экономической безопасности высокотехнологичной компании, на рисунке 4

отразим такое их подразделение относительно источника образования [7].

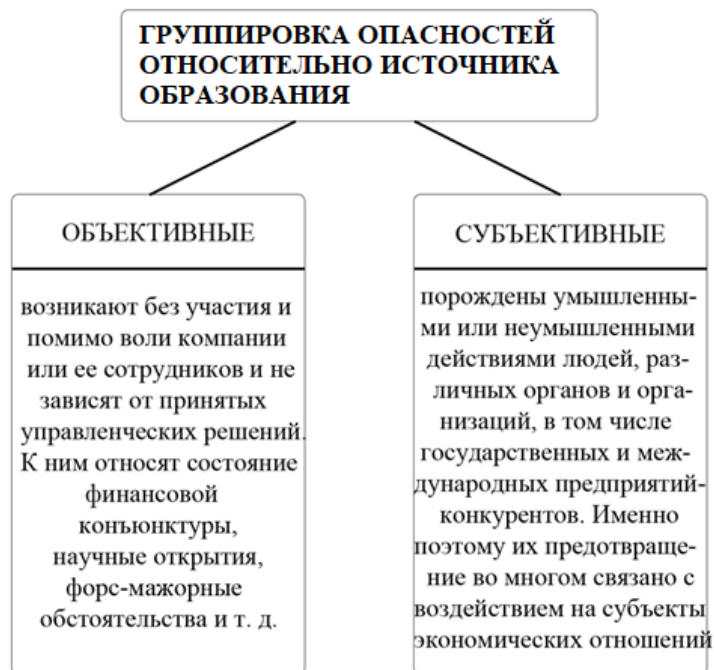

Рисунок 4 – Группировка опасностей относительно источника образования

Степень экономической безопасности высокотехнологичной компании находится в зависимости от того, на какой стадии располагается результативность его управления и насколько оно правомочно воспрепятствовать возникновению опасностей изнутри и извне и устранить отрицательные результаты единичных негативных элементов внешней и внутренней сфер.

Базовая цель управления экономической безопасностью высокотехнологичной компании – это гарантия ее константного и успешного функционирования в действующих обстоятельствах, выработка потенциала совершенствования и роста в перспективе [6].

К основополагающим целям функционала экономической безопасности высокотехнологичной компании причисляют:

- выработку надлежащих внутренних кадровых, информационных, правовых, капитальных и технологических ресурсов;
- планирование в рамках тактики и стратегии хозяйственных процессов компании;
- планирование в рамках тактики экономической безопасности согласно ее компо-

нентам функционирования;

-выполнение функциональной оценки степени экономической безопасности.

Осуществление каждого из перечисленных выше целевых положений экономической безопасности высокотехнологичной компании значительно для свершения ее базовой цели. Помимо этого, каждая из таковых целей наделена особой структурой микроцелей, характеризуемой функциональной необходимостью и спецификой функционирования компании.

Требуется выделить, что, невзирая на общие особенности, концепция экономической безопасности отдельной компании сугубо индивидуальна. Ее целостность и результативность значительно находятся в зависимости от существующей в стране законодательной основы, резервов материалов, финансов и техники, определяемых управляющим компанией, представления каждого из работников компании существенности предоставления его экономической безопасности, а кроме того, от решений, избираемых управлением при выработке концепции экономической безопасности [8].

Оценочно-аналитические итоги функциональных элементов экономической безопасности необходимы к возложению в базу исследования системы мер, нацеленных на воспрепятствование опасностям и увеличение степени данной безопасности и, следовательно, масштабирование ее адаптационных способностей к динамике обстоятельств хозяйствования, формирование условий устойчивого функционирования и совершенствования.

К главным векторам предоставления экономической безопасности высокотехнологичной компании причисляют:

-выработку высокой эффективности функционирования с точки зрения финансов, финансовой устойчивости и самостоятельности компании;

-предоставление независимости в технологическом аспекте и высокой конкурентоспособности возможностей компании в техническом аспекте;

-формирование высочайшей действенности менеджмента, надлежащей и результативной внутренней структуры по управлению компанией;

-обеспечение высокой квалификационной степени кадров и их интеллектуальных возможностей;

-сведение к минимуму разрушительного воздействия итогов хозяйственного функционирования на окружающую среду;

-целесообразная правовая защита всех компонентов деятельности компании, предоставление информационной защищенности, коммерческой тайны и требуемого уровня обеспечения информацией всех соответствующих подразделений и служб;

-действенная реализация безопасности кадров компании, капитала и имущества, бизнес-интересов [4].

Исполнение мер по предоставлению экономической безопасности предоставит условия как для бесперебойной деятельности, так и для прироста результативности хозяйствования, а кроме того, будет содействовать увеличению возможностей с точки зрения экономики отдельных высокотехнологичных компаний и экономической среды государства в совокупности [5].

Подведем итог того, что выработка и исполнение цельного комплекса обеспечения экономической безопасности высокотехнологичных компаний, содействующего прогнозированию опасностей для нее и своевременно регулировать масштабы и состав затрат на ее обеспечение, будет способствовать целесообразному воздействию на совокупное финансовое положение заданной компании, производящей высокотехнологичную продукцию, что, как следствие, позитивно скажет как на функционале собственно компании, так и «внесет вклад» в оздоровление государственной экономики.

Литература

1. Банк С.В. Развитие партнерских отношений малого инновационного бизнеса с государственными и муниципальными органами // Вопросы региональной экономики. 2011. № 3 (8). С. 3-11.
2. Банк С.В., Банк О.А. Импортзамещение как основа укрепления экономической и продовольственной безопасности страны // Вопросы региональной экономики. 2015. № 3 (24). С. 56-61.
3. Богатырев С.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России [Текст]: Монография / С.И. Богатырев // М.: ООО «Эдитус», 2016. 188 с.
4. Волкова М.Н. Функциональные направления службы безопасности предприятия // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования, 2015. № 4. С. 144-147.
5. Гераськин Д.В. Эталонные стратегии обеспечения конкурентоспособности высокотехнологичных продуктов в России // Бизнес в законе, 2016. № 2. С.54-58. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etalonnye-strategii-obespecheniya-konkurentosposobnosti-vysokotekhnologichnyh-produktov-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2019).
6. Горбачев Д.В. Комплексный подход к организации деятельности службы экономической безопасности предприятия // Интеллект. Инновации. Инвестиции, 2014. № 1. С. 165-170.
7. Касперович С.А., Дербинская Е.А. Экономическая безопасность предприятия: сущность, цели и направления обеспечения // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление, 2016. № 7 (189). С. 278-282. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-predpriyatiya-suschnost-tseli-i-napravleniya-obespecheniya> (дата обращения: 11.05.2019).
8. Микун Ю.В. Оценка и обеспечение экономической безопасности предприятия // ЭКОНОМИНФО, 2014. № 22. С. 34-36. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-i-obespechenie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya> (дата обращения: 11.05.2019).

УДК 332.1

Инновационные промышленные кластеры и их роль в обеспечении устойчивого социально-ориентированного развития региона

М.Я. Веселовский, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет», г. Королев, Московская область,

Т.В. Погодина, доктор экономических наук, профессор департамента менеджмента,
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

В статье проанализирован отечественный и зарубежный опыт создания инновационных промышленных кластеров, подчеркнута их роль в обеспечении устойчивого развития региона, выделена ключевая ориентация деятельности инновационных промышленных кластеров, заключающаяся в формировании сетевой добавленной стоимости. Сделан вывод, что наиболее приемлемым в современных условиях является кластерный подход, ориентированный на формирование и развитие инновационных промышленных кластеров в наукоемких и высокотехнологичных секторах экономики.

Инновации, промышленные кластеры, социально-ориентированное развитие, регион.

The innovation industrial clusters and their role in providing steady socially oriented development of the region

M.Y. Veselovsky, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management,
State Educational Institution of Higher Education

Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region.

T.V. Pogodina, Doctor of Economics,

Professor of the Department of Management,

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», Moscow

In article domestic and foreign experience of creation of the innovation industrial clusters is analyzed, their role in ensuring sustainable development of the region is emphasized, the key orientation of activity of the innovation industrial clusters consisting in forming of network added value is selected. The conclusion is drawn that the most acceptable in modern conditions is the cluster approach oriented to forming and development of the innovation industrial clusters in the knowledge-intensive and hi-tech sectors of economy.

Innovations, industrial clusters, socially oriented development, region.

Современные реалии таковы, что одному участнику воспроизводственного процесса невозможно эффективно генерировать знания для быстрого превращения результатов научных исследований в конечный инновационный продукт, передовую производственную технологию и их коммерциализацию на рынке. На основе объединения предприятий в кластеры происходит снижение транзакционных издержек, выстраивается эффективная цепочка создания нового знания и «привязка» компаний к данному региону посредством их включения в территориальный брендинг.

В мире накоплен значительный опыт, подтверждающий существенную роль кластеров в технологическом развитии экономики отдельных стран и регионов [3, 8, 10, 11, 13, 15, 16]. Например, в Германии получили развитие кластеры в химической отрасли и машиностроении, во Франции – косметическая отрасль и отрасли, производящие основные продовольственные товары. В 50-60-х годах 20-го века целые отрасли стали объединяться в кластеры для получения мультипликативного эффекта и формирования бренда региона.

Одним из быстроразвивающихся является бренд региона Балтийского моря, который основан на инновационных промышлен-

ленных кластерах в ведущих экономиках Финляндии, Швеции, Дании, Эстонии и устойчивых связях между ними.

В качестве положительного примера можно привести формирование трансграничного кластера биотехнологий между вышеуказанными странами во взаимосвязи с северными территориями Германии, который называется «ScanBalt BioRegion». Стратегией данного инновационного промышленного кластера является национальное и наднациональное инвестирование в регионе Балтийского моря и завоевание ведущих позиций в мире на рынке высокотехнологичных товаров и услуг (биотехнологий).

Опыт показал, что благодаря развитию инновационного промышленного кластера биотехнологий имеется реальная перспектива формирования единого бренда региона Балтийского моря. Кроме того, обеспечивается формирование дополнительных, «побочных» эффектов, связанных с улучшением имиджа территории, развитием межрегиональных коммуникаций, повышением качества жизни населения и т.д.

Кластеры имеют разнообразную организационную структуру. Они могут быть сформированы по принципу «сверху-вниз», сетевому принципу и «дирижизму». В Европейских странах наибольшее распространение получило формирование инновационных промышленных кластеров по сетевому принципу, объединяющему технологически взаимосвязанные предприятия в единую организационно-экономическую структуру. По прогнозам, мировой рынок высокотехнологичных товаров и услуг в ближайшие 10-15 лет может достичь 10 трлн. долл., что значительно превысит объемы деятельности топливно-энергетического комплекса.

Из европейских стран на рынке высокотехнологичных товаров и услуг наиболее значительные позиции имеют Германия, Великобритания и Франция, которые контролируют по 5-10 макротехнологий каждая. Контроль даже над относительно небольшим количеством макротехнологий на рынке высокотехнологичных товаров позволил европейским странам занять лидирующие позиции в

мировой экономике и обеспечить высокие темпы прироста национального ВВП.

Хотя кластеры в Европе и развиваются самостоятельно, тем не менее, государство оказывает им весомую финансово-экономическую поддержку. По материалам различных источников, около 30% финансирования приходится на национальные общественные фонды, 25% составляют членские взносы участников инновационных промышленных кластеров, 20% – средства региональных общественных фондов.

В целом, в Европе около 50% источников финансирования, так или иначе, связано с участием государственных органов национального и регионального уровней.

Это играет важную, а во многих случаях ключевую роль в обеспечении их устойчивого социально-экономического развития. Таким образом, обеспечивается положительное влияние инновационных промышленных кластеров на региональную экономику на основе формирования бренда промышленной территории. В результате это ведет к активному росту инновационной активности организаций смежных отраслей, образуются межотраслевые технологические цепочки, что представлено в таблице 1.

Как видим, уровень инновационной активности организаций промышленного сектора экономики в ведущих европейских странах очень высокий, что во многом происходит благодаря эффективно организованному процессу формирования инновационных промышленных кластеров. В первую очередь это относится к Германии и Великобритании (более 60%). Даже в бывшей союзной республике Эстонии инновационная активность промышленных организаций составила 27,5% против 10,5% в России в 2016 г.

Россия имеет существенное отставание от развитых европейских стран, что требует исследования причин сложившейся ситуации и поиска траектории развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Кластерная политика в России декларируется только с 2012 г. как новый институт социально-экономического развития. Реализация кластерной политики сопряжена с не-

обходимостью активизации инновационных процессов и существенного повышения уровня жизни населения. Развитие промышленных кластеров представляет собой инновационный

подход к формированию траектории региональной экономики.

Таблица 1 – Инновационная деятельность отдельных стран мира в промышленности в 2016 г., проценты

Страна	Уровень инновационной активности организаций	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации
Россия	10,5	9,2
Германия	71,2	58,2
Норвегия	56,8	46,4
Великобритания	62,9	45,7
Финляндия	58,4	52,0
Швеция	56,0	48,0
Эстония	27,5	22,8

Источник: составлено авторами по материалам Росстата: www.gks.ru [17]

Роль инновационных промышленных кластеров в экономике региона разнообразная, и на наш взгляд, должна включать следующие функции – научно-техническую, экономическую, социальную, экологическую. Исходя из вышеназванных функций, региональная кластерная политика должна быть социально-ориентированной. Опыт создания социально-ориентированных кластеров в Рос-

сии имеется. Их деятельность направлена на создание продукции, способствующей резкому увеличению здоровья, продолжительности жизни человека и снижению смертности.

Рассмотрим перечень действующих и формирующихся социально-ориентированных инновационных промышленных кластеров и представим их в таблице 2.

Таблица 2 – Действующие социально-ориентированные инновационные промышленные кластеры в России

Регион	Название Кластера	Цель и вид деятельности
Алтайский край	«Биофармацевтический кластер «АлтайБио»»	Разработка и производство современных лекарственных средств, продуктов питания с заданными полезными свойствами и медицинской техники
Белгородская область	«Кластер Биофармацевтики»	Производство готовых лекарственных средств, субстанций, ветеринарных препаратов, кормовых добавок, пробиотиков, биоудобрений
Калужская область	«Фармацевтика, биотехнологии и биомедицина»	Проведение доклинических и клинических исследований, разработка фармацевтических субстанций, промышленное производство готовых лекарственных средств
Кемеровская область	«Биомедицинский кластер Кемеровской области»	Производство медицинских изделий для сердечно-сосудистой хирургии, готовых лекарственных средств, биологических добавок, оказание специализированной высокотехнологичной медицинской помощи населению

Регион	Название Кластера	Цель и вид деятельности
Санкт-Петербург Ленинградская область	«Кластер медицинской и фармацевтической промышленности и радиационных технологий»	Разработка и производство оригинальной отечественной импортозамещающей медицинской техники, лекарственных средств, развитие ядерных технологий
Москва	«Медицинская промышленность, новая химия и биотех»	Развитие инновационной и импортозамещающей медицинской и фармацевтической промышленности
Новосибирская область	«Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области»	Развитие отраслей «новой экономики», повышение доли кластера в ВРП с 4% в 2013 г. до 8% в 2020 г.

Источник: составлено авторами по материалам: Перечень – список промышленных кластеров России – 2019 год [6].

В целом, по состоянию на начало 2019 г. в 38 субъектах России формируются промышленные кластеры национального масштаба. Они представляют топливно-энергетический комплекс, станкостроение, пищевую, легкую и деревообрабатывающую промышленность, фармацевтику, био- и инновационные технологии.

Можно выделить «Биофармацевтический кластер «АлтайБио» в Алтайском крае. Он расположен в наукограде города Бийск и выступает одним из главных производственно-инфраструктурных элементов данного города. В состав «Биофармацевтический кластер «АлтайБио»» входит 36 организаций, в том числе крупнейших компаний по производству биологически активных добавок и фармацевтических препаратов, таких как «Эвалар», «Алтайвитамины».

Но это единичные примеры. Действующих и формирующихся инновационных промышленных кластеров недостаточно для

ускоренного развития и обеспечения устойчивости регионов. Причины такого положения – недостаточные межрегиональные коммуникации. Развитию межфирменных и межкластерных коммуникаций может способствовать активное развитие цифровых технологий.

Следует также отметить модель финансирования инновационных проектов в России. В стране формируется несколько иная, чем в ЕС, схема финансирования деятельности кластеров. Около 33% объема финансирования приходится на средства федерального бюджета и 14% – региональные и местные бюджетные фонды, остальные 53% – средства частных инвесторов [2, 14]. Таким образом, более половины объемов финансирования осуществляется за счет негосударственных источников, что не может не оказывать влияния на темпы и характер инновационного развития промышленного сектора экономики региона и страны в целом.

Таблица 3 – Основные тенденции социального развития в России в 2010-2018 гг.

Показатели	Единицы измерения	2010 г.	2015 г.	2018 г.
Темп изменения численности населения	%	0,02	0,19	- 0,07
Реальные располагаемые денежные доходы населения	%	105,9	96,8	99,8
Децильный коэффициент фондов	раз	16,6	15,7	15,5
Заболееваемость населения по всем болезням	чел./ 1000 чел населения	780,0	778,2	778,8
Заболееваемость населения новообразованиями	чел./1000 чел населения	10,8	11,4	11,5
Общая площадь жилых помещений на одного жителя	м ²	22,6	24,4	25,8

Источник: составлено авторами по материалам Росстата: www.gks.ru [17]

Несмотря на декларации о социально-ориентированной экономической политике в России, качество жизни населения остается недостаточным, что является серьезным ограничителем устойчивого социально-экономического развития регионов и национальной экономики в целом. Тенденции социального развития России представлены в таблице 3.

Как видим, прослеживаются довольно четкие тенденции в снижении численности российского населения, реальных располагаемых денежных доходов и роста заболеваемости по всем болезням, в том числе и новообразованиям. В то же время, улучшаются жилищные условия и снижается дифференциация доходов населения.

В условиях российской действительности большое значение имеет использование кластерных технологий в развитии социально-критичных отраслей экономики, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность, сохранение жизни и здоровья людей. К таким отраслям относятся медицинская, фармацевтическая и биотехнологическая промышленность.

Социально-критичный кластер можно рассматривать как особый тип кластера, деятельность которого направлена на решение социальных задач, связанных с жизнеобеспечением населения, что является основой устойчивого развития региона в долгосрочной перспективе [7].

Стратегическая цель обеспечения устойчивого развития регионов во взаимосвязи с повышением качества жизни населения определяется возможностью генерации знаний, которые характеризуются цифровыми, нано- и биотехнологиями. В экономически развитых странах уровень использования информационных и телекоммуникационных технологий в 2018 г. составлял 98-100%, в то время как в России – 88%. Таким образом, отставание есть, но в то же время имеется устойчивая положительная динамика по его преодолению и реальные возможности занять лидирующие мировые позиции по ряду макротехнологий.

По числу разработанных передовых производственных технологий в России лиди-

рует металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (126 ед. в 2018 г.), за ним следует производство компьютеров, электронных и оптических изделий (72 ед.), что свидетельствует о потенциале данных отраслей в генерации знаний в регионе. Несколько скромнее выглядят достижения в разработке передовых производственных технологий по производству лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях (9 ед. в 2018 г.) [1]. Поэтому в ближайшие годы надо сделать акцент на развитие инновационных промышленных кластеров в данной отрасли промышленности.

В последние годы российские регионы стали активнее использовать кластерный подход для интеграции деятельности производственных предприятий региона. В данных регионах наряду с кластерами национального масштаба создаются небольшие кластеры регионального значения.

Одним из развивающихся, является биотехнологический кластер Кировской области, который имеет внутрирегиональное значение и ориентирован на реализацию сквозных проектов, начиная с НИОКР, опытного производства вплоть до коммерциализации нововведений и доведения их до конечного потребителя [1]. Миссия данного кластера заключается в создании системы, способствующей переходу от традиционной экономики к биоэкономике, основанной на знаниях. Биотехнологический кластер Кировской области можно рассматривать как межотраслевой, учитывая многообразие центров внедрения биотехнологий: медицинских биотехнологий и здорового питания; промышленных биотехнологий; сельскохозяйственных и лесных биотехнологий; пространственных данных и проектирования.

Дополнительным достоинством биотехнологического кластера Кировской области является осуществление межкластерного сотрудничества, которое осуществляется под общей координацией Правительства Кировской области. Таким образом, кластер активно участвует в жизнедеятельности Кировской области и способствует обеспечению его устойчивого развития.

Активизировать инновационные процессы в промышленности можно посредством обеспечения взаимодействия между инновационными промышленными кластерами и технологическими платформами. В России к инновационно активным можно технологические платформы «Биоэнергетика», «Экологически чистая тепловая энергетика высокой эффективности», «Перспективные технологии возобновляемой энергетики», «Малая распределенная энергетика», «Материалы и технологии металлургии». На базе данных технологических платформ становится возможным определять стратегические приоритеты развития не только отдельных инновационных промышленных кластеров, но и отраслей в целом, а также регионов.

Целесообразно рассмотреть ключевые индикаторы деятельности инновационных промышленных кластеров. Ключевую роль в оценке эффективности деятельности инновационного промышленного кластера должен играть анализ темпов приращения экономической добавленной стоимости входящих в него компаний после реализации инновационного проекта. Такая позиция основана на том, что экономическая добавленная стоимость в наибольшей степени отражает привлекательность проекта с позиции ценностно-ориентированного подхода и обеспечивает повышение качества принимаемых решений, ориентированных на достижение стратегических целей развития инновационного промышленного кластера и его отдельных участников. Реализация данного подхода возможна в рамках формирования клиенто-ориентированной модели расширенного инновационного процесса на основе выстраивания технологических цепочек между промышленными компаниями внутри кластера и межкластерного взаимодействия [5, 9].

В целях достижения задачи вхождения России в пятерку крупнейших держав мира целесообразно перейти от текущих к стратегическим задачам развития национальной экономики, основанной на генерации знаний и реализации нововведений. Наиболее приемлемым в современных условиях является кластерный подход, ориентированный на

формирование и развитие инновационных промышленных кластеров в наукоемких и высокотехнологичных секторах экономики (ядерная физика, химия, ядерная техника), по которым у России сохранился существенный потенциал [4, 9, 12].

Исходя из того, что уровень жизни населения России имеет тенденцию к снижению в последние годы, региональная кластерная политика должна быть социально-ориентированной. Целесообразно использование кластерных технологий в развитии социально-критичных отраслей экономики, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность, сохранение жизни и здоровья людей. К таким отраслям относятся медицинская, фармацевтическая и биотехнологическая промышленность [1, 2, 14].

Опыт создания социально-ориентированных кластеров в России имеется. Их деятельность направлена на создание продукции, способствующей резкому увеличению здоровья, продолжительности жизни человека и снижению смертности («Биомедицинский кластер Кемеровской области», «Биофармацевтический кластер «АлтайБио»», «Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области» и другие). Однако, их количества недостаточно для решения проблемы повышения уровня жизни населения в национальном масштабе. Необходимо развитие системы распространения передового опыта на всю экономику страны посредством использования современных технологий, к числу которых относятся цифровые технологии.

Для обеспечения синергетического эффекта целесообразно активизировать взаимодействие инновационных промышленных кластеров с технологическими платформами, на базе которых можно определять стратегические приоритеты развития не только отдельных кластеров, но и целых отраслей промышленности.

Большое значение имеет оценка эффективности кластерного развития. Эффективность деятельности инновационных промышленных кластеров целесообразно оценивать с помощью методики, включающей оп-

ределение преимуществ формирования кластеров для его участников и для инновационного развития экономики региона. Подобная оценка должна включать следующие виды эффективности: социальную, экологическую, научно-техническую, экономическую и бюджетную. Особое внимание следует уделить социальной и экологической эффективности, поскольку никакие нововведения не будут нужны, если уровень жизни современного населения и будущих поколений будут оставаться низкими. В таких условиях невозмож-

но будет повышать и экономическую эффективность национальной и региональной экономики.

Таким образом, исключительную значимость, помимо инновационной функции, имеет и социальная ориентированность кластеров. Именно сочетание инновационной и социальной функций при реализации кластерного подхода позволит решить стратегические задачи социально-экономического развития России и вхождение ее в крупнейшие экономические державы.

Литература

1. Биотехнологический кластер Кировской области [Электронный ресурс]. URL: <http://biokirov.ru> (дата обращения: 01.04. 2019).
2. Бортник И.М. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки // И.М. Бортник, С.П. Земцов, О.В. Иванова, Е.С. Куценко, П.Н. Павлов, А.В. Сорокина // Инновации, 2015. № 7 (201). С. 26-36.
3. Мантаева Э.И. Мировой опыт кластерной модели развития / Э.И. Мантаева, Е.В. Куркудинова // Управление экономическими системами. 2012. № 2 (38). С. 56.
4. Матюкин С.В., Фокин А.Е. Анализ развития кластеров высокотехнологичных секторов: адаптация зарубежного опыта для модернизации экономики региона / С.В. Матюкин, А.Е. Фокин // Фундаментальные исследования. 2019. № 1. С. 33-39.
5. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения [Электронный ресурс]. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/standards_of_life (дата обращения: 15.02.2018).
6. Перечень-список промышленных кластеров России – 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <https://russiaindustrialpark.ru/article/perechen-spisok-promyshlennyh-klasterov-rossii-2019-god> (дата обращения: 01.04. 2019).
7. Петров А.П. Теоретико-методологические основы формирования социально-ориентированного кластера в регионе: автореферат диссертации на соискание ученой степени докт. экон. наук по специальности 08-00-05- экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика). Екатеринбург. 2014. 38 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/331974459> (дата обращения: 01.04. 2019).
8. Петухов Р.Н. Анализ мирового опыта формирования территориальных инновационных кластеров // Молодой ученый. 2016. № 16 (120). С. 191-194.
9. Повышение конкурентоспособности отечественной промышленности в условиях инновационного подъема: монография / Ю.А. Романова, И.В. Павлова, Т.В. Погодина и др. // М.: ООО «Научный консультант». 2018. 310 с.
10. Порваткина М.В. Зарубежный опыт формирования и развития региональных кластеров в экономически развитых странах // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2011. № 12 (114). С. 112-115.
11. Тарасенко В.В. Американская, европейская и азиатская модели реализации кластерной политики // Экономика и предпринимательство, 2014. № 9 (50). С. 921-924.
12. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография // Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
13. International benchmarking study of competitiveness poles and clusters and identification of best practices, June 2012. 53 p.
14. Kutsenko E. (2015) Pilot Innovative Territorial Clusters in Russia: A Sustainable Development Model. ForesightRussia, vol. 9, no 1, pp. 32–55.
15. Mario Davide Parrilli, Bjorn Terje Asheim. Interactive Learning for innovation: a key driver within clusters and innovation systems. Palgrave Macmillan, 2012.
16. Young M. The Technical Writer's Handbook. Mill Valley, CA: University Science, 1989. 451 p.
17. Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru> (дата обращения: 01.04. 2019).

УДК 332.14

Предварительные концептуальные научно-прикладные результаты прогноза социально-экономического развития Красноярского края в горизонте до 2100 года

А.Б. Власов, специалист по стратегическому планированию,
Министерство транспорта Красноярского края, г. Красноярск

В статье изложены промежуточные результаты исследования о долгосрочном прогнозировании динамики изменений природно-климатической эволюции в горизонте до 2100 года, ее влияния на социально-экономическое развитие региона, а также формирования наиболее вероятного образа будущего Красноярского края.

Прогнозирование, климат, социально-экономическое развитие, макрорегион, «Енисейская Сибирь».

Preliminary conceptual scientific and applied results of social and economic development forecast of Krasnoyarsk region up to 2100

A.B. Vlasov, strategic planner,
Transport Ministry of Krasnoyarsk Region, Krasnoyarsk

This article presents the interim results of a study on the long-term forecasting of changes in the natural-climatic evolution up to 2100 and its impact on the social economic development of the region, as well as the formation of the most likely image of Krasnoyarsk Region future.

Forecasting, climate, social economic development, macro-region, «Yenisei Siberia».

Успешное социально-экономическое развитие зависит от эффективного управления, опирающегося на прогнозирование и анализ различных факторов окружающей среды. От того, насколько достоверны получаемые прогнозы, зависит уровень качества принимаемых управленческих решений. Поэтому наиболее актуальной проблемой социально-экономического развития является разработка достоверных прогнозов.

Вопросы социально-экономического развития в связи со своей значимостью вызывают большой интерес среди специалистов. Однако данная проблематика многогранна и динамична и требует постоянного поиска новых путей решения.

Любому началу действий социально-экономического развития предшествует разработка долгосрочных планов стратегического развития территорий, где в процессе разработки таких планов неоднократно возникает необходимость в определении наиболее важного фактора, влияние которого затрагивает большинство, если не все стороны хозяйственной и культурной деятельности субъекта федерации. С целью выявления подобного

фактора было проведено исследование по оценке результатов стратегий социально-экономического развития районов Красноярского края, где общим для всех муниципальных образований региона был выделен фактор динамики климата.

Как показало данное исследование желания авторов стратегий социально-экономического развития и возможности территорий, в части возможностей климата в подавляющем большинстве случаев не совпадали, ввиду того, что не опирались на последние, наиболее актуальные, академические научные данные о прогнозах климатической динамики. И хотя опубликованная и доступная информация о климате имеет глубочайший на сегодняшний день горизонт планирования – до 2100 года, и подготовлена на базе 20 научных моделей прогнозирования, тенденции отраженных в научных исследованиях процессах проявляются уже сейчас.

Дополнительно возник вопрос о картине будущего, в рамках выше указанных стратегий, в которых было выявлено отсутствие однородности взглядов авторов стратегий на суммирующие результаты, кооперацион-

ных цепочек в пределах одного региона, а также понимания возможностей будущего, и связанных с этим тенденций научно-технического прогресса, качества жизни, влияния геополитических аспектов, и, безусловно, тенденций изменения климата.

Перечисленные выше проблемы и вопросы возникают вследствие отсутствия широкого обсуждения данной информации, объективного понимания ее актуальности и оказываемого влияния.

На основании изложенного министерством транспорта Красноярского края в инициативном порядке в феврале текущего года сформирована экспертная рабочая группа из представителей научного сообщества, бизнеса и министерств, с целью разработки собственного проекта концепции «Модель переосвоения Красноярского края в горизонте до 2100 года: ставка на новые транспортные системы». По результатам промежуточных этапов удалось выявить и сформулировать долгосрочные тенденции изменения климата [1] макрорегиона «Енисейская Сибирь» (в составе Красноярского края, Республик Хакасия и Тыва), а также тенденции изменения социально-экономической конъюнктуры макрорегиона.

Долгосрочные тенденции изменения климата построены на следующих научно обоснованных данных:

- Динамика изменения прогнозного состояния вечномерзлых слоев. На текущий момент в краевой северной части криолитозоны выявлены образования карстовых озер, уже к 2040 году на территориях края с мощностью вечномерзлого слоя 5 – 50 метров грунты подвергнутся таянию [2]. Это территории Енисейского, Мотыгинского, Богучанского, Кежемского районов. К 2050 году подвергнутся таянию грунты на территориях Северо-Енисейского, Туруханского районов, Эвенскийского и Таймырского АО, вместе с тем данные процессы будут длительными и займут период по 2100 год. Однако уже к 2050 году несущая способность грунтов снизится на 75 – 95%, что не позволит вести в данных районах крупномасштабное строительство, а также затруднит разработку ме-

сторождений. К 2100 году край потеряет территории Таймырского АО, и в том числе населенные пункты: Хатанга, Диксон, Дудинка, Норильск.

- Динамика изменений погодных условий. К 2030 году в летний период в пределах региона прогнозируется полное освобождение Северного морского пути ото льда. К 2050 году средняя зимняя температура повысится на 3,1⁰С, средняя летняя температура – на 1,9⁰С, годовые осадки увеличатся на 50 мм., в сопоставлении к 2019 году. К 2085 году средняя зимняя температура повысится на 6,2⁰С, средняя летняя температура – на 3,8⁰С, годовые осадки увеличатся на 100мм., к 2019 году

- Динамика изменения прогнозного состояния лесопожарной обстановки. В текущее время средняя продолжительность лесных пожаров составляет 50 дней, площадь пожаров – 1,5 млн. Га, количество возгораний – 1700 пожаров. На тушении пожаров регион задействует 2000 человек и 900 единиц техники. К 2050 году средняя продолжительность лесных пожаров увеличится до 55 дней, а потенциальная площадь возгораний увеличится в 2 раза, до 3,5 млн. Га. К 2085 году средняя продолжительность лесных пожаров увеличится до 60 дней, а потенциальная площадь возгораний – в 3,5 раза, до 5,25 млн. Га [3].

- Динамика изменения прогнозного состояния лесного фонда. В горизонте планирования на территории макрорегиона произойдет изменение структуры и объемов лесов, прогнозируется существенное сокращение объемов лесных ресурсов, а также преобладание смешанных лесов. Географически лесные массивы будут смещаться на север, однако их перемещение будет тормозиться медленным сокращением криолитозоны [4].

Изложенные тенденции создают как возможности, так и угрозы. К возможностям, и особенно для сельского хозяйства, стоит отнести возможность выращивания на 50% территорий макрорегиона традиционных видов растительных культур (яровая пшеница, озимая пшеница, кукуруза (силос), овсянка, ячмень, просо). Географическое распространение прогнозируется с южных регионов макрорегиона до западных предгорий Сред-

несибирского плоскогорья (ориентир: с. Турханск). В южных и центральных районах сформируется возможность выращивания винограда, сои, риса и раннего абрикоса. В сопоставлении с 1990 годом урожайность к 2100 году повысится в 1,6 раза [5]. Обобщенные угрозы связаны с такими вызовами как:

- крупномасштабное таяние вечномёрзлых грунтов вызовет образование карстовых озер и пустот. Восстановление грунтов природой займет порядка 10 тысяч лет;
- выход метана от гниения органики находящейся вечно мерзлых грунтах в 20 раз повысит интенсивность нагрева атмосферы. Данное явление не имеет локального характера, тенденция затронет весь мир [6];
- изменение климата вызовет появление новых для Сибири заболеваний, которые на текущий момент свойственны южным и экваториальным странам.

Изложенные климатические тенденции создадут зону благоприятной жизнедеятельности, а также условия для положительной 3-кратной миграции населения [7]. Таким образом, численность постоянно проживающего населения в регионе с почти 3 миллионов человек в настоящий момент возрастет до 8,5 миллионов к 2100 году. При этом принимая во внимание мировую тенденцию увеличения численности городского населения, доля жителей сельской местности снизится до 8,5%.

Все выше перечисленные преобразования будут происходить на фоне таких процессов, как:

В области геоклиматических изменений:

- активизация вулканической деятельности Тихоокеанского «Огненного кольца» (328 вулканов) [8];
- запуск пока обсуждаемого проекта и строительство Обь-Каспийского канала для водоснабжения Казахстана и КНР [9];
- высоко вероятное строительство Монголией на р. Селенга ГЭС «Шурен» [10], в связи с чем снизится уровень о. Байкал;

- повышение уровня мирового океана к 2100 году до 1,8 метра [11];

- рост общемирового дефицита пресной воды в 2 раза, с 2,2 млрд. до 4 млрд. чел. [12]

В области общемировых запасов полезных ископаемых, при текущей интенсивности добычи ресурсов:

- к 2035 году наметится начало спада объемов мировой добычи урана [13];
- к 2040 году достигнет полного исчерпания доказанные мировые запасы золота [14];
- к 2050 году полное исчерпание запасов угля в Китае [15];
- к 2055 году полное исчерпание доказанных мировых запасов нефти [15];
- к 2070 году полное исчерпание доказанных запасов природного газа в странах Запада [15];
- к 2075 году полное исчерпание доказанных мировых запасов урана [13];
- к 2100 году полное исчерпание доказанных запасов природного газа в РФ [15].

На основании анализа выше представленной информации было сделано заключение о том, что в средней и долгосрочной перспективе макрорегион будет находиться в наимыгоднейшем геоэкономическом положении. Вместе с тем, был поднят вопрос о необходимости уже в данный момент форсировать направления, связанные с разработкой новых, альтернативных, технологий генерации энергии.

Рассуждая в логике темы настоящей статьи можно обратить внимание, на сколько важную и большую роль играет климатическая динамика в цивилизационных подвижках и системных изменениях, а также какие возможности вместе с тем предоставляет.

Стоит заметить, что большинство авторов, затрагивающих тематику прогнозирования экономического развития, упускают из вида самого человека, оставляя без внимания такое важное понятие, как качество жизни. На базе проведенного анализа появилась возможность сформулировать роль и место человека в будущей социально-экономической конъюнктуре макрорегиона, которая придет на смену текущей обезличенной экономиче-

ской среде. Таким образом, в долгосрочной перспективе потребуются рамочный сдвиг в сторону расширения личностного пространства с помощью дружелюбной среды обитания и развития сбалансированных инфраструктурных отраслевых систем, обеспечивающих возможность развития творческого потенциала людей.

Переход к социально-экономическим преобразованиям нового формата потребует внедрения новейших и актуальных для края промышленных технологий с высокой добавленной стоимостью, опыт управления которыми у сегодняшних управленцев еще неработан, в связи с чем потребуются определенный период, на масштабирование и диверсификацию уже достигнутого уровня промышленного развития, с последующим переходом к проведению переосвоения всех ресурсов и отраслевых инфраструктур региона под задачи будущего, формируемыми запросами мировой экономической конъюнктуры.

В этом рассуждении реализация первого этапа регионального промышленного развития, в периоде с 2021 по 2035 годы, будет сконцентрирована на «усилении сильно-го»:

- сохранении акцентов и придание новых форм развитию атомного и аэрокосмического кластеров, расширению и диверсификации их деятельности;
- организации внутри региональных, межрегиональных, международных кооперационных цепочек;
- возрождению отдельных производств и/или производственных отраслей, обеспечивающих потребности региона.

Второй долгосрочный этап:

- создание, внедрение и совершенствование единой информационно-цифровой среды;
- создание, внедрение и совершенствование адаптивной план-фактной кибер-системы (на базе технологий 4IR) производства и эксплуатации машин, оборудования, транспорта, в целях минимального вмешательства человека в текущие процессы.

Эволюционные климатические преобразования позволят упростить отрасль и

инфраструктурную систему сельского хозяйства. На период с 2021 по 2040 годы будет происходить внедрение биотехнологий, масштабирование сельскохозяйственной деятельности в сторону крупных объединений, которые смогут позволить себе использование высокоэффективных технологий, машин и механизмов, и постепенное сокращение доли низко квалифицированных работ. Следующим долгосрочным этапом станет диверсификация отрасли в виду появления возможности выращивания новой для Сибири продукции.

Под возникающие климатические перемены и новые запросы региональной экономики будет необходимо провести модернизацию транспортных систем, которые претерпят кардинальное изменение и смещение приоритетов. В связи с уменьшением краевой криолитозоны и общим повышением среднегодовых температур, 1/3 часть территории региона будет затоплена, что поставит в приоритет развития водный транспорт, и придаст стимул реализации водной системы «Енисей – Северный морской путь». Расширение географии освоения территорий края вызовет необходимость развития легкомоторной гражданской авиации и авиации общего назначения, что создаст возможность развертывания авиастроения. Безусловно, одновременно с этим потребуются развитие сети автодорог и сопутствующей инфраструктуры, и в первую очередь создание меридиональных связей. Также претерпит изменения автомобильный транспорт, на смену двигателям внутреннего сгорания постепенно придут двигатели с альтернативными источниками энергии, что позволит в коммерческой эксплуатации понизить сложность работы водителей, снизить прямые расходы на эксплуатацию автомобилей и повысить производительность. Также необходима модернизация железнодорожного транспорта на базе радикально нового технологического подхода, основанного на создании сбалансированной системы внутрирегиональных скоростных пассажирских перевозках на дистанциях до 500 км, и на межрегиональных направлениях – до 800 км. Данные меры позволят расширить агломерационные зоны городов края, привлечь дополнительные

людские ресурсы близко расположенных населенных пунктов, а также повысить качество жизни. Развитие рельсового транспорта в северных районах края целесообразно рассматривать в формате создания адаптивных видов подобного транспорта, и хотя приводимые здесь технологии пока не получили широкого распространения, а другие находятся в стадии опытно-конструкторской эксплуатации, очевидно стоит ожидать в недалеком будущем их повсеместного внедрения.

Прогнозируемые масштабные трансформационные процессы потребуют соответствующего уровня кадровой обеспеченности, формирования единого информационного поля, способного вовлечь в себя учебные заведения, организации и предприятия, и абитуриентов, с едиными условиями и стандартами получения актуальных профессиональных компетенций. В то же время уместно решение вопросов, связанных с созданием опережающей модели образования, возрождения наставничества, расширения доступности высшего образования, запуска зарубежной просветительской экспансии российской науки, обеспечения равного доступа вузов к федеральному финансированию.

Как видно, для эффективного развития региона является принципиальным применение системного и комплексного подходов в процессе прогнозирования, что повышает качество и объективность проводимых работ по формированию желаемого образа бу-

душего Красноярского края. Сборка концептуальных социально-экономических элементов проводилась в формате экспертных форсайт-сессий. В свою очередь подход к проблематике с таким горизонтом прогнозирования в формате форсайта, в условиях невозможности разработки сценариев, упрощает процесс выработки прогнозов в виду отсутствия на сегодняшний день методик долгосрочного прогнозирования с горизонтом более 15 лет в области социально-экономического развития.

Научная новизна проводимого исследования заключается в попытке долгосрочного прогнозирования трансформации транспортных систем региона под возникающие вызовы социально-экономической конъюнктуры Красноярского края, и страны в целом, в горизонте до 2100 года.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что данный этап исследования выявил острую необходимость опережающего климатическую эволюцию социально-экономического развития региона.

Реализация предложенного концепта мероприятий потребует применения новых социальных и экономических сбалансированных технологий и систем. Результаты исследования могут быть использованы для формирования долгосрочных стратегий развития, инвестиционных проектов на государственном и муниципальном уровнях управления, а также в стратегиях отраслевых предприятий.

Литература

1. Tchebakova N.M.; Parfenova, E.; Soja, A.J. The effects of climate, permafrost and fire on vegetation change in Siberia in a changing climate. 2009. Environmental Research Letters. Том 4 Выпуск 4. 045013.
2. Мелешко В.П. Изменения гидрологического цикла в Северной Евразии, обусловленные потеплением климата // ЖВТ, 2006. № 55.
3. Tchebakova N.M., Parfenova E. and Soja A. Climate change and climate-induced hot spots in forest shifts in central Siberia at the turn of the 21st century. Regional environmental change 2011 doi: 10.1007/s 10113-011-0210-4.
4. Tchebakova N., Parfenova E. The 21st century climate change effects on the forests and primary conifers in central Siberia. Bosque 2012 doi: 10.4067/S0717-92002012000300004.
5. Tchebakova N.M., Parfenova E., Lysanova G. and Soja A. An agroclimatic potential in southern Siberia in a changing climate during the XXI century. Environmental Research Letters 2011, 6, 045207 doi: 10.1088/1748-9326/6/4/045207.
6. Покровский Олег Сергеевич, Широкова Людмила Сергеевна, Кирпотин Сергей Николаевич Микробиологические факторы, контролирующие цикл углерода в термокарстовых водных объектах Западной Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. Биология, 2012. № 3 (19).
7. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование/А. Г. Исаченко; Санкт-Петербургский государственный университет // СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2008. 320 с.
8. Злобин Тимофей Константинович, Полец Анастасия Юрьевна, Пеньковая Ольга Витальевна Глубинная геодинамика и ее проявления в литосфере зоны перехода от азиатского континента к Тихому океану // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2012. № 1.

9. Калимолдаев М.Н., Коваленко А.Г., Мырзахметов М.М., Хачатуров В.Р. Водные проблемы центральной Азии: анализ, методы поиска путей решения проблем // Вестник СамГУ, 2014. № 6 (117).
10. Убугунов Л.Л., Борисова Н.Г., Аненхонов О.А., Балданова Д.Р., Базова Н.В., Убугунов В.Л. Возможные эколого-биологические последствия сооружения гидроэлектростанции на реке Селенге и её притоках в Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Биология. Экология, 2015. № 1.
11. U.S. National Oceanic and Atmospheric Administration, NOAA. article «Climate Change: Global Sea Level» 08/01/2018. [Access mode]. URL: <https://www.climate.gov/news-features/understanding-climate/climate-change-global-sea-level>.
12. Бойкова Марина Васильевна, Крупникова Диана Борисовна Глобализация ресурсов пресной воды: инновационная стратегия управления // Форсайт, 2010. № 2.
13. Никулин А.А. Перспективы мирового рынка урана в контексте новых тенденций развития ядерной энергетики // РИСИ. Проблемы национальной стратегии, № 2 (17) 2013.
14. Ахунова А.Ч. Особенности мирового рынка золота // СТЭЖ, 2014. № 1 (19).
15. Поляков В.В. Долгосрочные перспективы обеспеченности мировой экономики топливно-энергетическим сырьем // Финансы и кредит, 2005. № 8 (176).

УДК 332.13

Новые направления развития кооперационных связей сетевых структур в рамках макрорегиона

А.А. Глумов, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры региональной и муниципальной экономики и управления, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, Свердловская область

Актуальность исследования связей сетевых структур очевидна для развития промышленности регионов России.

В статье автор определяет дефиниции, отвечающие актуальным реалиям новой индустриализации, а также проводит анализ текущего состояния кооперационных связей на территории УЭР, формулируя выводы об их практической значимости.

При этом в качестве нового направления деятельности региональных правительств предлагается объединение усилий для продвижения продукции на внешние рынки. Исходя из этого впервые сформулировано и дано понятие сетевого региона.

Кооперация, кооперационные связи, сетевые структуры, межрегиональное взаимодействие, Урал.

New directions of cooperation interlinks development of the network structures within the macroregion

A.A. Glumov, Cand. Sc. (Econ.), Sr. Lecturer of Regional, Municipal Economics and Management Dept., Ural State University of Economics Yekaterinburg, Sverdlovsk region

The relevance of a research of network structures communications is obvious for industrial development providing.

In the article the author defines the definitions answering to relevant realities of new industrialization and also carries out the analysis of current state of cooperation communications in the territory of Ural economic region, formulating conclusions about their practical importance.

New activity of the regional governments is supposed to be the association of efforts to promote the products to foreign markets. The concept of the network region is for the first time formulated.

Cooperation, cooperative ties, network structures, interregional interaction, Urals.

Индустриальная эпоха ознаменовалась переходом к рыночным структурам, более гибким по своим свойствам, что позволило им развиваться и эффективно функционировать как на локальных, так и на глобальных рынках. Однако при поступательном развитии общества в целом, его научного и технологического уклада, переходе к постиндустриализации, где информация и скорость ее потребления становятся главным рычагом к развитию, сетевые структуры, основанные на промышленной кооперации, дают существенно больший синергетический эффект [8, 9].

Один из теоретиков сетевой экономики, М. Кастельс отмечает, что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри гло-

бальной взаимосвязанной сети.

При этом само сетевое предприятие понимается как специфическая форма предприятия, система средств которого составлена путем пересечения сегментов автономных систем целей [5].

Горизонтальную корпорацию М. Кастельс характеризует рядом характеристик, ключевыми из которых являются построение организации вокруг процесса, а не задачи с плоской иерархией.

Сетевые структуры, согласно автору, представляют собой производственную сеть, у которой есть управляющий элемент (организующий центр), где производственная сеть – это совокупность взаимосвязанных предприятий, расположенных в пределах одной территории.

Проявлением сетей и сетевых струк-

тур, по нашему мнению, является кооперация. Как отмечает М. Филиппи, кооперация – это «любая координация, как объективный выбор агентов, сознательно объединяющихся для создания взаимосвязей» [10, С. 279].

Автор согласен с исследователями, определяющими промышленную кооперацию как форму длительных и устойчивых связей между хозяйственно самостоятельными предприятиями, фирмами, занятыми совместным изготовлением определенной продукции на основе специализации их производств [2].

Необходимо отметить, что кооперация является сложным явлением, и может быть рассмотрено с позиций различных экономических теорий [3]. Причем понимание представителей реального сектора экономики о том, что такое кооперация, может отличаться от мнения ученых. Например, в структуре одного из крупнейших машиностроительных заводов Свердловской области, ООО «Уральские локомотивы», функционирует отдел кооперации. Это одно из подразделений службы материально-технического снабжения. Сферой компетенции данного подразделения является организация поставок относительно небольших агрегатов. То есть это не регулярные поставки материалов и комплектующих, а менее крупные и более специфичные закупки.

Таким образом, обобщая выше изученное, автором сформулировано современное определение промышленной кооперации – добровольная координация агентов экономической деятельности, сознательно объединяющихся для создания кооперационных связей и находящихся во взаимной зависимости, где под кооперационными связями понимаются осознанные взаимовыгодные хабы сотрудничества экономических агентов.

А спецификой промышленной кооперации в настоящее время является многономенклатурное производство и жесткая конкуренция в сфере наукоемких технологий. При исследовании феномена формирования сетей необходимо учитывать, в высокотехнологичных производствах, подразумевающих жесткие требования к технологиям изготовления

продукции, существует риск утраты интеллектуальной собственности. В связи с этим инновационные компании уделяют особое внимание данному аспекту при выборе предприятия-контрактора в качестве стратегического партнера.

Проявлением кооперационных связей в Уральском экономическом районе являются сетевые структуры, которые сформировались в индустриальном ландшафте на базе ТПК и промышленных узлов СССР.

Автор исходит того, что промышленность Уральского экономического района на современном этапе – это совокупность перестроенных ТПК и промышленных узлов, созданных во времена СССР и эволюционировавших в один из типов сетевых структур – холдинги. Исторически Урал проектировался как единая производственная сеть взаимосвязанных предприятий.

Анализ управленческой активности субъектов РФ, формирующих Уральский экономический район, позволил выделить 3 этапа развития кооперационных связей в пределах макрорегиона.

1. Создание межрегиональных ассоциаций.

Распад СССР и последующий переход к рыночной экономике остро сказался на пропорциях социально-экономического благополучия субъектов Российской Федерации, а ситуация информационной изоляции и отсутствия инструментов коммуникации между субъектами, лишь усугубляло положение некоторых. Это обозначило перед руководством государства проблему межрегионального взаимодействия.

В результате были созданы ассоциации социально-экономического сотрудничества регионов. В 1991 году появилась Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Большой Урал», в состав которой вошли: Свердловская, Курганская, Оренбургская, Тюменская, Челябинская, области, Башкортостан, Удмуртия, Пермский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ (рис. 1).

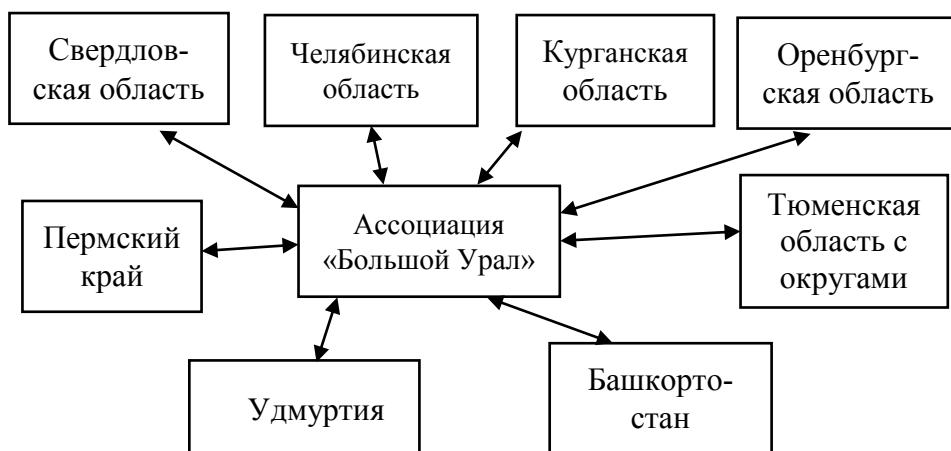

Рисунок 1 – Кооперация регионов УЭР под руководством ассоциации «Большой Урал»

Создание аналогичных структур на территории Российской Федерации стало попыткой сохранить рушившиеся межрегиональные связи, и предполагали переход к современной межрегиональной кооперации, под которой понималась форма организации согласованной и совместной деятельности регионов в достижении целей социально-экономического развития.

Межрегиональная кооперация предполагала придание социально-экономической системе ряда важнейших качеств: создание социальных условий для жизни населения на геополитически важных территориях, комплексный подход к развитию «точек роста», повышение инвестиционной привлекательности и международной конкурентоспособности важнейших секторов, развития транспортной инфраструктуры, обеспечивающей экономическую связанность пространства территории [1, 83 с.].

Вместе с тем, в ряде случаев такие ассоциации сконцентрировались в большей степени на отстаивании своих интересов в диалоге с федеральным центром, нежели на реальной работе по реализации межрегиональных проектов, что привело, в конечном итоге, к свертыванию реальной работы по формированию кооперационных связей.

В начале 2000-х гг. в регионах Урала, входящих в Уральский федеральный округ, была опробована другая форма межрегиональной кооперации, в рамках реализации проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» (рис. 2).

Данный формат также оказался не вполне успешным из-за дисбаланса объема необходимых инвестиций и потенциальных выгод.

2. Реализация программ внутрирегиональной кооперации.

В начале 2000-х гг. регионы Урала большее внимание стали обращать не на межрегиональную, а на внутрирегиональную кооперацию, логично рассуждая, что в пределах одного субъекта Федерации взаимодействие выстраивать проще.

В результате в каждом из регионов были разработаны программы развития внутрирегиональной кооперации, а также в ряде регионов созданы специальные структуры для развития кооперации (Региональный Центр субконтракции в Башкирии, Центр промышленной кооперации Пермского края, Региональный центр кооперации в Свердловской области).

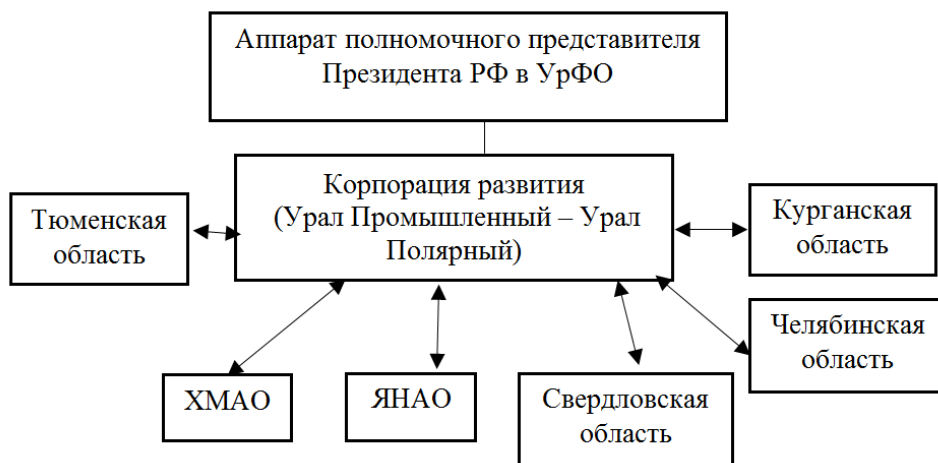

Рисунок 2 – Взаимодействие регионов УрФО при реализации проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»

Региональные программы развития кооперации предполагалось реализовывать за счет мер организационного характера путем объединения усилий технологически близких предприятий «по интересам» путем создания, в частности, сетевых (холдинговых) структур.

Однако более глубокий анализ содержания вышеупомянутых документов позволяет сделать вывод, что у региональных властей отсутствуют реальные инструменты управления процессами выстраивания межрегиональных связей. При этом ключевым приоритетом для субъекта РФ остаются внутрирегиональные, а не межрегиональные связи. Единственным регионом, в программе развития кооперации которого анализировались межрегиональные потоки продукции, являлась Удмуртская Республика.

Все принятые документы датируются началом 2000-х гг., в ряде случаев уже истек срок их действия, а более новые аналогичные документы приняты под другими названиями. Чаще всего разделы, связанные с кооперацией, стали составной частью общих региональных программ развития промышленности.

Кроме того, отсутствует общедоступная системы показателей эффективности деятельности по развитию кооперационных связей, что фактически не позволяет субъектам Российской Федерации оценивать свои воз-

можности в рамках интеграции отраслей и синергетического эффекта в рамках общего цикла производства, анализировать текущий уровень подобных органически сложившихся связей, формировать максимизирующие полезность стратегические программы развития.

В программе развития кооперации Свердловской области отмечается, что средний уровень кооперационных связей предприятий по производству готовой продукции и услуг на территории Свердловской области составляет более 60 процентов по итогам 2017 года. При этом отсутствует информация о методике расчета данного показателя, что позволит сделать вывод о том, что он мог быть получен на основе экспертной оценки. Однако, по нашему мнению, для реального управления кооперацией такой метод неприемлем.

Причем имеются исследования, посвященные оценке экономической эффективности кооперации, в частности, может быть измерена общей экономией средств производства на единицу готовой продукции. А уровень кооперации может быть оценен, как «удельный вес полуфабрикатов, деталей и узлов, изготовленных для поставки за пределы субъекта» [6].

Отсутствие общедоступной оценки эффективности деятельности организаций,

ответственных за развития кооперации, также ставит вопрос их результативности.

3. Развитие региональных инжиниринговых центров.

На текущем этапе регионы перешли, с учетом накопленного опыта, к созданию точечных объектов инфраструктуры, которые становятся центром притяжения кооперационных связей. Речь идет о создании региональных центров инжиниринга в Свердловской области, Пермском крае, Челябинской области, других регионах.

Их целью является поддержка промышленных предприятий в разработке новых прорывных конкурентных продуктов и выводе их на рынок, а также обеспечении функции «одного окна» при разработке новых видов продукции.

В целом мы считаем, что, региональным властям необходимо объединять усилия для выстраивания межрегиональной кооперации. Кооперация – прямой функционал региональных властей. В случае отсутствия должного внимания к этой проблематике степень связности промышленности продолжит размываться. В настоящее время ООО «Уральские локомотивы» (Свердловская область) при производстве электропоездов «Ласточка» использует алюминий, импортируемый из Китая. Притом алюминий производится АО «РУСАЛ УРАЛ» (Уральский алюминиевый завод, г. Каменск-Уральский Свердловской области). Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что текущее алюминиевое производство требует инвестиций для модернизации мощностей под производство алюминия высокого качества. При этом объединение усилий в пределах Уральского экономического района могло бы в значительной степени способствовать исправлению ситуации.

В современных условиях, по нашему мнению, целесообразно внедрять новую модель кооперации регионов. Для этого вводится в оборот концепция сетевого региона.

В науке осторожно звучат понятие сетевого региона, причем преимущественно в контексте информационно-коммуникационных технологий. Мы считаем, что понятие сетевого региона можно и нужно

обсуждать, обосновывать с точки зрения управленческого подхода к сетям.

Впервые понятие сетевого региона было предложено Скуфьиной Т. Она указывает на важность технологической сети, формирующейся вокруг информационной техники и являющейся источником импульса экономического развития в течение пятого цикла Кондратьева. По мнению Скуфьиной Т., важной характеристикой регионального развития становится сетевой регион, как двигатель инновационной экономики.

Мы определяем сетевой регион как регион, руководящие структуры которого объединили усилия с правительствами других регионов для решения общих задач по развитию экономики своих территорий.

Ключевая цель сетевой активности региона – обеспечение кооперации предприятий при производстве продукции, прежде всего, инновационной, а также совместное продвижение на новые рынки.

Таким образом, от парадигмы «сеть предприятий» можно вести речь о переходе к парадигме «сеть регионов». По нашему мнению, это обязательно должны быть соседние регионы, первоочередной критерий – наличие в регионе предприятий, имеющих экономические связи с предприятиями региона – другого элемента сети.

В связи с геополитическими событиями последних лет произошло усиление присутствия России в общественной жизни арабских стран, так называемого Арабского мира. Значительная часть этих стран являлась традиционными рынками СССР. После распада СССР значительная часть этих рынков была потеряна для предприятий. Поэтому считаем необходимым объединять усилия регионов для массированного выхода именно в этот регион [4].

Формирование межрегиональной кооперации в производственном секторе считаем традиционным и нужным направлением деятельности региональных властей, но уже недостаточным в условиях необходимости активизации неоиндустриальных процессов. В связи с относительно небольшими издержками на поиск партнеров в ближайших регионах

считаем, что промышленные предприятия в состоянии сами сформировать свою сеть контрагентов. Основные же усилия региональным властям целесообразно направить на продвижение на внешние, прежде всего, арабские рынки.

Выход на зарубежные рынки – это достаточно дорогостоящее явление, поэтому

только объединив усилия, регионы могут продвинуть продукцию своих предприятий. Считаем необходимым проработать вопрос открытия представительств регионов в ряде стран Арабского мира под единым брендом, например, «Урал».

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Неоиндустриализация в пространстве макрорегиона в контексте циклично-волновой методологии (на примере Урала) № 18-010-00833 А.

Литература

1. Батуева Т.Б. Межрегиональная кооперация на основе соконкуренции как фактор инновационного развития региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 80-84.
2. Большая юридическая энциклопедия // М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
3. Булатов А.Н. Промышленная кооперация в разрезе институциональной и неинституциональной теории // Экономические исследования, 2010. № 2. С 6.
4. Глумов А.А. Сотрудничество с Арабским миром: новая точка роста экономики Свердловской области // Известия Уральского государственного экономического университета, 2016. № 4. С. 80-90
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 608.
6. Макаров А.В., Трапезников В.А. Формирование программы производственной кооперации региона // Экономика региона, 2011. № 3. с. 175-183.
7. Скуфьина Т.П. Региональное развитие России в контексте макроэкономических движений // Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 126 с.
8. Смородинская Наталия Вадимовна Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология, 2012. № 4. С. 95-115.
9. Шерешева М.Ю. Формы сетевого взаимодействия компаний // М.: ГУ ВШЭ, 2010. 339 с.
10. M. Filippi, Industrial Cooperation: Definition, Interest and Dynamic Evolution. UFR Droit et Sciences Economiques Universite de Corse Corte France.

УДК 338.28

Национальная программа развития Дальнего Востока и перспективы устойчивого развития

М.Ю. Дьяков, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Е.Г. Михайлова, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Петропавловск-Камчатский

В статье приведены некоторые замечания по содержанию проекта Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года и на перспективу до 2035 г. Отмечается, что проект не соответствует формальным требованиям программного документа, имеет ряд необоснованных предложений и мероприятий, реализация которых может нести угрозу для устойчивого развития региона. Авторы считают, что в процессе разработки необходимо учитывать принципы эколого-экономической сбалансированности. Сделан вывод о целесообразности разработки методической базы для оценки подобных документов как инструмента достижения целей устойчивого развития.

Устойчивое развитие; национальная программа; программно-целевое планирование; регион; социально-экономическое развитие.

National Far East Development Program and Sustainable Development Prospects

M.Yu. Dyakov, candidate of economic sciences, senior research associate,
E.G. Mikhaylova, candidate of economic sciences, associate professor, senior research associate,
Kamchatka Branch of Pacific Institute of Geography (FEB RAS), Petropavlovsk-Kamchatsky

The article contains some comments on the project of the National Program for the Development of the Far East until 2025 and for the future till 2035. It is noted that the project does not meet the formal requirements of the program document, has a number of unreasonable proposals and measures, the implementation of which may threaten the sustainable development of the region. The authors believe that in the development process it is necessary to take into account the principles of environmental and economic balance. The conclusion is made about the feasibility of developing a methodological framework for evaluating such documents as a tool for achieving sustainable development goals.

Sustainable development; National program; program planning; region; social and economic development.

Переход к эколого-экономически сбалансированному устойчивому типу развития к настоящему времени уже не имеет альтернативы. Консенсус по этому вопросу в мировом научном сообществе складывался, начиная еще с доклада «Пределы роста» (1972 г.) – первого из серии крупных работ, ставящих проблемы дальнейшего развития человечества и связанных с ним вопросов использования природных ресурсов и нарастающих экологических проблем.

В РФ в 1996 г. была принята Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (далее Концепция), где отмечено, что «богатства природы, ее способность поддерживать развитие общества и возможности самовосстановления оказались не безграничными. Возросшая мощь экономики стала разрушительной силой для биосферы и человека» [2]. Устойчивое развитие, как отме-

чено в Концепции обеспечивает «сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей». Таким образом, необходимость перехода к устойчивому развитию, затрагивающего три основные сферы (экологию, социум, экономику), закреплена на общенациональном уровне.

Но и на уровне регионов необходимость этого перехода не менее очевидна, поскольку в масштабах такой страны, как Россия, именно на этом уровне можно говорить о существовании, развитии и сохранении ее экосистем.

В настоящее время основным инструментом реализации как общегосударственных, так и региональных целей и задач разви-

тия остается программно-целевое планирование, опирающееся на разработку общефедеральных, отраслевых, макрорегиональных и региональных комплексных стратегий и программ развития. Именно в этих документах должны быть отражены соответствующие цели, задачи, мероприятия и показатели, позволяющие осуществить переход регионов к устойчивому развитию. От наличия и качества этих элементов в стратегических документах зависит целенаправленность и скорость перехода к устойчивому развитию российских регионов. Соответственно, содержательный анализ и оптимизация таких документов с точки зрения соответствия принципам устойчивого развития является необходимой и существенно важной научно-прикладной задачей в этой области. Ее решению на примере проекта Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года и на перспективу до 2035 г., и посвящено настоящее исследование (далее проект Нацпрограммы). Этот проект в мае 2019 г. предложен для обсуждения на региональных общественных площадках.

Нормативное обеспечение разработки национальной программы ограничивается тремя документами: (1) Указ Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [8] (Указ Президента РФ), (2) методические указания по разработке национальных проектов (программ) [5], (3) Постановление Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [9]. Только в последнем документе дается общее определение для национального проекта и программы как проекта (программы), обеспечивающего «достижение целей и целевых показателей, выполнение задач, определенных Указом Президента РФ..., а также при необходимости достижение дополнительных показателей и выполнение дополнительных задач...».

Подразумевая, что в Указе Президента РФ отмечены приоритетные проблемы, требующие безотлагательного решения, такая трактовка соответствует общему пониманию национальной программы, как формы госу-

дарственного регулирования социально-экономической динамики, концентрирующей ресурсы государства и общества на одном или нескольких узловых направлениях инновационного прорыва [3]. В словосочетании «национальная программа», форму документа определяет термин «программа», а вот особенности содержания отражает «национальная». Очевидно, что Нацпрограмма предполагает совокупность проектов, направленных на решение узловых проблем, реализацию основных национальных приоритетов. От нее не требуется всеобщего охвата социально-экономической сферы. Гораздо важнее концентрация ресурсов, при соблюдении общеэкономической сбалансированности, для предотвращения возможных новых диспропорций в развитии. Важным методологическим условием формирования нацпрограммы является необходимость взаимосвязи составляющих ее проектов, с целью получения синергетического эффекта [3].

С точки зрения этих требований, представленный проект, по сути, нельзя вполне считать «программой». Формальные требования к наполнению нацпрограммы не выполнены. Из собственно элементов программно-целевого управления в нем присутствуют только более или менее конкретно обозначенные частные задачи, которые названы «мероприятиями». При этом ни собственно конкретных деталей мероприятий, обеспечивающих достижение этих поставленных задач, ни этапов их реализации, ни конкретных сроков достижения, ни индикаторов/показателей, отражающих уровень достижения поставленных задач, ни ответственности за их достижение, документ не содержит.

В тексте также не упоминается про анализ полученных результатов прошлого опыта программно-целевого управления: «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года», Президентская программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 гг.», Государственная программа Рос-

сийской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона».

Очевидно, что проект Нацпрограммы должен быть разработан с учетом выводов научного сообщества об эффективности применения программно-целевого метода планирования применительно к Дальневосточному региону. Так, необходимо учитывать вывод о неэффективности применения программно-целевого метода планирования при решении региональных проблем неограниченной сложности [6, 7]. Успех реализации государственных программ в Дальневосточном регионе А. Е. Савченко связывает с «преодолением инерции гигантских проектов, в ориентации на возможное, а не на желаемое» [13]. Ряд недостатков, негативно влияющие на содержание государственных программ регионов Дальневосточного федерального округа выявлен в исследовании А. И. Антоновой, А. И. Воробьевой и В. К. Заусаева [1].

Имеет смысл привлечение к разработке проекта Нацпрограммы именно экспертного сообщества, обладающего знаниями, умениями и навыками стратегического программирования, имеющего представление об общих проблемах, выходящих за границы «нашей детской площадки». В действительности же на специальном сайте было собрано 16519 предложений по 13 основным категориям, довольно существенно различающимся по значимости: массовый спорт, дальневосточный гектар, безопасность и пр. [12]. Использование такого метода требует прояснения следующих моментов: каким образом обрабатывался этот массив информации, насколько можно серьезно относиться к репрезентативности таких опросов, как оценивать целесообразность высказанных предложений, и, наконец, как были учтены эти предложения в проекте Нацпрограммы.

Главной угрозой развитию Дальнего Востока в проекте Нацпрограммы называется «...продолжающийся на протяжении 27 лет отток населения из макрорегиона». При этом сделанное заявление не опирается на какой бы то ни было анализ проблем развития региона, и не является результатом комплексной оцен-

ки экономического положения, социальной инфраструктуры, состояния транспортной доступности и прочих существенно важных факторов. Подобным же декларативным заявлением остается и утверждение о том, что «*потенциал Дальнего Востока России огромен, и его роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет нарастать с каждым годом*». Совершенно неясно, почему эта роль будет нарастать, да еще и с каждым годом, особенно, если до сих пор ничего подобного не наблюдалось.

Отметим, что некоторая попытка построить «дерево проблем» в документе все же присутствует, но она, очевидно, не удастся авторам. Ими перечислены проблемы, по сути, одной ветви: «низкий уровень развития инфраструктуры и системы социальных услуг, дороговизна жизни и ведения бизнеса в макрорегионе, удаленность внутренних рынков сбыта приводит к масштабному оттоку населения и обуславливает связанный с ним дефицит трудовых ресурсов». Получается, названный выше отток населения не относится к «узловой проблеме». При этом оставляются без внимания проблемы высоких тарифов, низкой эффективности предприятий естественных монополий, слабой конкуренции на локальных рынках. Не прослеживается и причинно-следственная связь между проблемами/вызовами и предлагаемыми далее мероприятиями. В целом, при постановке проблем в такого рода документах требуется их системная проработка, с учетом региональной и отраслевой специфики. Во многом результативность действующих программ по социально-экономическому развитию снижается уже на стадии разработки имеющимися недостатками методологического характера [15].

Постановка такой цели как «*повышение качества жизни на Дальнем Востоке до уровня выше среднероссийского*» в проекте Нацпрограммы не конкретна, поскольку понятие «качество жизни» не имеет однозначной трактовки и не измерима, в настоящее время нет единых утвержденных индикаторов ее оценки. Кроме того, возможен конфликт между заявленными целями. Обеспечение ускорения темпов экономического роста мо-

жет быть достигнуто за счет экономии на расходах на оплату труда, составляющей ВРП, непрямых расходов (выплатах социального характера), что повлияет на уровне жизни населения. Не существует механизма в рыночной экономике, позволяющего в обязательном порядке трансформировать добавленную стоимость в улучшение условий жизнедеятельности местного населения. И наконец, несмотря на то, что в Указе Президента РФ выделены цели и задачи в сфере экологии, в предлагаемом проекте Нацпрограммы не упоминается о достижении эколого-экономической сбалансированности и снижении антропогенной нагрузки на местные экосистемы.

В проекте Нацпрограммы используется понятие «*приоритетные отрасли*» применительно к отраслям, которые также называются ключевыми и в настоящее время относятся к отраслям специализации регионов Дальнего Востока. В условиях быстрого развития науки и коммерциализации результатов НТП без научного обоснования сложно предугадать на основе экстраполяции существующих темпов роста что станет «*локомотивом*» региона к 2035 г. Ориентация на перечисленные в проекте ключевые отрасли может стать препятствием для развития новых, не известных или не развитых сегодня отраслей и производств. Возможно, есть смысл предусмотреть преференции для перспективных производств, например, по изготовлению биотоплива, БАД, косметических средств и пр., которые в настоящий момент не относятся к ключевым, но имеют большой потенциал в части обеспеченности сырьем, при существующих барьерах входа на рынок.

В лесной отрасли планируется с 2021 г. увеличить до 80 % размер таможенной пошлины на вывоз необработанной древесины из дальневосточных пород. Мероприятие должно положительно повлиять на динамику производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Но это предположение, теоретически верное, на практике может обернуться потерей существующих рынков сбыта, приносящих высокую прибыль – и в итоге роста добавленной стоимости не будет. Такие

изменения необходимо предварять исследованиями рынков сбыта и разработкой мероприятий поддержки отечественных производителей в части продвижения продукции на зарубежных рынках. Примечателен успешный опыт Канады по выходу на японский рынок лосося после проведения серьезных маркетинговых исследований поведения и предпочтения японских потребителей [16].

В перечень ключевых отраслей, инвестиционную привлекательность которых следует улучшить, попала и рыбная отрасль. Интересно, что, например, в рыболовстве Камчатского края объем инвестиций за 9 месяцев 2018 г. увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. на 5 % и достиг 6,4 млрд. руб. что составляет пятую часть всех инвестиций в Камчатском крае [11]. Общий прирост инвестиций в экономику РФ в 2016 г. по сравнению с 2013 г. составил 19 %, а в рыболовстве и рыбоводстве более 34%. Также опережающими темпами росли инвестиции в основной капитал в рыболовстве и на Дальнем Востоке, составив, соответственно 26 % и 65 %. И объем, и темпы роста позволяют говорить о том, что в настоящее время рыбная отрасль инвестиционно-привлекательна. А вот перечень предлагаемых мероприятий заставляет задуматься: сохранится ли эта привлекательность.

В проекте Нацпрограммы предлагается увеличить размер инвестиционных квот на добычу водных биоресурсов, выделяемых под строительство мало- и среднетоннажных судов. В целом, это хорошо, что стала понятна необходимость развития, учитывая специфику ДВ, именно мало- и среднетоннажных судов. Однако результативность применения для этого такого инструмента как «*инвестиционные квоты*» не очевидна. Наиболее существенное влияние на повышение инвестиционной активности рыбной отрасли оказала, судя по опыту, стабильность условий доступа предприятий к водным биоресурсам. Возможность оценить эффективность внедрения инвестиционных квот в рыболовстве появится еще не скоро. Это связано со временем строительства и периодом окупаемости флота. Нет сомнений, что такую оценку необходимо про-

водить в целом для отраслей судостроения и рыболовства. Хотелось бы, чтобы общий рост эффективности получился не за счет ухудшения экономических результатов в рыболовстве.

Помимо инвестиционных квот в рыболовстве реализуются и другие новации: так называемая «крабовая реформа». Эта реформа рушит заложенный в 2008 г. фундамент стабильности, при том, что выгоды от этой реформы не просчитаны, экономически не обоснованы. Кроме того, будет упущено время для расширения ресурсной базы. В Дальневосточном бассейне не реализован огромный потенциал увеличения добычи: более 1 млн. тонн водных биоресурсов (помимо рыбы это креветки, водоросли, моллюски) [4].

И совсем уже революционной для рыбной отрасли является инициатива Федеральной антимонопольной службы об отмене долгосрочного доступа бизнеса к водным биоресурсам и переходу к распределению рыбных квот на аукционах раз в 3-5 лет [10], что равносильно отказу от «исторического принципа». При таких новациях, не подкрепленных экономическим обоснованием, сложно рассчитывать на рост инвестиционной привлекательности в рыбной отрасли.

В части улучшения инвестиционной привлекательности аквакультуры будет *«...снято ограничение на осуществление аквакультуры на рыбопромысловых участках и особо охраняемых природных территориях (ООПТ)»* и *«...упрощен порядок и сокращены сроки проведения государственной экологической экспертизы в отношении проектов в области развития аквакультуры»*.

Осуществление марикультуры в Приморском крае в границах региональных ООПТ по мнению специалистов возможно по отношению к таким объектам, как трепанг и гребешок. Но в целом такие предложения должны учитывать особенности объекта. Например, в отношении тихоокеанских лососей развитие аквакультуры может нести в себе угрозу экосистемам ООПТ, их качественному состоянию и биоразнообразию, поскольку «заводская» рыба неизбежно начнет вступать в конкуренцию с дикой и вытеснять ее. Ак-

тивное строительство лососевых рыбопроизводных заводов не принесет ожидаемых результатов, поскольку опытным путем установлено, что лососеводство приводит к «замещению диких популяций искусственно воспроизведенными со всеми сопутствующими процессами деградации внутрипопуляционного разнообразия» [14].

Упрощение экологической экспертизы чревато принятием решений, несущих угрозу, как развитию рыболовства, так и жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. «Цена» вопроса развития аквакультуры – ущерб природному капиталу в рыболовстве – не приемлема для устойчивого развития.

Отраслевые проблемы устойчивого развития рыболовства и аквакультуры в регионах Дальнего Востока имеют существенные различия, обусловленные особенностями как природно-климатическими, так и социально-экономическими. Эти различия необходимо учитывать при разработке мероприятий, направленных на улучшение инвестиционной привлекательности отраслей.

В качестве целей социально-экономического развития Камчатского края указаны *«увеличение валового регионального продукта на 38 %; привлечение не менее 420 млрд рублей инвестиций в основной капитал организаций; создание в экономике не менее 7 тыс. новых рабочих мест»*, что означает сугубо утилитарно-экономический взгляд на развитие, без учета аспекта его устойчивости и эколого-экономической сбалансированности.

Среди конкурентных преимуществ края указано *«наличие 3 природных заповедников и 4 природных парков, формирующих уникальный туристический продукт международного уровня»*. Говоря об особо охраняемых природных территориях (ООПТ), следует отметить, что режимы их создания и функционирования могут существенно различаться. Существуют режимы национального парка и заказника, предполагающие относительно активную рекреационно-туристическую деятельность на своей территории, и режим заповедника, который создается совершенно не

для того, чтобы «формировать туристический продукт», а для сохранения уникальных природных объектов, видов флоры и фауны и локальных экосистем. Непонимание целей и задач функционирования заповедников может привести к катастрофическим последствиям, как для данных режимов охраняемых объектов, так и для природного капитала территории в целом.

Тем не менее, наличие ООПТ можно было бы считать конкурентным преимуществом не только с утилитарной точки зрения развития туристического продукта, но и с позиции сохранения уникального природного капитала Камчатки, перспектив ее устойчивого развития. Но загадочным образом здесь же конкурентное преимущество у авторов документа превращается в свою противоположность: *«Основными факторами, сдерживающими экономическое развитие Камчатского края, являются: ...природоохранный режим особо охраняемых природных территорий, исключающий осуществление хозяйственной деятельности»*. И подобную позицию по отношению к ООПТ уже следует признать абсолютно неприемлемой и безответственной. Режим ООПТ создается для сохранения уникальных элементов природного капитала региона, и без такого сохранения невозможно говорить о сколько-нибудь долгосрочном и устойчивом развитии территории.

Судя по представленным предложениям, для обеспечения социально-экономического развития Камчатского края предлагается ориентироваться на уже сложившуюся сырьевую структуру экономики, основу которой составляют добыча водных биологических ресурсов, а также полезных ископаемых. Таким образом, предлагается продолжить идти по пути эксплуатации имеющегося природного капитала региона, при этом, не повышая отдачу от нее. Это видно уже из того факта, что в разделе нет ни слова о поддержке, развитии и внедрении инновационных природосберегающих технологий, а также о поддержке выпуска высокотехнологичной продукции. Также нет ни слова о поддержке и развитии технологий утилизации промышленных и бытовых отходов, рецик-

линга. Совершенно не уделяется внимания комплексному научному изучению экосистем Камчатки, а ставится целью только геологическое изучение ископаемых ресурсов.

В области сохранения и воспроизводства человеческого капитала предлагаются мероприятия по развитию здравоохранения, а также физкультуры и спорта, но ничего не сказано о поддержке и развитии сферы культуры, в том числе культуры коренных малочисленных аборигенных народов. Ничего не сказано также о развитии образования, в том числе высшей школы и подготовке местных научно-исследовательских кадров. Таким образом, в аспекте развития человеческого капитала обнаруживается формальный и усеченный подход, так же, как и в аспекте использования природного капитала.

В итоге можно отметить, что предложенные для Камчатского края программные меры не являются чем-то новым, они остаются продолжением инерционной перспективы, с необоснованными требованиями повышения только количественных показателей (увеличение ВРП на 38 % и т.п.). Этот курс несовместим с целями долгосрочного устойчивого развития, прямо противоречит им, и в этом качестве его нельзя считать приемлемым.

Основное внимание в предложенном проекте сосредоточено на привлечении как можно большего объема инвестиций. При этом сами по себе инвестиции, без разработки и внедрения инновационных природосберегающих технологий, снижения объема отходов, комплексного изучения природного капитала регионов Дальнего Востока, не в состоянии обеспечить переход к долгосрочному устойчивому, а не только «опережающему», развитию.

Обеспечение темпа роста в 6 % планируется достичь за счет «проедания» природного и социального капитала. Ухудшение условий среды обитания, например, для водных биоресурсов в результате реализации проектов в аквакультуре не может быть эффективным решением. Такие решения не учитывают требований устойчивого развития, при котором должен соблюдаться баланс со-

цио-эколого-экономических векторов развития.

Целеполагание данного документа, во-первых, бессистемно, во-вторых, расплывчато, в-третьих, не отражает экологическое направление, отмеченное в Указе Президента РФ, в-четвертых, не учитывает принципов устойчивого развития.

В целом по итогу изучения проекта Нацпрограммы, можно заключить, что случае ее принятия, особенно в условиях сроков, выделенных для ее обсуждения, результат, вероятнее всего, окажется плачевным: в отчетах по реализации будут отмечены форс-мажорные обстоятельства, помешавшие достичь амбициозных целей. В худшем случае, мы получим ожидаемый рост ВВП ценой дальнейшей деградации экосистем дальневосточных регионов, а значит и фактического отказа от их устойчивого развития. Именно поэтому данный проект Нацпрограммы нуждается в кардинальной переработке, как по форме, которая должна соответствовать документам такого типа, так и по содержанию. Задача переориентации экономики дальневосточного региона с «накачивания» инвестициями для усиленной добычи сырья на эколого-экономически сбалансированное долгосрочное и устойчивое развитие должна стать первоочередной при разработке стратегических документов.

Содержательный анализ проекта Нацпрограммы позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования методических указаний по формированию программных документов, включающих предварительную (ex-ante) оценку их эффективности как инструмента достижения целей устойчивого развития.

Если говорить о долгосрочном социально-экономическом развитии Дальневосточного региона, основанном на принципах

устойчивости, то основными направлениями его развития, которые, вероятно, следовало бы детально проработать в Национальной программе развития, могли бы стать следующие:

- акцентирование инвестиционной политики на преимущественное использование возобновляемых ресурсов;
- применение экономических механизмов стимулирования инвестиций в природосовместимых видах экономической деятельности (туризм, бальнеология);
- формирование комплекса мер поддержки экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью на рынки АТР;
- создание и поддержка логистических коридоров для региональной продукции;
- формирование внутрорегиональной сети кооперации сельхозпроизводителей для повышения продовольственной самообеспеченности населения;
- совершенствование институтов и технологий поддержки регионального бизнеса в части цифровизации;
- активизация роли государства в части стимулирующих мер социального характера по закреплению населения на удаленных территориях.

Детальная проработка развития данных направлений требует систематических усилий, как со стороны научного сообщества, так и со стороны управленческого аппарата, а также заинтересованных бизнес-кругов и региональной общественности. Только совместные и организованные усилия в этом направлении позволят получить эффективный результат – научно обоснованную и практически реализуемую подлинно стратегическую Национальную программу.

Литература

1. Антонова А.И., Воробьева А.И., Заусаев В.К. Программно-целевое управление на Дальнем Востоке: необходимость совершенствования // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 3 (95). С. 12-16.
2. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Утверждена Указом Президента РФ от 01.04.1996, № 440.

3. Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование // М.: Экономика, 2011. 604 с.
4. Мартынов Г. Сейчас ломают то, что мы строили 15 лет // Fishnews. 16 апреля 2019 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://fishnews.ru/interviews/686> (дата обращения 15.05.2019).
5. Методические указания по разработке национальных проектов (программ). Утверждены Правительством РФ 04.06.2018, № 4072п-П6.
6. Минакир П.А. Региональные программы и стратегии: Дальний Восток // Регион: Экономика и Социология, 2007. № 4. С. 19-31.
7. Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальний Восток: реальные стратегии и мнимые программы // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2007. № 5. С. 13-21.
8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204.
9. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 N 1288 (ред. от 03.01.2019).
10. Об утверждении «дорожной карты» по развитию конкуренции в отраслях экономики. Распоряжение Правительства РФ от 16.08.2018 N 1697-р (ред. от 15.04.2019).
11. Отчет о деятельности Министерства рыбного хозяйства Камчатского края в 2018 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kamgov.ru/minfish/otcet-o-deatelnosti-ministerstva-rybnogo-hozajstva-kamchatskogo-kraa-za-2015-god> (дата обращения 15.05.2019).
12. Предложения пользователей. [Электронный ресурс]. URL: <https://дв2025.рф/suggests/> (дата обращения 15.05.2019).
13. Савченко А.Е. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? / Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск–Хэйхэ–Харбин, 14-19 мая 2014 г.). Выпуск 4 / Отв. ред. Д.В. Буяров и Д.В. Кузнецов // Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 237-241.
14. Шпигальская Н.Ю., Бугаев А.В., Шевляков Е.А., Коваленко М.Н. Тихоокеанские лососи Камчатки: рыбное хозяйство и наука / Всероссийская научная конференция с международным участием «Водные биологические ресурсы России: состояние, мониторинг, управление», Петропавловск-Камчатский, 3-6 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kamniro.ru/presscenter/statin/tihookeanskie_lososi_kamchatki_rybnoe_hozyajstvo_i_nauka (дата обращения 15.05.2019).
15. Фиров Н.В. К вопросу обоснования социально-экономических программ и планов, анализа хода и оценки результатов их реализации // Вопросы региональной экономики, 2018. 2 (35). С. 68-75.
16. Analysis of the Japanese salmon market. Economic and Commercial Analysis Report No. 56. October 1989. [Access mode]. URL: www.dfo-mpo.gc.ca/Library/114676.pdf (дата обращения 15.05.2019).

УДК 330.163.12

Методика оценки эффективности цифровой трансформации предприятия на основе анализа изменений производственного потенциала трудового коллектива

С.В. Коблов, кандидат технических наук, генеральный директор,
Акционерное общество «Центральный научно-исследовательский
институт машиностроения», АО «ЦНИИМаш», г. Королев, Московская область

В статье излагается методический подход для анализа влияния цифровой трансформации предприятия на состояние производственного коллектива. Дается трактовка категории «управляемость коллектива» и обосновывается возможность ее использования для оценки эффективности мероприятий по цифровой трансформации предприятий.

Цифровая трансформация, бизнес-процессы, управляемость коллектива, социально-заданная цель, оптимизационная методология, анкетный опрос, факторный анализ, линейное программирование.

Methods of assessing the effectiveness of the digital transformation of the enterprise on the basis of the analysis of changes in the production potential of the labor collective

S.V. Koblov, Ph.D., general director,
Joint Stock Company «Central Research Institute for Machine Building», JSC «TsNIIMash»,
Korolev, Moscow region

The article presents a methodological approach for analyzing the impact of the digital transformation of the enterprise on the state of the production team. The interpretation of the category of «team manageability» is given and the possibility of its use for assessing the effectiveness of measures for digital transformation of enterprises is substantiated.

Digital transformation, business processes, team manageability, socio-defined goal, factor analysis, optimization methodology, questionnaire, parameter, social condition, algorithm, linear programming.

Широкое внедрение цифровой трансформации на предприятиях различных отраслей экономики в настоящее время имеет целью оптимизировать бизнес-процессы компаний на основе внедрения современных технологий сбора, обработки и использования информации. В аналитических обзорах и в специальной литературе исследуются различные технологические и организационные составляющие цифровизации, используемые на тех или иных предприятиях. Это роботизация офисных процессов, анализ больших данных, чат-боты, виртуальная и дополненная реальность (проектирование и симуляция рабочих операций), оптическое распознавание, искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн [1,2 и др.]. Их использование служит решению различных проблем с целью оптимизации бизнес-процессов.

Идеальным уровнем внедрения цифровых технологий на предприятиях считается реализация принципов «Индустрии 4.0.». Это

совокупность технологий (PLM, Big Data, Smart Factory, Cyber-physical systems, Internet of Things, Interoperability), позволяющих создать эффективную бизнес-модель предприятия.

В любом случае, достижение эффекта от внедрения каких-либо инноваций на предприятии происходит в результате изменения трудового поведения персонала, более полной реализацией или, наоборот, закрепощением трудового потенциала. Поэтому решение задачи прогнозной оценки эффективности организационных и технологических нововведений в разрезе составляющих цифровой трансформации с точки зрения более полной реализации трудового потенциала является актуальной и необходимой процедурой при введении структурных и организационных реформ на предприятиях.

Получение прогнозной оценки предполагает создание модели исследования. Выводы любого эксперимента на любой

модели будут корректными только в том случае, если модель адекватна исследуемой среде. Само понятие моделирование является гносеологической категорией, тем более важно установление соответствия модели и отображаемого объекта. В общепhilosophическом плане любая модель предполагает применение процедур абстрагирования и идеализации. При этом, сколь бы тщательно ни были ото-

бражены в модели определенные стороны, связи, функции моделируемого объекта, модель никогда не сможет идентично отобразить всю совокупность его характеристик. Поэтому речь может идти только о том, насколько данная модель является аналогом объекта моделирования.

Таблица 1 – Использование составляющих цифровой трансформации на предприятиях

Область применения	Элементы цифровой трансформации
Структуризация и обработка информационных потоков вследствие роста информационной нагрузки	- использование технологии блокчейн на основе принципа децентрализованного, распределенного реестра для оптимизации документооборота; - использование анализа больших данных и развитие информационных систем для отслеживания последовательности, скорости, качества операций, калькулирования и бюджетирования затрат по операциям низкого уровня.
Рационализация использования ресурсов	- внедрение системы «планирование ресурсов предприятия» (Enterprise Resource Planning, ERP).
Минимизация ошибок проектирования.	- внедрение Центров параллельного инжиниринга (ЦПИ) от этапа концептуальных исследований до эскизного проектирования (Concurrent Design Facility, CDF)
Оптимизация производственных переделов при изготовлении изделия.	- внедрение технологии управления информацией об изделии на протяжении его жизненного цикла (Product Lifecycle Management, PLM).

Отсюда следуют два важнейших теоретических и практических вывода: во-первых, в построении модели всегда присутствуют творческие, изыскательские моменты и ее оценка выявляется в процессе апробации и анализа результатов решения; во-вторых, в любой модели должны быть заложены предпосылки эволюции, так как процесс приближения к истине бесконечен. Эти выводы приводят непосредственно к одному из дискуссионных вопросов моделирования - быть ли моделям типовыми или они должны быть индивидуализированы. При построении модели влияния цифровизации на производственный потенциал коллектива предприятия категория «типизации» применима к процессу постановки задачи, а категория «индивидуализации» применима к полученным моделям для каждого конкретного коллектива, модель для которого должна быть уникальной.

Необходимо отметить, что в настоящее время среди исследователей не выработано единого мнения о сути и содержания понятий «трудовой потенциал предприятия»,

«производственный потенциал коллектива» и им подобных [7,8]. Однако, общепринятой является необходимость рассмотрения хозяйствующих субъектов в качестве социально-экономических систем, что предопределяет методологическую специфику исследования.

При исследовании предприятий с производственно-экономической и социально-экономической точек зрения используются различные подходы для описания причинно-следственных связей «ресурсы-результат использования ресурсов». В первом случае применяются различные технико-экономические показатели, используется логическая цепь «ресурсы – цели», оперирующая совокупностью сложившихся цен использования ресурсов; процессы, протекающие в производственно-экономических системах, поддаются строгому численному прогнозированию. Во втором случае, при рассмотрении объекта исследования в качестве социально-экономического образования, результат использования ресурсов не поддается строгому планированию. Здесь необходим поиск при-

оритетов в использовании ресурсов. При этом оценка носит вероятностный характер.

Различны подходы и в выборе критерия для оценки функционирования систем. В первом случае – это максимум экономического эффекта, во втором – максимум использования потенциала. В качестве критерия эффективности использования производственного потенциала трудового коллектива предлагается показатель управляемости персонала предприятия. Управляемость – это возможность реализации потенциала коллектива. Уровень управляемости, по сути дела, и есть результат совершенствования системы управления с точки зрения степени использования производственного потенциала.

При определении приоритетов использования ресурсов будем исходить из того, что каждое предприятие функционирует в соответствии с определенными социально-заданными целями и функционирование конкретного предприятия обусловлено комплексом природно-климатических, технических, технологических, организационных, экономических и социальных условий. Под социально-заданными понимаются цели деятельности предприятия, не противоречащие целям социально-экономической системы более высокого порядка – отрасли промышленности, региона, муниципального образования, и направленные на удовлетворение: экономических требований и обязательств (1) и социально-экономических требований и обязательств (2). К 1) относятся удовлетворение потребностей в продукции и услугах предприятия, удовлетворение иных материальных и финансовых договорных требований, и обязательств объекта; к 2) относятся обеспечение занятости персонала, оплаты труда, условий труда и жизнедеятельности, соблюдение норм трудового законодательства. Эти два вида целей взаимосвязаны: первые являются основой для достижения вторых, а вторые, в свою очередь, являются необходимой предпосылкой для реализации первых.

Функционируя в существующих на данный момент условиях, трудовой коллектив в различной степени управляем по отношению к различным социально-заданным целям

и при определении приоритетов использования ресурсов необходимо исходить из тех социально-заданных целей, которые наиболее полно могут быть реализованы в существующих условиях. На этом тезисе основано понимание категории «управляемости», используемое в данной методике.

Для оценки управляемости трудового коллектива необходимо рассмотреть комплекс протекающих в нем социальных процессов, социальных отношений по поводу всего множества аспектов жизнедеятельности. Стержнем социальных отношений являются отношения равенства-неравенства людей и групп по их положению обществе [3,4]. Данная трактовка социальных отношений как отношений равенства-неравенства имеет ключевое значение для построения целостной концептуальной модели трудового потенциала предприятия, так как позволяет перейти к политэкономическим понятиям факторов производства и тем самым использовать сложившийся понятийный аппарат. В качестве условий жизнедеятельности допустимо принять, с определенной степенью условности, состояние производственных отношений и вещественных элементов производительных сил.

Производительные силы представлены двумя группами факторов:

1) соответствующие вещественным элементам производительных сил; сюда входят природные факторы, технические и технологические факторы, инфраструктурные факторы;

2) соответствующие личному элементу производительных сил; это квалификационный и общеобразовательный уровень трудящихся, их работоспособность и трудоспособность, отношение к труду.

Факторы, характеризующие состояние производственных отношений, также представлены двумя группами в соответствии с видами производственных отношений – организационно-экономическими и социально-экономическими. Первая включает разделение труда, специализацию и кооперацию производства. Вторая – отношения собственности (владения, распоряжения,

распределения) и межличностные отношения в коллективах. Изменения производственных отношений и вещественных элементов производительных сил влияют на свойства и качества работающих, а также формируют их отношение к труду, то есть определяют развитие личного элемента производительных сил.

Механизм действия указанных выше факторов, характеризующих состояние производственных отношений и вещественных элементов производительных сил на работу коллектива, состоит в том, что они стимулируют или сдерживают трудовые усилия, использование работающими своих знаний и опыта, умственных и физических способностей и возможностей, то есть влияют на их поведение в процессе труда.

На отношение к труду существенное влияние оказывают также уровень квалификации, работоспособности и трудоспособности. Следовательно, изменения условий жизнедеятельности, с одной стороны, влияют на развитие участников производства, формирование у них определенных свойств и качеств (квалификации, работоспособности, трудоспособности), с другой – оказывают воздействие на реализацию работающими этих свойств и качеств в процессе труда, то есть формируют их отношение к труду.

Позитивным следствием этих изменений в конечном счете является снижение трудозатрат на единицу продукции (объема работ и т.д.). Однако эта экономия затрат происходит в результате качественных изменений рабочей силы и отношения работающих к труду, а не вещественных элементов труда.

Совокупность перечисленных факторов влияет на состояние личного элемента производительных сил. Группа технических факторов определяет требования к квалификации, то есть к умению работать. Условия труда, определяемые факторами вещественных элементов производительных сил, влияют на работоспособность и

работоспособность трудящихся, то есть определяют возможность работать. Те же условия в совокупности с факторами производственных отношений определяют отношение к труду, то есть желание работать. На отношение к труду (желание) также влияют квалификация (умение) и работоспособность (возможность) (рис. 1). В отличие от работоспособности, категории биологической, трудоспособность – категория социальная, в ней выражается социальная активность человека.

Приведенная классификация факторов рассматривает все возможные условия жизнедеятельности субъектов производства и является основой для эмпирической фиксации социального состояния трудового коллектива с помощью индикаторов восприятия персоналом тех или иных аспектов их жизнедеятельности. Необходимость первоначального учета при анализе социального состояния коллектива всей совокупности параметров определяется тем, что значимость того или иного социального аспекта должна определяться в контексте всего комплекса условий жизнедеятельности – материальных и нематериальных. При этом необходимо отметить, что весь комплекс сторон жизнедеятельности человека можно разделить на две группы – условно «внешние» и «внутренние». Первая включает объективно существующие условия труда, быта, общения и так далее. Вторая, в значительной степени производная от первой, касается потенциальных действий человека, находящегося в конкретной ситуации (то есть собирается ли он увольняться, или повышать свою квалификацию, или баллотироваться на выборах и т.д.). Первая группа отношений к окружающей среде характеризуется удовлетворенностью (неудовлетворенностью) индивида каким-либо условием его жизнедеятельности, вторая – психологической установкой на потенциальный вид деятельности, поступок.

Рисунок 1 – Схема взаимодействия факторов

Фиксация удовлетворенностей и установок как эмпирических выражений отношения индивида к той или иной стороне жизнедеятельности осуществляется в процессе анкетного опроса. Здесь имеются в виду только закрытые вопросы, то есть те, по которым набор ответов фиксирован и предлагается респонденту в готовом виде для выбора. Для числового представления сторон изучаемого явления необходимо их измерение. Социологическая информация по своей природе является качественной и для того, чтобы ею оперировать, использовать в формализованных моделях, необходимо представить ее в натуральных числах и искать методы обработки уже количественной информации.

Разработанная анкета построена в соответствии с классификацией исследуемых

факторов и состоит из вопросов, фиксирующих совокупность условий (т.е. параметров) труда и быта. Структура системы исходных параметров показана в таблице 2.

В анкете принято в основном дихотомическое представление альтернатив ответов на большинство вопросов. То есть ответ на каждый вопрос может быть записан одним из знаков – 0 или 1. Это обусловлено широким спектром фиксируемых параметров (более 80-ти) и, в случае большего числа альтернатив, для респондентов становится трудно воспринимать анкету.

При большом количестве параметров перед исследователем интуитивно возникает необходимость сжатия полученной информации, поиска основных из задействованных в исследовании переменных, наиболее связанных с другими параметрами и

определяющими их. Наиболее эффективным методом для решения этой проблемы является факторный анализ. Он позволяет в компактной форме представить обобщенную

информацию о структуре связей между параметрами изучаемого явления.

Таблица 2 – Классификация факторов, характеризующих социальное состояние коллектива, и параметры для его фиксации

Группа факторов	Факторы	Состав факторов	Параметры
1	2	3	4
Факторы вещественных элементов производительных сил	Природно-климатические и урбанистические	-географическое расположение предприятия - климат, ландшафт местности -тип населенного пункта - социокультурное окружение	- удовлетворенность населенным пунктом и социокультурным окружением
	Технико-технологические условия	-условия труда на рабочем месте (шум, рабочее пространство, оснащенность рабочего места, режим работы)	-удовлетворенность соответствующими условиями труда
	Инфра-структурные условия а) производственные условия б) внепроизводственные условия	- производственно-бытовые условия -охрана труда и техника безопасности -организация труда на рабочем месте -жилищные условия; -условия содержания детей в дошкольных учреждениях; -медицинское обслуживание; - коммунальные и бытовые услуги; -услуги торговой сети и общепита; -услуги для отдыха и спорта; -услуги транспорта	-удовлетворенность соответствующими условиями труда -оценка безопасности труда -удовлетворенность организацией труда -удовлетворенность соответствующими внепроизводственными условиями
Факторы производственных отношений	Специализация и кооперация	-формы организации труда -структура управления производством	- удовлетворенность организацией труда и производством
	Отношения собственности	- владения	- установка на участие в управлении производством
		- распределения	-удовлетворенность системой и размером оплаты труда
	Отношения в трудовых коллективах	- отношения по горизонтали	-удовлетворенность психологическим климатом в коллективе -оценка взаимоотношений с коллегами по работе
		- отношения по вертикали	-оценка взаимоотношений с непосредственным руководством -оценка взаимоотношений с руководством предприятия - доверие руководству
		- стиль руководства	-удовлетворенность методами и стилем руководства

1	2	3	4	
Факторы личного элемента производительных сил	Работоспособность и трудоспособность (возможность работать)		-удовлетворенность режимом работы, медицинским обслуживанием, условиями и безопасностью труда	
	Образование и квалификация (умение работать)		-удовлетворенность уровнем собственной квалификации -установка на повышение квалификации	
	Отношение к труду (желание работать)	- трудовая активность		-оценка полноты своей трудовой отдачи - установка на участие в управлении производством - установка на увольнение
		-творческая активность		-установка на рационализаторство и изобретательство, создание новых продуктов -оценка содержания своего труда

При решении факторной задачи массив исходный данных подвергается нескольким последовательным преобразованиям. Первым шагом факторного анализа является вычисление квадратной матрицы связей параметров.

Для обработки анкет с помощью факторного анализа в методике предложена следующая процедура замены параметров, представленных в дихотомических переменных, в параметры, представленные натуральными числами. Ее суть состоит в следующем. На основе матрицы первичной исходной информации из ее строк формируется N различных комбинаций. Эти комбинации представляют собой N матриц дихотомических переменных. По каждой из них рассчитываются индексы параметров, численно равные отношению суммы «единиц» (или «нулей») в j -столбце к общему количеству элементов в столбце. В результате получается N строк индексов параметров, образующих матрицу Y исходной информации размерностью $n \times N$, (n – количество параметров). Таким образом, исходная информация получается заданной в натуральных числах и может обрабатываться по стандартным программам.

Применение факторного анализа при исследовании социального состояния

производственного коллектива, использование в качестве параметров в формализованной модели условий жизнедеятельности трудящихся позволяет выделить для каждого конкретного коллектива в рамках описанной выше совокупности характеристик (параметров) социального состояния комплексы условий, в наибольшей степени коррелированные с остальными, то есть выделить латентную структуру социального состояния конкретного производственного коллектива. Эта латентная структура будет являться областью значимых факторов (направлений), объясняющих и определяющих социальное состояние исследуемого коллектива.

По отношению к выделенным таким образом значимым факторам исследуемый коллектив наиболее чувствителен и управляем. Однако, нельзя на данном этапе априори утверждать, что воздействие на каждый из этих факторов будет сопровождаться более полной реализацией трудового потенциала, снижением социальной напряженности и прочее, то есть иметь положительную направленность. Например, все более полное удовлетворение потребности трудящихся в жилье имеет для предприятия положительную направленность до определенного момента и, если перенести акцент на развитие этой

отрасли инфраструктуры и не уделять должного внимания другим аспектам, например, безопасности труда, то, получив жилье, многие работники начнут увольняться с предприятия, то есть потеряется положительная с точки зрения предприятия направленность политики максимального удовлетворения потребности в жилье.

Поэтому для отбора из области выделенных с помощью факторного анализа комплексов условий жизнедеятельности (факторов) только тех, воздействие на

$$z_j = \sum_{p=1}^r v_{jp} F_p \quad (1)$$

где: z_j – параметр, $j = 1, n$;

v_{jp} – факторная нагрузка j -го параметра по p -му фактору;

F_p – факторы, $p=1, r$.

Один из параметров (z_j) выбирается в качестве функционала для оптимизационной задачи. Например, \max «оценка полноты личной трудовой отдачи», \max «установка на продолжение работы на предприятии» и прочее.

Выбранные критерии отображают актуальные для предприятия цели в текущий момент, – увеличение производительности труда, снижение текучести кадров и т.д. Остальные параметры ограничиваются сверху единицей, так как на вопрос анкеты не может ответить больше 100% респондентов. В качестве переменных в линейной модели выступают полученные факторы F_p .

Решение задачи линейного программирования отсеивает факторы, не отвечающие выбранному критерию. Оставшиеся факторы включают до 20-ти параметров.

Необходимо отметить, что использование метода математического программирования в представленной методике не преследует цель решения классической оптимизационной задачи по поиску значений (именно значений) переменных, удовлетворяющих функционалу. Алгоритм симплекс-метода используется в данном случае для дополнительного «сжатия» исходной информации (первый этап сжатия – реализация процедуры факторного анализа) и

которые будет иметь положительную направленность с точки зрения предприятия предлагается использовать метод линейного программирования. Эта процедура заключается в следующем.

Из алгебраической интерпретации факторной задачи следует, что матрица факторных нагрузок является матрицей коэффициентов регрессии факторов по параметрам [6]. Таким образом, на основе матрицы факторных нагрузок правомерно построить систему уравнений:

выявления тех факторов F_p , которые действуют именно в направлении функционала. Однако сами значения факторов и функционала в данном случае нас не интересуют.

Необходимо также отметить, что данная «оптимизационная модель» не имеет какого-либо экономического смысла, а применение метода линейного программирования следует рассматривать лишь как инструментальный этап обработки информации.

Расписать каждое ограничение и функционал оптимизационной задачи заранее невозможно, так как набор факторов (переменных) F_p зависит от решения факторной задачи, а это решение для каждого производственного коллектива уникально.

В результате решения оптимизационной задачи происходит отбор из области ранее выделенных факторов только тех, которые влияют на достижение заданного оптимума. Суммарная доля объясненной дисперсии факторов, вошедших в решение задачи линейного программирования, является численным значением управляемости коллектива по исследуемому критерию и выражается в процентах.

Таким образом, основной аспект применения оптимизационной методологии при управлении развитием персонала пред-

приятия состоит в том, что при определении приоритетов необходимо исходить, с одной стороны, из конкретного социального состояния коллектива, обусловленного комплексом существующих условий жизнедеятельности трудящихся и, с другой стороны, – из социально-заданных целей, стоящих перед коллективом, которые могут быть реализованы в этих существующих условиях.

Достаточная управляемость персонала предприятия является необходимой предпосылкой и критерием успешности внедрения организационных и технологических нововведений на предприятии, в том числе и при цифровой трансформации.

Эффективность цифровой трансформации на основе анализа производственного потенциала предлагается оценивать по изменению управляемости персонала после проведенных мероприятий по цифровизации путем повторного исследования коллектива предприятия с использованием данной методики.

Кроме этого, можно предположить, что проведение цифровой трансформации опосредованно будет влиять на следующие параметры:

- удовлетворенность организацией

труда;

- удовлетворенность уровнем механизации и автоматизации труда;
- удовлетворенность уровнем собственной квалификации;
- удовлетворенность содержанием своего труда, возможностью самореализации;
- увеличение привлекательности работы в институте в связи с возможностью самореализации, интеллектуального роста, повышения интереса к работе.

Разработанный инструментарий позволяет предварительно, до проведения повторного анкетирования, спрогнозировать влияние изменения вышеперечисленных параметров на управляемость персонала по основным критериям. Для этого в матрице исходной информации надо искусственно изменить значения вышеперечисленных параметров и произвести серию расчетов управляемости персонала, как интегрального показателя, с измененными значениями.

Сопоставление результатов априорных расчетов с расчетами управляемости после фактического проведения мероприятий по цифровизации позволит сделать вывод о верифицированности данной методики.

Литература

1. Зараменских Е.П. Трансформация организационных структур управления под воздействием фактора развития цифровой экономики // Бизнес. Образование. Право, 2018. № 4 (45). С. 107–115.
2. Карлинский В.Л. Цифровая трансформация промышленных предприятий. Проблемы и модели перехода // Российское предпринимательство, № 5 / 2018.
3. Руткевич М.Н. Диалектика и социология // М.: Мысль, 1980 г. 228 с.
4. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Экономическая социология: исторические предпосылки и объект изучения. В кн.: Экономическая социология и перестройка // М.: Прогресс, 1989.
5. Толстова Ю.Н. Логика математического анализа социологических данных // М.: Наука, 1991. 197 с.
6. Иберла К. Факторный анализ / Пер.с нем. // М.: Статистика, 1980.
7. Чечина. О.С., Крайкова Г.Г. Понятие и содержание трудового потенциала // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сб. науч. тр. // Самара: Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2004. С. 77-84.
8. Басырова Э.И. Управление промышленным предприятием на основе эффективного использования трудового потенциала // Казань: Редакционно-издательский центр, 2012. 152 с.
9. Фёрстер Э., Рёнци Б. Методы корреляционного и регрессионного анализа. Руководство для экономистов. Перевод с немецкого и предисловие В.М. Ивановой // М.: Финансы и статистика, 1983 г. 304 с.

УДК 332.143

Состояние и развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области

Ю.В. Козлова, аспирант,

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

В статье рассматривается состояние и развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области. Кроме того, анализируется количество предприятий малого и среднего бизнеса, их годовой оборот и результат проведенных мероприятий по улучшению сегмента малого и среднего бизнеса в Кемеровской области.

Предпринимательство, малое, среднее, развитие, мероприятия.

The state and development of small and medium-sized businesses in the Kemerovo region

Yu.V. Kozlova, graduate student,

Federal state budgetary institution of higher education
«Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev», Kemerovo

The article considers the state and development of small and medium entrepreneurs in the Kemerovo region. In addition, the number of small and medium-sized businesses, their annual turnover and the result of measures taken to improve the small and medium-sized business segment in the Kemerovo Region are analyzed.

Entrepreneurship, small, medium-sized, development, events.

Развитие сектора малого и среднего предпринимательства в целом во многом определяет развитие современного общества и национальной экономики. В условиях мирового экономического кризиса предприятиям малого и среднего бизнеса необходим комплексный анализ спроса и предложения на рынке, конкурентоспособности продукции, работ и услуг, а также состояния макро- и микроэкономической среды ведения бизнеса. Рентабельность и устойчивость развития субъектов малого и среднего предпринимательства во многом зависит от полноты и достоверности экономической информации, используемой для принятия управленческих решений, что, в свою очередь, влияет на уровень экономической безопасности бизнеса.

На сегодняшний момент существует

множество различных проблем, которые в той или иной степени влияют на развитие малого и среднего бизнеса. Среди них можно выделить: дефицит инвестиционных ресурсов и современных технологий, инфляция, снижение покупательной способности населения, падение рубля на мировом рынке, низкий уровень компетентности по различным вопросам самих предпринимателей, и, как следствие, слабая конкурентоспособность.

В условиях мирового кризиса экономики, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации наблюдается значительное увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства с 2015 года по 2017 год (рис. 1) [3].

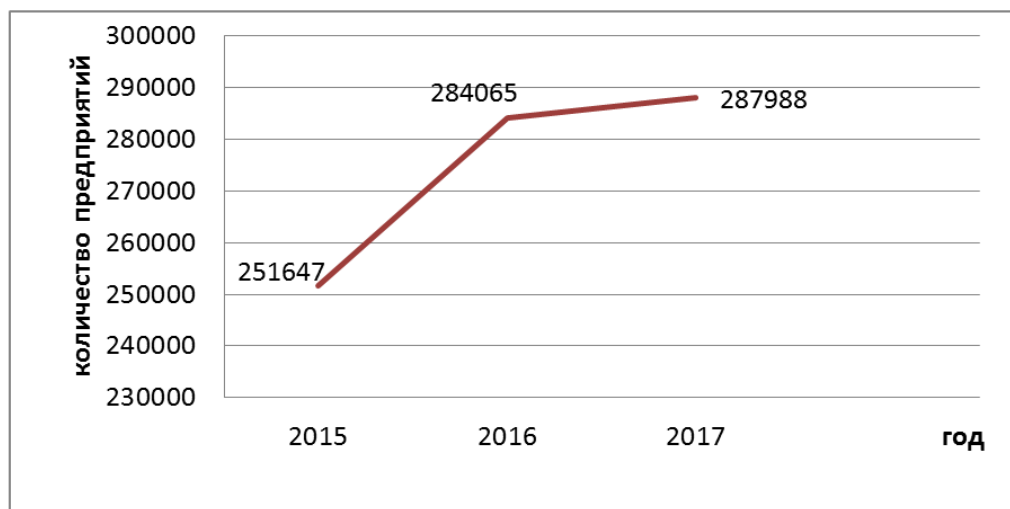

Рисунок 1 – Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в России (без учета микропредприятий)

При этом годовой оборот данного сегмента экономики за аналогичный период | постепенно увеличивается (рис. 2) [1].

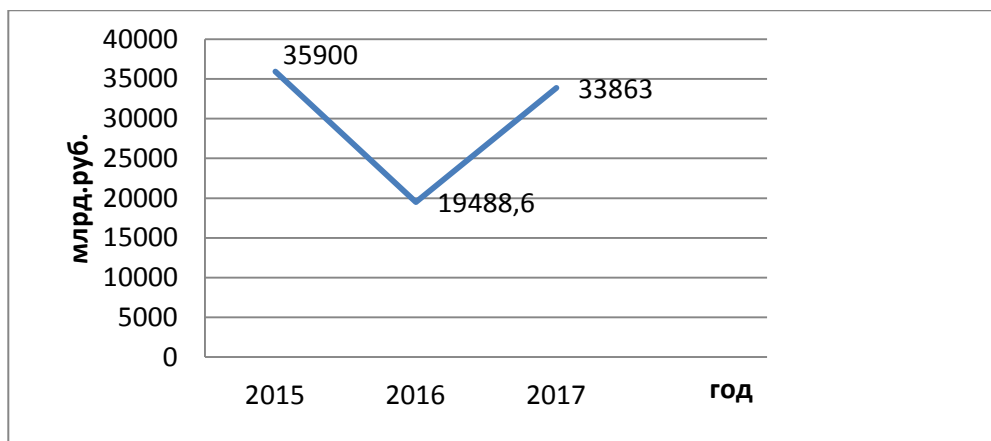

Рисунок 2 – Годовой оборот субъектов малого и среднего предпринимательства в России (без учета микропредприятий)

Согласно единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, малый бизнес в Российской Федерации представлен в основном индивидуальными предпринимателями и микропредприятиями. Доля в ВВП страны этого сектора экономики не превышает 23 %, в то время как в развитых западных странах данный показатель находится на уровне более 50 %. Доля в общем

обороте продукции и услуг составляет около 30 %. Показатель инвестиций в основной капитал держится примерно на одном уровне на протяжении трех лет – это 7-8 % от их объёма по стране в целом.

Исходя из этих данных, можно сказать, что основной проблемой, которая оказывает негативное влияние на незначительный рост предпринимательства в Российской Фе-

дерации, является достаточно низкая конкурентоспособность субъектов малого и среднего предпринимательства.

Для устойчивого функционирования предприятия и приемлемого ведения дел в нем следует выполнять определенный ряд условий, которые подразумевают экономическую стабильность на рынке, и, кроме того, экономическую свободу производителей и потребителей без образования монополий [1].

Основными причинами низкой конкурентоспособности предприятий можно назвать: несовершенство системы стратегического менеджмента малого и среднего бизнеса, а также недоработками в сфере таможенного и налогового законодательства. В связи с этими недостатками, присутствует потребность в пересмотре национальной политики развития с целью повышения конкурентоспособности субъектов малого и среднего бизнеса в дальнейшем. Для обеспечения улучшения положения должны быть реформированы предприятия данного сегмента с целью по-

вышения качества продукции и эффективности менеджмента, и, кроме того, разработана некая система стимулирующих мер государственного регулирования для развития малого и среднего предпринимательства [1].

На развитие малого и среднего предпринимательства в регионах РФ оказывают влияние различные факторы:

- демографическая ситуация в регионе;
- национально-этнические и социальные факторы;
- политика региональной и муниципальной властей;
- продовольственное и сырьевое обеспечение;
- характер освоения региона;
- уровень региональной инфраструктуры.

Совокупность влияния данных факторов свидетельствует о том, что малый и средний бизнес в разных регионах развивается по-разному (рис. 3).

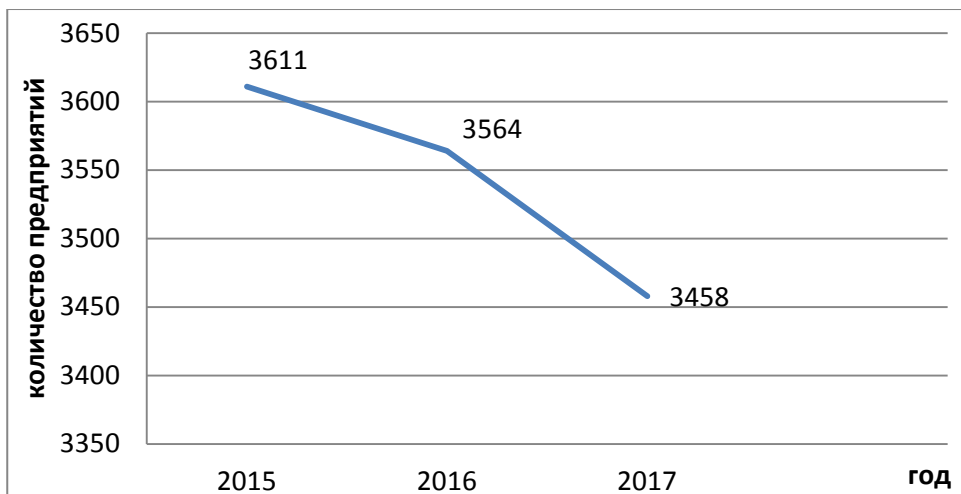

Рисунок 3 – Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области за 2015-2017 гг.

Однако при данном сокращении наблюдается увеличение годового оборота в

динамике с 2015 по 2017 гг. (рис. 4).

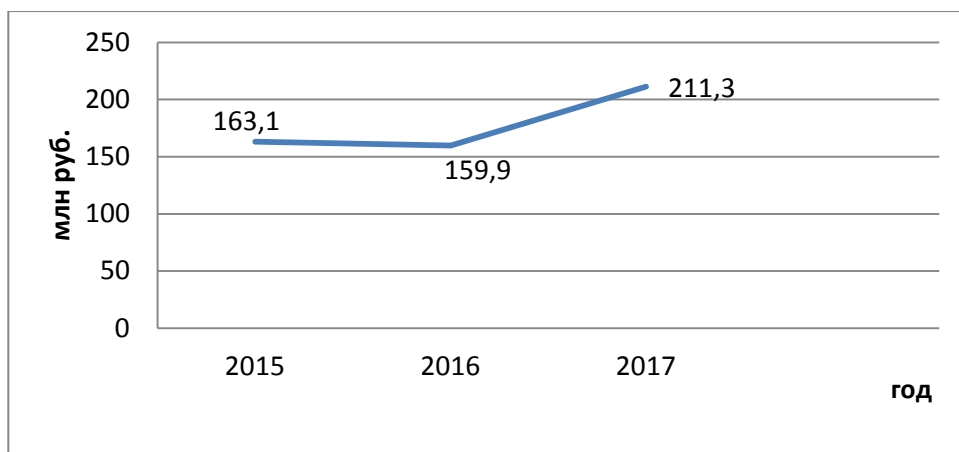

Рисунок 4 – Годовой оборот субъектов малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области (без учета микропредприятий) за 2015-2017 гг.

По данным Росстата в 2017 году по Кемеровской области было зарегистрировано 3458 субъектов малого и среднего предпринимательства без учета микропредприятий. Наибольший удельный вес из них занимают предприятия оптовой и розничной торговли – 37,8 %; а также предприятия, которые осуществляют операции с недвижимостью – 23 %. Наименьший удельный вес составляют предприятия, осуществляющие научные исследования и разработки, – 0,4 %. Количество средних предприятий – 209, из них к сфере розничной и оптовой торговли относятся примерно 30 %, а к сфере производства 17,8 %. Однако в целом в Кемеровской области наблюдается негативная тенденция к снижению количества предприятий за период с 2015 по 2017 годы. Уменьшение количества малых и средних предприятий за 3 года составило 153 организации. Годовой оборот предприятий в 2017 году составил 211,3 млн. руб., что на 32,4 % больше, чем в 2016 году. Кроме того, стоит отметить, что средняя численность работников в 2017 году по сравнению с 2016 годом увеличилась почти на 14 тыс. человек или на 13,3% [6].

Таким образом, из проанализированных данных видно, что сокращение количества предприятий малого и среднего бизнеса никак не повлияло на годовой оборот, поскольку в 2017 году его увеличение составило

почти 50 млн. руб. по сравнению с 2015 годом.

Одной из самых приоритетных задач государственных и региональных органов власти любого субъекта страны является создание благоприятных условий для обеспечения устойчивого развития малого и среднего предпринимательства.

Так, в целях решения стоящей перед органами власти задачи в 2013 году была разработана и утверждена региональная программа по Кемеровской области, получившая название «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области» и распространяющаяся на 2014-2020 годы. Среди основных целей государственной программы можно выделить:

- популяризация предпринимательства среди различных слоев населения;
- привлечение финансовых ресурсов в сферу развития малого и среднего предпринимательства;
- создание или развитие инфраструктуры для поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в приоритетных национальных сферах экономики [2].

В соответствии с рекомендациями Министерства экономического развития России, ежегодно устанавливаются ведущие

мероприятия по оказанию финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства. Так, в 2017 году поддержка была оказана для достижения следующих целей:

- развитие социального предпринимательства и продвижение сельского предпринимательства и экотуризма;

- поддержка реализации муниципальных программ, заключающаяся в грантовой поддержке и субсидировании затрат на оборудование и т.п.

- поддержка субъектов предпринимательства (субсидирование от центра занятости, субсидирование на возмещение процентов по кредитам, арендной платы и затрат на подготовку профессиональных работников);

- рекламирование и популяризация предпринимательской деятельности среди молодежи.

Таким образом, в результате реализации этой государственной программы в Кемеровской области за 2017 год произошли следующие изменения:

- создано 88 субъектов малого бизнеса молодыми предпринимателями;

- 82 субъекта малого предпринимательства получили региональную поддержку на открытие своего дела и реализацию своих бизнес-идей;

- лучшие участники программы получили Губернаторские гранты на развитие своего бизнеса до 250 тыс. рублей.

В целях повышения информированности молодых представителей малого и среднего бизнеса о действующих программах и мероприятиях, мерах государственной и муниципальной поддержки, изменениях в национальном законодательстве в Кемеровской области было субсидировано муниципальных центры поддержки предпринимательства и многофункциональные центры предоставления государственных услуг.

Кроме того, за весь 2017 год центрами поддержки предпринимательства было оказано 13781 консультационных услуг. Как правило, эти консультации касаются

вопросов организации и ведения бизнеса, а также консультирование в налоговой и юридической области [2].

Как было указано ранее, одним из важнейших факторов в экономической сфере для Кемеровской области является привлечение молодежи в предпринимательскую деятельность. Оно предусматривает популяризацию малого и среднего предпринимательства среди молодых людей.

Так, ежегодно в РФ проводится конкурс «Молодой предприниматель России», призванный определить и поощрить самых талантливых и молодых людей, которые ведут предпринимательскую деятельность, и, конечно, сформировать позитивный образ молодежного предпринимательства среди населения как одного из важнейших факторов устойчивого экономико-социального развития страны.

В требованиях данного конкурса указывается, что участие в нем могут принимать граждане Российской Федерации, достигшие 14 лет и до 30 лет включительно. В 2017 году участниками данного конкурса стали 22 молодых предпринимателя со всей Кемеровской области, некоторые из них стали финалистами в определенных номинациях [5].

В целом за последние годы малое и среднее предпринимательство в нашем регионе достигло достаточно значимых успехов в развитии. К концу 2017 года в Кемеровской области все муниципалитеты имеют собственные муниципальные программы развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

Безусловно, огромный вклад в создание текущей ситуации внесли региональные и муниципальные власти наравне с Правительством Российской Федерации. В связи с этим можно сделать вывод, что государственная власть несомненно понимает важность устойчивого развития малого и среднего предпринимательства в стране, что, в свою очередь, позволит России перейти к полноценным рыночным отношениям и

улучшить положение внутренней экономики | страны в целом.

Литература

1. Волкова И.А. Современные проблемы малого и среднего бизнеса в России. 2016. Спецвыпуск № 04 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-консерт.ru/2016/76051.htm>. – ISSN 2304-120X (дата обращения: 21.04.2019).
2. Департамент по развитию предпринимательства и потребительского рынка Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: <http://dprpko.ru/> (дата обращения: 21.04.2019).
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://gmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 21.04.2019).
4. Официальный сайт Президента России. Заседание Государственного Совета по вопросам развития малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49214> (дата обращения: 21.04.2019).
5. Официальный сайт Администрации города Кемерово [Электронный ресурс]. URL: https://www.kemerovo.ru/administration/podderzhka_predprinimatelstva.html (дата обращения: 21.04.2019).
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: <http://kemerovostat.gks.ru/> (дата обращения: 22.04.2019).
7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 24.04.2019).

УДК 336.221.4

Стратегические приоритеты развития внутреннего туризма – сбалансированное развитие субъектов Российской Федерации корпоративным бизнесом

А.А. Ларионова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая безопасность, аудит и контроллинг», Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва,

Л.И. Черникова, доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,

Е.В. Федлюк, студентка магистратуры,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Актуальность темы исследования определяется необходимостью оценки внутреннего туризма на современном этапе для решения стратегической задачи сбалансированного развития субъектов Российской Федерации. В статье дана оценка динамики внутреннего туристского потока по таким параметрам как количество размещенных лиц в коллективных средствах размещения, количество реализованных туров, длительность поездок, динамика платных услуг в разрезе субъектов Российской Федерации. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о неравномерности распределения внутреннего туристского потока, высокой степени его концентрации. Авторы подчеркивают, что в целях консолидации мер адресной поддержки отдельных регионов большое значение имеют вопросы оценки межрегиональных туристических потоков.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2019 г.

Внутренний туризм, туристский поток, цель поездки, регионы.

Strategic priorities of domestic tourism development – balanced development of the Russian Federation regions

A.A. Larionova, candidate of economic Sciences, associate Professor, Department of economic security, audit and controlling The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art), Moscow,

L.I. Chernikova, Doctor of Economics, professor Department of corporate Finance and corporate governance Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,

E.V. Fedlyuk, graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The relevance of the research is determined by the need to assess the domestic tourism at the present stage to solve the strategic problem of balanced development of the Russian Federation. The article assesses the dynamics of the domestic tourism flow by such parameters as the number of people placed in collective accommodation facilities, the number of tours sold, the duration of trips, the dynamics of paid services in the context of the regions of the Russian Federation. The analysis allows us to conclude about the nonuniform distribution of the domestic tourism flow, a high degree of its concentration. The authors emphasize that in order to consolidate measures of targeted support of individual regions, the issues of assessing inter-regional tourism flows in individual regions are of great importance.

The article is prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the government assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation of 2019.

Domestic tourism, tourism flow, purpose of travel, regions.

Приоритетному развитию внутреннего и въездного туризма в настоящее время уделяется пристальное внимание [3]. Как отмечают исследователи [10;12], внутренний туризм и въездной туризм относятся к реальному сектору экономики и являются драйвером экономического и социального развития регионов. За последние годы произошли качественные изменения в сфере внутреннего туризма: сформированы туристские и туристско-рекреационные кластеры, обеспечено раз-

витие современной инфраструктуры, значительно улучшена доступность туристских территорий. Значительный вклад, а именно новые возможности для коммуникаций, для продвижения страны на мировом туристическом рынке, в развитие туризма внесли организация и проведение крупномасштабных спортивных международных мероприятий [4]. Вместе с тем, роль туризма в развитии экономики России существенно ниже, чем в развитых странах [7, с. 48], доля валовой добавлен-

ной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации в 2017 году составила только 3,8%. С учетом природного, культурного и человеческого потенциала, многообразия ресурсов нашей страны, сфера туризма может стать новой системообразующей отраслью экономики, внести вклад в создание новых рабочих мест, устойчивое развитие регионов.

Целью работы является оценка внутреннего туризма в РФ, определение тенденций его развития, а также разработка предложений по адресной поддержке развития туризма в регионах. Данное исследование базируется на использовании данных Единой межведомственной информационно – статистической системы (ЕМИАС) Росстата, Федерального агентства по туризму (Ростуризм), данных региональных туристских администраций, Ассоциации туроператоров России и Российского союза туристской индустрии, экспертных оценок. Для проведения данного исследования авторы статьи использовали методы факторного и структурного анализа, систематизации данных, контент-анализа, экономико-статистического анализа, экспертных оценок и другие научные подходы, позволяющие комплексно рассмотреть изучаемую проблему.

Одним из главных показателей, характеризующих развитие внутреннего туризма, является туристский поток, используемый для оценки эффективности государственной политики в сфере туризма. С точки зрения оценки въездного и выездного туристского потока располагаем подробной статистикой по направлениям и целям поездок. Внутренний туризм характеризуется значительной сложностью сбора информации, обусловленной, во-первых, множественностью объектов исследования, во-вторых, мобильностью объектов анализа. Множественность объектов заключается в том, что туристические поездки сложно отделить от общего числа поездок, а также затруднен учет неорганизованных туристов. Мобильность объектов проявляется в возможности туристов посещать за одну поездку множество мест, учет чего является затруднительным [1].

На международном уровне основополагающим документом в области статистики туризма (в т.ч. внутреннего) является Международные рекомендации по статистике туризма 2008 г. Всемирной туристской организации (UNWTO) [5]. Анализ объемов внутреннего туристического потока основан на мероприятиях статистического исследования и выборочного социологического исследования.

Для целей оценки внутреннего туризма в качестве одного из самых распространенных в мировой практике способов получения информации используется анкетирование населения. Анкетирование состоит в проведении опроса целевой аудитории с использованием специально подготовленного списка вопросов. Например, в Методологическом руководстве по статистике в сфере туризма Евростата [20], приводится типовая анкета, которая содержит вопросы о месте назначения, причинах и количестве поездок за определенный период [20]. В Австрии источниками информации о туристическом потоке являются статистика размещений (число средств размещения, единовременная вместимость, объем внутреннего туризма, количество ночевок и др.), ежеквартальные выборочные обследования населения и внутренний счет туризма. В Великобритании проводятся выборочное обследование резидентов, совершивших поездки хотя бы с одной ночевкой в электронном формате, обследования средств размещения и ежегодный онлайн-опрос туристических объектов [9].

Еще одним источником информации является статистическая отчетность компаний туристической отрасли. В России федеральное государственное статистическое наблюдение проводится по утвержденным Росстатом формам №1-КСР «Сведения о деятельности коллективного средства размещения» и №1-турфирма «Сведения о деятельности туристической фирмы» [13]. Так, в форме №1-КСР присутствует раздел о распределении численности размещенных лиц по целям поездок с разделением на российских и иностранных граждан. В форме №1-турфирма расшифровываются данные о количестве туристов также с делением на российских и иностранных

граждан, отправленных в туры по России в разрезе регионов.

Оценка объема внутреннего туристического потока на основе данных пассажиропотоков предполагает определение доли туристических поездок в общем количестве поездок. Для этих целей используются выборочные социологические исследования. В сфере внутреннего туризма большое количество поездок совершается на личном транспорте. Турпоток по этим данным является заниженными, так как не учитывают автотуристов и путешественников, размещающихся в частном секторе.

Также источниками информации для определения туристического потока могут являться: учет туристов на туристских объектах и измерение изменений показателей, характеризующих жизнедеятельность постоянного населения региона, в туристский сезон (например, объема потребления хлеба, вывоза мусора) [14]. Однако выделение конкретно внутреннего туристического потока, таким образом, будет затруднено, из-за чего целесообразно использовать их в качестве дополнения к другим вышеизложенным способам.

В рамках исследования оценка развития внутреннего туризма проводилась на основании данных о деятельности коллективных средств размещения (далее КСР). Отметим, что численность размещенных в коллективных средствах лиц не позволяет дать точную оценку о количестве внутренних туристов, так как, во-первых, в сводной отчетности не отражается численность размещенных лиц в неучтенных коллективных средствах размещения, во-вторых, не учитываются объемы краткосрочного найма квартир и апартаментов. Например, по данным гостиничной статистики, в 2018 году в Крыму отдохнуло 2 028 тыс. чел., по оценкам пассажиропотока

аэропорта Симферополь в 2018 году турпоток составил 5 146 тыс. чел. [2], по оценкам главы региона в 2018 г. Крым посетило 6,8 млн. чел. [15] По оценкам Министерства курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края регион посетило свыше 17 млн. туристов в 2018 году, по данным гостиничной статистики только 7,820 млн. чел.

Если данные об общей величине туристского потока в разрезе субъектов Российской Федерации, пусть не в полном объеме, возможно оценить на основе статистических данных, то возможность оценить туристический поток между регионами практически отсутствует. Эта точка зрения на оценку межрегиональных туристских потоков, внутри-территориального туризма [16] отражена в работах ряда исследователей [8]. Однако, несмотря на вышесказанное, на практике делаются попытки оценки межрегиональных туристских потоков, например, Проект СберДанные – инициатива Сбербанка по обработке и анализу больших данных. На основе информации, получаемой из платежных систем и общедоступных источников, эксперты банка предоставили агрегированные данные, характеризующие межрегиональный туризм в стоимостных измерителях [11].

Таким образом, для оценки суммарного туристского потока на территории отдельного региона, в рамках данного исследования использованы данные официальной статистики – статистические данные о туристских размещениях в КСР, однако это занижает реальные значения вследствие перечисленных выше аспектов

Несбалансированность выездного и въездного туристского потока отмечается на протяжении последнего десятилетия, выездной туристский поток в 1,7 раз превышает число въездных туристских поездок (рис. 1).

Рисунок 1 – Динамика числа въездных и выездных туристических поездок за 2010-2018 гг. тыс.
 Источник: составлено авторами по данным Росстата

Выездной туристский поток стабильно рос после мирового финансового кризиса на протяжении 2009-2013 гг., с 2014 по 2016 год вследствие резкого падения курса национальной валюты, ухудшения геополитической обстановки, а также ограничения поездок на недорогие популярные направления (Египет, Турция) наблюдалось снижение выездного туристического потока. С 2017 года наметился рост, который связан, прежде всего, с отменой ограничений на поездки в Турцию, а также стабилизацией курса рубля и, как следствие, снижением цен на услуги в сфере выездного туризма, но количество поездок так и не достигло уровня 2011 года.

Количество организованных туристических поездок российских граждан можно оценить по объемам реализуемых турпакетов.

Рекордное годовое число турпакетов за анализируемый период отмечается в предкризисном 2007 году – 5,8 млн. турпакетов, достичь исторического максимума не удается по 2018 год. В анализируемом периоде с 2010 г. по 2017 г. (снижение только в 2012 году на 3%) отмечается ежегодный прирост по годовому числу турпакетов реализованных гражданам России по территории России. Однако достичь максимального значения в 1,659 млн. турпакетов 2007 года за последнее десятилетие не удалось. В анализируемом периоде только по количеству туров, проданных иностранным гражданам по территории России, отмечается максимальное число проданных

туров в 2018 году – 374,8 тыс. турпакетов. Число проданных туров в зарубежные страны подвержено ежегодным колебаниям, отмечается снижение относительно предыдущего года с 2006 по 2009 год, 2012, 2014, 2016, 2018 годах и рост 2010-2011, 2013, 2015, 2017 годах. В 2018 году количество турпакетов в зарубежные страны составило 2,575 млн. туров, что в почти 2 раза ниже максимума 2013 г. – 4,2 млн. туров.

Согласно данным Росстата в 2018 году в туры по России было отправлено 3 377 тыс. чел., что соответствует уровню 2016 года. В анализируемом периоде резкое снижение более 20% наблюдалось в кризисные 2008 – 2009 годы.

Основными детерминантами спроса на туруслуги является численность покупателей, их доход и цены товаров [8]. Текущая ситуация экономики России характеризуется падением реальных доходов населения с 2014 года, в 2018 реальные располагаемые денежные доходы по Российской Федерации к предыдущему году составили 99,9%. Снижение реальных доходов населения привело, с одной стороны, к снижению числа выездных туристических поездок, с другой стороны, к переориентации спроса на внутренний туризм.

В анализируемом периоде отмечается стабильный рост численности граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения (табл. 1).

Таблица 1 – Численность граждан Российской Федерации, размещенных КСР за 2013-2018 гг. (ТОП – 12)

Субъект	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	32 560 580	33 798 523	43 656 898	48 338 704	53 585 867	62 210 071
темп роста к базовому году, %		104	129	111	111	116
Москва	3 547 083	3 768 943	3 776 752	7 043 836	7 611 660	11 088 411
темп роста к базовому году, %		106	100	187	108	146
Краснодарский край	2 463 215	3 649 006	5 233 471	5 662 608	6 451 412	7 820 963
темп роста к базовому году, %		148	143	108	114	121
Санкт-Петербург	1 803 787	1 940 062	2 123 762	2 498 059	3 576 994	3 897 736
темп роста к базовому году, %		108	109	118	143	109
Московская область	2 580 539	2 448 176	3 704 624	3 261 347	3 184 455	3 626 203
темп роста к базовому году, %		95	151	88	98	114
Республика Татарстан	1 271 662	1 256 589	1 680 475	1 796 459	2 007 077	2 117 233
темп роста к базовому году, %		99	134	107	112	105
Республика Крым		412 769	1 535 144	1 624 852	1 528 210	2 028 971
темп роста к базовому году, %			372	106	94	133
Тюменская область	1 104 715	949 882	1 028 870	1 202 008	1 359 769	1 505 337
темп роста к базовому году, %		86	108	117	113	111
Свердловская область	1 058 090	981 899	1 079 998	1 233 451	1 241 309	1 417 732
темп роста к базовому году, %		93	110	114	101	114
Республика Башкортостан	864 008	808 038	843 985	988 686	1 087 550	1 145 057
темп роста к базовому году, %		94	104	117	110	105
Ростовская область	635 907	638 903	821 281	869 140	1 023 404	1 111 305
темп роста к базовому году, %		100	129	106	118	109
Нижегородская область	712 278	766 299	1 047 010	942 691	1 026 716	1 089 925
темп роста к базовому году, %		108	137	90	109	106
Ставропольский край	769 880	803 073	804 135	937 818	957 362	1 034 314
темп роста к базовому году, %		104	100	117	102	108

Источник: составлено авторами по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/44040> (дата обращения 23.07.2019)

Позитивные тенденции роста туристских потоков обусловлены переориентацией спроса на внутренний туризм, а также сгенерированы успешными крупномасштабными мероприятиями – Олимпиадой в Сочи, Саммитом АТЭС, Универсиадой в Казани, Чемпионатом мира по футболу FIFA 2018, прошедшему в России с 14 июня по 15 июля 2018 года и др.

Внутренний туристский поток характеризуется высокой степенью концентрации, так на 12 субъектов РФ, представленных в таблице 1 приходится 60 % от общей численности граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения в 2018 году. Позитивные тенденции роста туристских потоков обусловлены переориентацией спроса на внутренний туризм, сгенерированы успешными крупномасштаб-

ными мероприятиями – Олимпиадой в Сочи, Саммитом АТЭС, Универсиадой в Казани, Чемпионатом мира по футболу FIFA 2018, прошедшему в России с 14 июня по 15 июля 2018 года и др.

При 16% среднеотраслевом темпе прироста в 2018 году среди регионов лидеров в сфере внутреннего туризма наибольший прирост показал г. Москва +46%, что составило 41% от прироста общей величины внутреннего туристского потока. Стабильный рост отмечается во всех представленных в таблице 1 регионах: г. Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Татарстане, Башкортостане, Нижегородской области, Ростовской области, Свердловской области, Московской области, Крыму, Ставропольском крае, Ростовской области. В перечне регионов-лидеров по внутреннему туристскому потоку пред-

ставлены центры культурно-познавательного, делового, выставочно-конгрессного и пляжно-оздоровительного туризма. Это крупные по населению и экономическому потенциалу субъекты России, с развитой транспортной инфраструктурой, транспортные хабы, центры деловой, финансовой, политической, научной, духовной и культурной жизни России.

Развитие массового туризма, повышение деловой активности и коммуникаций способствовали созданию современной индустрии гостеприимства ориентированной на разные сегменты потребителей.

В экономической литературе туристические поступления и инвестиции рассматриваются в качестве важнейших факторов ускорения экономического роста [23]. В 2017 совокупные инвестиции в основной ка-

питал на развитие коллективных средств размещения составили 32,6 млрд. рублей (рис. 2).

Около 43% инвестиций приходится на Центральный федеральный округ, в частности, на г. Москва – 25,5% от совокупного объема, на Московскую область – 8,2%, на Ярославскую область – 6,8%. Южный федеральный округ занимает вторую позицию по объему инвестиций – 19,2%, где выделяются Республика Крым с 9,6% и Краснодарский край – 6,7%. Отметим, что в 2015 году по сравнению с 2013 и 2014 наблюдалось значительное снижение объемов инвестиций, а также произошло изменение их структуры. Такие большие объемы в ЮФО в 2013 и 2014 были связаны с подготовкой к Олимпийским зимним играм в Сочи 2014.

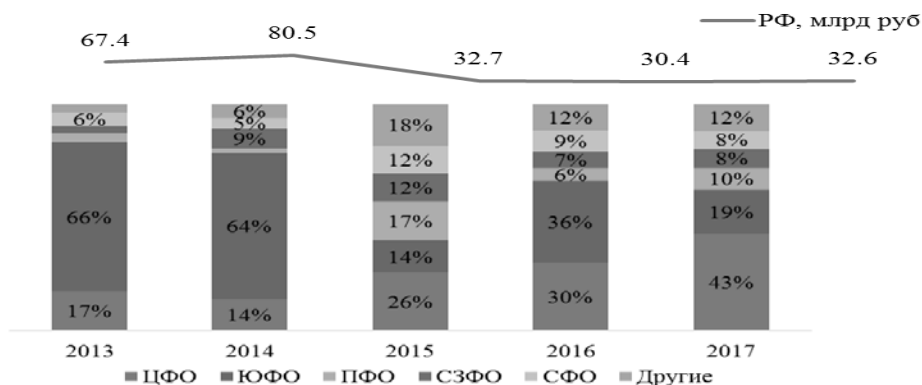

Рисунок 2 – Структура инвестиций в основной капитал коллективных средств размещения, 2013-2017 гг.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

В Топ-5 крупнейших субъектов по инвестициям на развитие коллективных средств размещения прослеживаются разнонаправленные тенденции

С 2015 значительно снизились объемы инвестиций в Краснодарском крае (очевидно, отсутствие необходимости новых вложений связано с их масштабной подготовкой к Олимпиаде 2014 года). Существенный рост показали Ярославская область и Республика Крым, отметим, что по численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения Ярославская область находится на 16 месте и показывает стабильный прирост

внутреннего туристского турпотока.

Для оценки качественной составляющей внутреннего туризма, оценки активности граждан в сфере путешествий было проанализировано среднее время пребывания гостей в коллективных средствах размещения и доход на одного гостя. С 2010 года в России наблюдается положительная динамика числа размещенных лиц в КСР. Темпы прироста в 2018 году стали максимальными за период с 2010 года, составив 20%. Одновременно за анализируемый период произошло сокращение среднего времени пребывания 1 человека в КСР более чем на сутки (рис. 3).

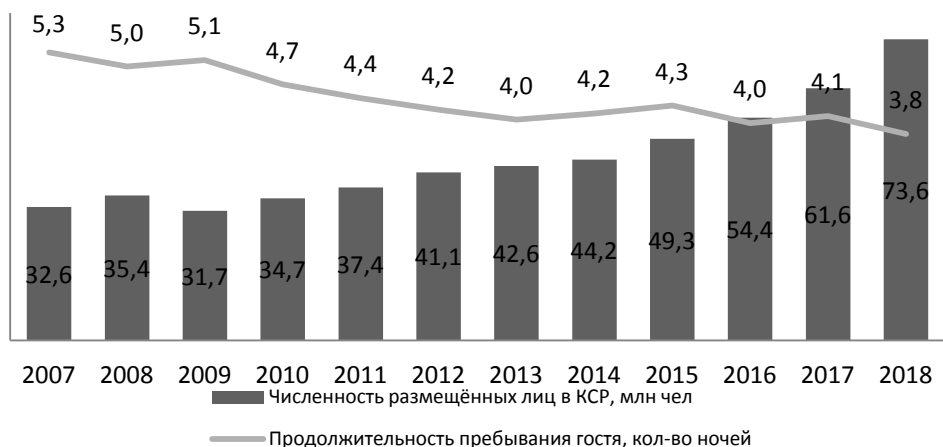

Рисунок 3 – Динамика размещения в КСР (российских и иностранных граждан), 2007-2018 гг.
Источник: составлено авторами по данным Росстата

Темпы прироста среднего дохода КСР с размещенного лица по России с 2014 года замедляются и составляли в среднем 2% в год (рис. 4).

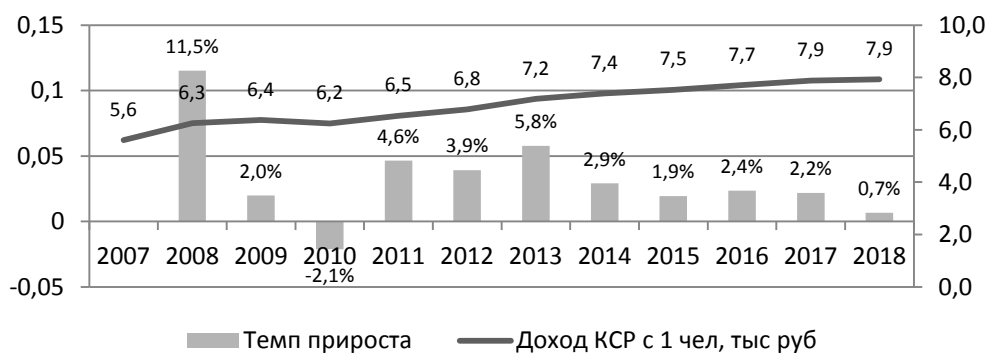

Рисунок 4 - Динамика дохода КСР с 1 размещенного лица, 2007-2018 гг.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Самый большой доход КСР с человека, также как и длительность пребывания, на протяжении всего периода 2007-2017 гг. наблюдается в Ставропольском крае. В 2017 году значение показателя у субъекта в полтора раза больше, чем значение Республики Крым: 21,3 и 14,5 тыс. руб. соответственно. Третье место у Краснодарского края – 12,2 тыс. руб. В 2017 году в интервале доходов 4-9 тыс. рублей с одного гостя находятся 83% субъектов.

Одновременно Ставропольский край занимает 2-е место в 2017 г. по продолжи-

тельности пребывания: 8,3 ночи. Первое место у Кабардино-Балкарской Республики – 9,3 ночи, третье у Республики Крым – 7,4 ночи. В 2017 году в интервале продолжительности пребывания в КСР 2-5 ночей находятся 82% субъектов.

В 2017 году показатели дохода КСР и продолжительности пребывания 74% регионов попали в диапазон одновременно между 4 и 9 тыс. рублей с гостя и 2 и 5 ночами.

В целом по Российской Федерации длительность пребывания в коллективных средствах размещения составляет около 4 но-

чей. Отмечается разброс значений этого показателя по регионам Российской Федерации, что обусловлено целями поездки. Например, в Москве значительный поток прибытий связан с деловыми целями – длительность от 2 до 3 ночей. В Ставропольском крае (курорты Кавказских Минеральных вод) развит лечебно-оздоровительный туризм, что обуславливает долговременное размещение – 8-9 ночей. В Краснодарском крае, Республике Крым ключевые виды туризма – пляжный и лечебно-

оздоровительный, длительность размещения здесь составляет в среднем 7 ночей.

На рисунке 5 представлены данные, характеризующие динамику в сфере оказания платных услуг. В 2018 году объем предоставленных в России туристических услуг составил 172 млрд. рублей, а объем гостиничных и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья – 255,7 млрд. рублей, что на 16,3% больше, чем в 2017 г.

Рисунок 5 – Динамика платных услуг, %

Источник: составлено авторами по данным Росстата <https://fedstat.ru/indicator/31280> (дата обращения 19.08.

2019)

Темп прироста услуг гостиниц и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья с 2012 года по 2018 гг. был выше, чем в целом темп прироста платных услуг. Положительная динамика в анализируемом периоде 2010-2018 гг. отмечается по объемам оказанных услуг гостиниц и аналогичных мест размещения, услуг туристических

агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующие им услуги, но темпы прироста в 2017 году замедляются. Темп прироста услуг гостиниц и аналогичных средств размещения с 2014 года опережает темп прироста услуг турфирм, что свидетельствует о том, что потребители самостоятельно планируют поездки, а также переориентиру-

ются на внутренний туризм. После стабильного роста услуг санаторно-курортных организаций с 2011 по 2016 гг., в 2017 году отмечено снижение объемов оказываемых услуг на 6,4%, на что повлияло возобновление полетов в Турцию.

По данным Федерального агентства воздушного транспорта количество перевезенных пассажиров на внутренних рейсах за 2009-2018 г. ежегодно увеличивалось не ниже 10% (исключение 2016 год прирост – 7%) и достигло исторического максимума в 2018 году – 68,6 млн. пассажиров.

Лидерами по объему услуг в сфере туризма в денежном выражении являются Москва и Свердловская область с 14% и 9% в общем объеме (рис. 6)

Туристические услуги по оставшимся субъектам распределены относительно равномерно. Наблюдается тенденция снижения объемов предоставленных туристических услуг в Москве с 2013 по 2017 (с 27,4 млрд. руб. до 22,9 млрд. руб.) при том, что в большинстве субъектов наблюдался рост.

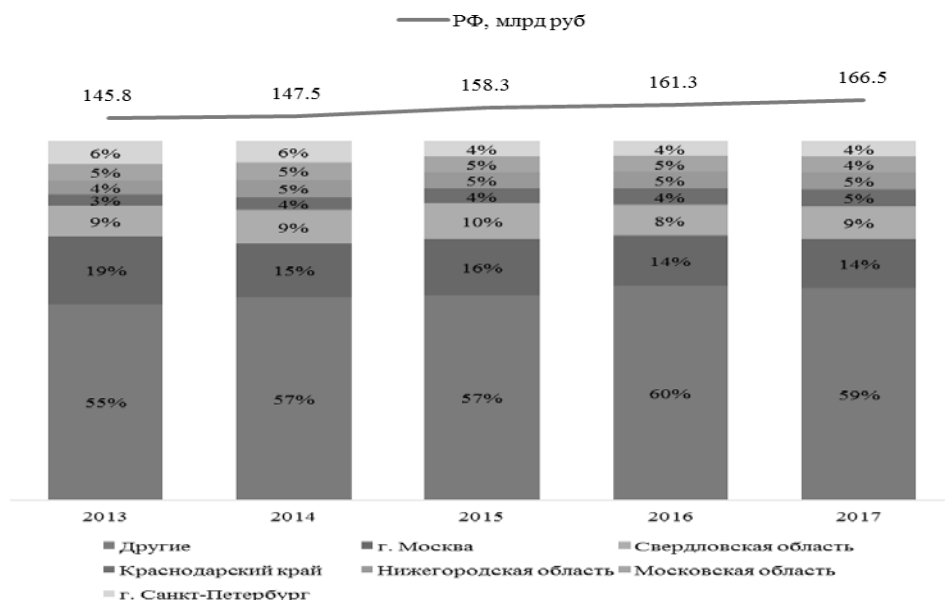

Рисунок 6 – Структура объемов туристических услуг по субъектам РФ, 2013-2017 гг.

Источник: Ростуризм

Самые большие среднегодовые темпы прироста за пятилетний период показали Краснодарский край (20%), Тюменская область (22%), Пермский край (19%), Нижегородская область (19%) и Республика Татарстан (17%).

По объему услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, оказанных населению, лидируют Москва и Краснодарский край по 23%, при этом Свердловская область только 5-я с 2% (рис. 7).

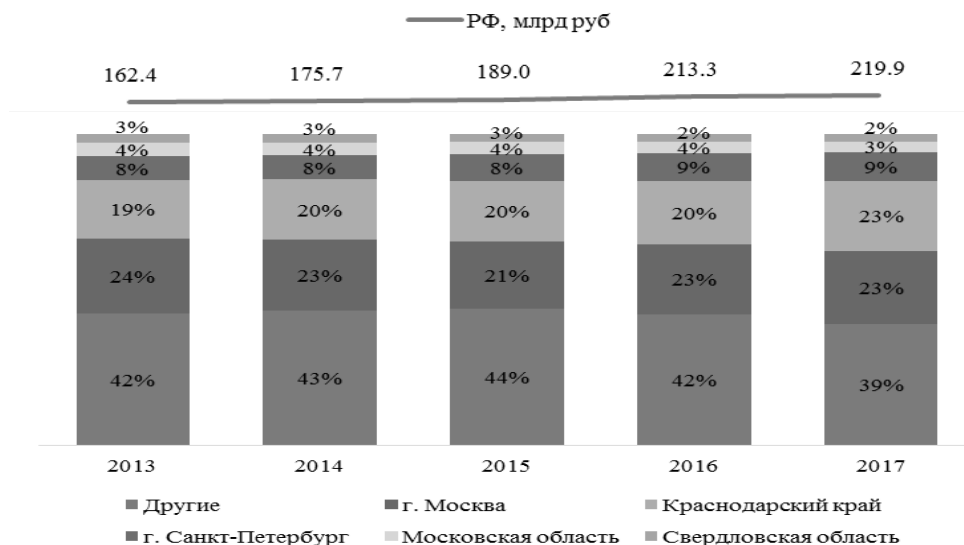

Рисунок 7 – Структура услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, оказанных населению по административным округам, 2013-2017 гг.

Источник: Ростуризм

Самые большие из Топ-5 субъектов среднегодовые темпы прироста за период с 2013 по 2017 гг. у Краснодарского края (25%) и Санкт-Петербурга (15%). По абсолютному

значению также лидирует Краснодарский край (+19,8 млрд. руб. за 5 лет), второй показатель у Москвы (+11,7 млрд. руб.).

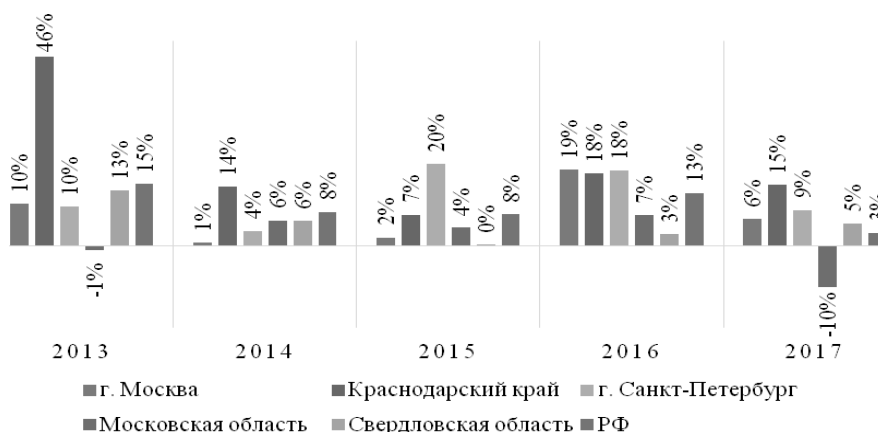

Рисунок 8 – Темп прироста объёма услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, оказанных населению, 2013-2017 гг.

Источник: Ростуризм

Сопоставив данные на рисунке 8 с темпом роста численности граждан Российской Федерации, размещенных КСР (табл. 1),

можно сделать вывод о том, что темпы прироста объемов услуг гостиниц и аналогичных средств размещения ниже, это свидетельству-

ет, в том числе о росте туристской активности, несмотря на снижение покупательской способности граждан.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в сфере туризма в РФ за последние несколько лет произошли серьезные изменения, связанные в первую очередь с геополитическими процессами. Вхождение Республики Крым в состав России, последовавшие за этим экономические санкции, падение курса национальной валюты сильно сказались на индустрии туризма.

Наметилась переориентация спроса на внутренний туризм - положительная динамика внутреннего турпотока, оцениваемая по численности граждан Российской Федерации, размещенных КСР, рост количества ночевки в КСР, рост доходов КСР.

На протяжении анализируемого периода по-прежнему сохраняется несбалансированность выездного и въездного туристского потока, выездной туристский поток в 1,7 раз превышает число въездных туристских поездок.

Конкуренция на международном и внутреннем туристском рынке усиливается, Внутренний туристский поток характеризуется высокой степенью концентрации, на 12 субъектов РФ приходится 60% от общей численности граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения в 2018 году.

В анализируемом периоде отмечается динамика к сокращению продолжительности пребывания гостя в КСР, темпы прироста среднего доходов КСР с размещенного лица по России замедлились и составляют в среднем 2,3% в год. В 2017 году показатели дохода КСР и продолжительности пребывания 74% регионов попали в диапазон одновременно между 4 и 9 тыс. рублей с гостя и 2 и 5 ночами.

Темп прироста услуг гостиниц и аналогичных средств размещения с 2014 года опережает темп прироста услуг турфирм, что свидетельствует о том, что потребители самостоятельно планируют поездки, а также переориентируются на внутренний туризм.

Проведенное исследование подчеркнуло неравномерность распределения внутреннего туристского потока. Наиболее развитыми регионами с высокой величиной турпотока являются Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, в также Республика Крым. Данный результат совпадает с рейтинговыми оценками: согласно оценке туристского потенциала в Рейтинге инвестиционной привлекательности российских регионов в 2018 году. РА ЭКСПЕРТ места распределились следующим образом, 1. г. Москва, 2. Краснодарский край, 3. г. Санкт-Петербург 4. Московская область, 5. Республика Крым, 6. Республика Татарстан и в Национальном туристическом рейтинге – 2018 1. Город Москва, 2. Краснодарский край, 3. Московская область, 4. Город Санкт-Петербург, 5. Республика Крым, 6. Алтайский край, является достаточно предсказуемым, поскольку данные субъекты РФ являются самыми развитыми по многим критериям. Данный факт подчеркивает неравенство в развитии городов федерального значения и остальных регионов России и позволяет сделать вывод о необходимости государства и бизнеса сместить фокус внимания в регионы.

Как указывают отечественные и зарубежные авторы [18;19], несмотря на большой потенциал, развитию туризма в России по-прежнему препятствуют многочисленные проблемы, такие как имидж, развитие инфраструктуры, сервис, обучение и образование персонала, управление качеством и устойчивое управление. Сдерживает развитие внутреннего туризма состояние наземной, водной транспортной инфраструктуры, отсутствие и/или ограниченность межрегиональной авиационной сети, что приводит к удорожанию стоимости туров, неконкурентоспособности отечественного турпродукта. Неэффективное позиционирование турпродуктов среди конкретных целевых групп также негативно сказывается на реализации туристического потенциала субъектов РФ.

В настоящее время рассматривается Стратегии развития туризма в РФ до 2035 года, среди задач на ближайшие 15 лет – рост в два раза количества внутренних туристиче-

ских поездок на одного жителя РФ к 2035 году за счет обеспечения доступности услуг туризма, отдыха и оздоровления для всех россиян. Приоритетными направлениями» в Стратегии-2035 объявлены увеличение транспортной доступности приоритетных туристских дестинаций через развитие транспортной инфраструктуры, децентрализация перевозок, механизмы субсидирования; развитие системы продвижения на внутреннем и внешнем рынках, увеличение инвестиционной привлекательности туристической индустрии и решение вопросов с подготовкой кадров.

По нашему мнению, в целях консолидации мер адресной поддержки отдельных регионов большое значение имеют вопросы оценки межрегиональных туристических потоков в отдельно взятых регионах. Уникальность и неповторимость каждого субъекта нашей страны, многообразие ресурсов позволяет сформировать турпродукт, который будет привлекать различные целевые группы туристов [6:17].

С учетом географических, климатических, культурно-исторических особенностей, наличия объектов всемирного наследия, численности населения, развития туристской инфраструктуры, транспортной доступности субъекты РФ характеризуются различной степенью и потенциалом развития внутреннего туризма. В связи с этим, важно определить причины, по которым некоторые регионы являются дестинациями - лидерами в развитии туризма, а другие «аутсайдерами», выявить «узкие места» и драйверы, которые в наибольшей степени оказывают влияние на развитие туризма в конкретном регионе. Такая оценка позволит определить наиболее нуждающихся в дополнительной поддержке: определить направления государственной политики по развитию тех или иных секторов туристической индустрии и инфраструктуры, расширить источники финансирования предприятий туристической отрасли, предложить меры по повышению активности населения и оптимизации финансовых потоков, формируемых межрегиональными и внутрирегиональными туристическими потоками в субъектах Российской Федерации.

Отсутствие объективных данных об объемах межрегиональных туристических и внутрирегиональных туристических потоков не позволяет дать научно-обоснованную прогнозную оценку величины поступлений от туризма в местные и региональные бюджеты, разработать меры по оптимизации децентрализованных финансовых потоков в туристической отрасли. Создает сложности для бизнеса, так как снижается достоверность расчетов эффективности инвестиционных проектов в сфере туризма.

По нашему мнению, релевантные данные о внутреннем туризме в разрезе межрегиональных туристических потоков могут быть получены на основании данных операторов мобильной связи. Этот вопрос требует проработки с точки зрения законодательства, механизма реализации и источников финансирования исследования.

Также в качестве рекомендаций стоит отметить необходимость привлечения прямых иностранных инвестиций в сферу отечественного туризма. В исследовании Proença, Soukiazis [22] подчеркивается, что экономический рост, обусловленный развитием туризма, зависит от наличия международного капитала для инвестирования в развитие инфраструктуры, особенно в развитие транспортных услуг и услуг по размещению.

Прямое влияние иностранных инвестиций на экономику туризма заключается в предоставлении ценных материальных и нематериальных активов, таких как технологии и связанные с ними физические активы, стандарты обслуживания, накопление капитала и инновационные возможности [21]. Косвенный эффект заключается в содействии приобретению капитального финансирования и созданию положительных внешних эффектов для различных секторов принимающей страны, таких как сектор туризма, при одновременном внедрении новых управленческих навыков в индустрии туризма и, следовательно, стимулировании экономического роста за счет использования значительной доли рабочей силы, увеличения доходов региональных бюджетов.

Для развития внутреннего туризма

необходим комплексный подход с участием | держке всех уровней власти.
всех субъектов туристского рынка, при под-

Литература

1. Александрова А.Ю. Формирование интегрированной системы статистики туризма в Российской Федерации // Вестник Московского университета, Серия 6: Экономика. 2017. № 1. С. 41–61.
2. Аэропорт Симферополя [Электронный ресурс]. URL: <https://new.sipaero.ru/presscenter/news/2019/303/> (Дата обращения 31.03.2019г.).
3. Болдырева С.Б. Влияние туризма на социально-экономическое развитие региона: обобщение российского и зарубежного опыта // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 5 (452). С. 972-988.
4. Бочков П.В., Ергунова О.Т. Особенности развития внутреннего туризма в России // Экономика и предпринимательство. 2018. № 12 (101). С. 1018-1022.
5. Вахрамеева М.В., Розанова Т.П., Салин В.Н., Шпаковская Е.П. Международные стандарты формирования системы показателей статистики туризма // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 3. С. 95-103.
6. Даниленко Н.Н., Бурменко Т.А. Анализ зарубежного опыта использования организационных форм управления оздоровительным туризмом и целесообразность его применения в Российской Федерации // European Social Science Journal. 2016. № 5. С. 51-68.
7. Докукина Е.В. Проблемы и перспективы внедрения инноваций в сфере туризма Москвы и Московской области // Вопросы региональной экономики. 2018. № 35 (2). С. :48-52. <https://doi.org/10.21499/2078-4023-2018-35-2-48-52>.
8. Зюляев Н.А. Эконометрический анализ спроса россиян на внутренний туризм // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 4. С. 461-470.
9. Кислова Ю., Казунина А. Анализ объемов и структуры туристских потоков на территорию региона (на примере города Москвы): методология и проблемы оценки // Логистика. 2015. № 7. С. 12–23.
10. Луховская О.К., Вострова А.П., Киреева М.М. перспективы развития внутреннего туризма в России: анализ, ключевые факторы, стратегические решения // Финансовая экономика. 2019. № 2. С. 200-205.
11. Какие регионы зарабатывают на внутреннем туризме: предварительные итоги 2018 г. // М.: ПАО Сбербанк, 2018. 12 с.
12. Макеева Д.Р., Христофорова И.В. Проблемы и перспективы развития туризма в России // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2014. № 5 (37). С. 55-59.
13. Приказ Росстата от 30.07.2018 N 466 (ред. от 24.12.2018) «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за внутренней торговлей, туризмом, транспортом и административными правонарушениями в сфере экономики».
14. Приказ Ростуризма № 69 от 18.07.2007 «Об утверждении порядка определения внутреннего туристского потока в Российской Федерации и о вкладе туризма в экономику субъектов РФ».
15. Рекордное количество за все постсоветские годы: в 2018 году Крым посетили 6,8 млн. человек [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/595418-turisty-krym-rost-ekonomika> (Дата обращения: 11.07.2019г.).
16. Трубилин А.Г., Жуков Б.М. Экономическая и социальная эффективность внутреннего туризма региона: критерии, показатели, оценки // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1 (102). С. 441-445.
17. Усова А.В., Ковшикова Г.А. К вопросу развития регионального промышленного туризма и организации туристических маршрутов на предприятиях // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3 (36). С. 89-96.
18. Черникова Л.И., Фаизова Г.Р. К вопросу переориентации на внутренний туризм // Финансовая аналитика: проблемы и решения, 2016. № 18 (300). С. 52-60.
19. Andrades L., Dimanche F. Destination competitiveness and tourism development in Russia: Issues and challenges // Tourism Management // 2017. № 62.P. 360-376.
20. EUROSTAT. Methodological manual for tourism statistics – Version 3.1, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/6454997/KS-GQ-14-013-EN-N.pdf/166605aa-c990-40c4-b9f7-59c297154277> (дата обращения 15.05.2019).
21. Liu X., Shu C., Sinclair P. Trade, foreign direct investment and economic growth in Asian economies // Applied Economics. 2009. № 41(13). P. 1603–1612.
22. Proença S., Soukiazis E. Tourism as an economic growth factor: a case study for Southern European countries // Tourism Economics, 2008. № 14(4). P. 791–806.
23. Sokhanvar A. Does foreign direct investment accelerate tourism and economic growth within Europe? // Tourism Management Perspectives. 2019. № 29. P. 86. 96 глава 1.

УДК 330

Методологические подходы к оценке регионального развития республики Дагестан

Д.М. Максубова, аспирант,
А.Г. Рамазанова, кандидат экономических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

В статье исследуются методологические подходы к оценке регионального развития Республики Дагестан. В принципе, можно сказать, что Дагестан обладает значительным потенциалом для регионального развития. Однако текущее состояние и развитие экономики свидетельствует о полном отсутствии какой-либо скоординированной политики федеральных и региональных органов власти по регулированию развития этого сектора региональной экономики.

Республика Дагестан, развитие, стратегические цели, «Каспийская ХАБ», «Дом Наций».

Methodological approaches to the assessment of regional development of RD

J.M. Maksubova, Graduate student,
A.G. Ramazanova, assistant professor,
Dagestan State University, Makhachkala city

The article examines the methodological approaches to the assessment of regional development of RD. In principle, it can be said that Dagestan has significant potential for regional development. However, the current state and development of the economy indicates the complete absence of any coordinated policy of the federal and regional authorities to regulate the development of this sector of the regional economy.

Republic of Dagestan, development, strategic goals, «Caspian HUB», «House of Nations».

Республика Дагестан – самый южный субъект Российской Федерации. Столица региона – город Махачкала.

Повышение качества жизни населения на основе устойчивого экономического развития и безопасности является основной стратегической целью развития республики. Для реализации стратегической цели развития Республики Дагестан определены следующие стратегические направления:

- развитие торгово-транспортного и логистического комплекса;
- развитие промышленного комплекса;
- развитие агропромышленного комплекса;
- развитие строительного комплекса;
- развитие топливно-энергетического комплекса [3, с. 39].

Правительство региона и федеральный бюджет выделили за прошедший год 3 млрд. 322,4 млн. рублей. На 2019 год запланировано выделить средства в объеме 3 млрд. 529,2 млн. рублей.

Объем валовой продукции сельского хозяйства на начало 2019 года в хозяйствах составил 124 млрд. рублей, в том числе в растениеводстве – 59,2 млрд. рублей, в животноводстве – 64,8 млрд. рублей.

Пятая часть валового регионального продукта Дагестана – это сельское хозяйство, в котором занято до 30% экономически активного населения и сосредоточено более 12% основных производственных фондов [8].

Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур на начало 2019 года составил 359,5 тыс. тонн, что на 5 тыс. тонн больше запланированного показателя по программе.

В животноводстве объем производства мяса (в живом весе) в январе – августе 2019 года по сравнению с 2018 годом увеличился на 0,7%, молока – на 1,7%, яиц – уменьшился на 5,6%.

В среднем по России в растущем индексе промышленного производства в первом полугодии 2019 года в 102,6 процента, этот показатель в Северо-Кавказском федеральном округе в январе-июне 2019 года незначитель-

но уменьшился и составил 99,3 процента, – сообщает информационное агентство ИНТЕРФАКС-ЮГ. Рост промышленного производства по итогам полугодия зафиксирован в Чечне (на 8,2 процента), в Ингушетии и КБР (на 0,2 процента); сокращение – на Ставрополье (на 2,9 процента), в Северной Осетии (на 8,8 процента), в Карачаево-Черкесии (на 9,5 процента) и больше всего в Дагестане (на 23,8 процента).

Исследования авторитетной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza показали, что в Дагестане в прошлом году открылись 990 предприятий, закрылось – 5061. По этому показателю республика под управлением Владимира Васильева стала самым худшим субъектом Российской Федерации. Любопытно, что лидерами по величине прироста предприятий среди 85 регионов страны стали соседи республики по Северокавказскому федеральному округу - Ингушетия (615 новых компаний против 384 закрывшихся) и Чечня (657 против 594).

Причем, экономика республики лишается не каких-то мелких заводиков, а промышленных гигантов. Например, в прошлом году Арбитражный суд Дагестана запустил процедуру банкротства против крупнейшего промышленного предприятия республики – Каспийского завода листового стекла. Работу потеряли около 500 человек. Банкротом признан в прошлом году и завод по производству кафельной и керамогранитной плитки «Мараби». Среди крупных потерь, которые не смогла остановить команда Владимира Васильева, можно назвать и обанкротившийся машиностроительный завод «Авиаагрегат» (за три года предприятие накопило долги за электроэнергию на 1,2 миллиарда рублей) и один из крупнейших хлебозаводов республики – Махачкалинский хлебозавод № 2 [5].

По базовым видам экономической деятельности за I квартал 2019г. индекс выпуска товаров и услуг республики уменьшился и составил 94,1%. Снижение индекса выпуска товаров и услуг обусловлено сокращением объемов в промышленном производстве, а также сокращением объемов работ по виду деятельности «Строительство».

Ведущая отрасль промышленности Дагестана – пищевая, включающая в себя винодельческое (в том числе коньячное), рыбное и консервное производства. Продукция этой отрасли экспортируется за пределы республики и участвует в межрегиональном обмене. Второе по значимости место занимают топливно-энергетический комплекс, нефтедобыча и нефтеперерабатывающая промышленность. В регионе присутствуют предприятия машиностроения и металлообработки.

Помимо вышеуказанных направлений в Дагестане развиты химическая промышленность, производство строительных материалов и уникальные художественные промыслы, в числе которых производство ковров и ювелирных изделий из серебра [5].

Четыре инвестиционных проекта Республики Дагестан были представлены представителям корпорации малого и среднего бизнеса.

Общий объем кредитной и гарантийной поддержки этих проектов со стороны МСП Корпорации может составить 550,4 млн. рублей, объем гарантийной поддержки в рамках Национальной гарантийной системы – 266 млн. рублей. Общий объем инвестиций в проекты составляет более 1,5 миллиарда рублей [6].

Как отметил глава Корпорации МСП Александр Браверман, сегодня объем финансовой поддержки МСП Республики Дагестан в рамках Национальной системы гарантий сегодня составляет 876,2 млн. рублей [8].

В ходе визита представители Корпорации МСП провели круглый стол для предпринимателей Республики Дагестан по вопросам участия в закупках крупных клиентов. В 2019 году объем договоров между МСП Республики Дагестан и крупнейшими покупателями составил 4,6 млрд. рублей, диапазон закупок составил 168 позиций.

С точки зрения закупок, работа продолжается, был внесен большой блок поправок для облегчения закупок для государственных нужд. Закон не стоит на месте, в этой части он серьезно меняется. У корпорации МСП есть веб-сайт, на котором подробно описаны вопросы, связанные с участием в

закупках, и был установлен диалог с предпринимателями в формате вопрос-ответ по этому вопросу закупок.

С 2018 года в Дагестане реализуется «дорожная карта» для развития сельскохозяйственной потребительской кооперации. В прошлом году в области было создано 39 сельскохозяйственных кооперативов, в 2019 году – 17. В рамках Корпорации МСП совместно с Министерством сельского хозяйства России, ОАО «Росагролизинг», ОАО «Россельхозбанк», ПАО Сбербанк, ОАО «МСП Банк», комплекс Специальные меры поддержки В 2018 году сельскохозяйственные кооперативы получили финансовую поддержку в размере 20,4 млрд рублей. Объем финансовой поддержки сельскохозяйственных кооперативов Северо-Кавказского федерального округа составил 115,28 млн руб. [8].

Республика Дагестан, начиная с 2019 года, принимает участие в реализации проекта о стратегических целях и национальных задачах РФ, состоящего из 12-ти национальных проектов. С их помощью планируется решить ключевые проблемы социально-экономического развития страны. В рамках этих проектов будет реализовано 67 федеральных проектов. Дагестан участвует в реализации 48-ми из них. Суммарный объем финансирования на 2019 год по всем проектам, которые будут реализованы в регионе, – 17 млрд. рублей, из которых 14,4 млрд. рублей – средства федерального бюджета, 1,1 – республиканского, 1,5 – внебюджетные источники [7].

Обработка бытовых отходов – это очень большая проблема, которая актуальна не только для республики. Регион должен в этом вопросе наладить системную работу. В настоящее время разработана «дорожная карта» по решению данной проблемы, заложено 1,4 млрд. рублей. Позже эта сумма была увеличена на 600 млн. рублей, так как ранее заложенных средств не хватало. На эти средства были установлены на территории республики 7 мусоросортировочных комплексов. Кроме того, на площадке Тюбе будет установлен завод по переработке вторичного сырья», – рассказал руководитель Минприроды.

По его словам, руководителя Минприроды РД программа заработала с 2019 года. В течение двух лет будут установлены все мусоросортировочные комплексы, а в 2020 году планируется завершить проект по строительству завода. До 2024 года все это проблемное направление будет решено.

Развитие малого бизнеса является неоднозначной и трудоемкой задачей, однако благоприятный контроль со стороны государства, мотивация молодых предпринимателей, а также требования рынка способствуют устранению наиболее часто возникающих на данном этапе развития проблем и делают перспективы роста вклада малых предприятий в экономику наиболее вероятными и значительными.

По сравнению с крупным бизнесом, малые предприятия становятся раньше других адептами передовых технологий, следуя быстро изменяющимся требованиям рынка, проявляющегося в растущем спросе на новые товары и услуги. На современном этапе развития мировой экономики инвестиции в технологии становятся частым явлением в деятельности субъектов малого бизнеса [1, с. 242].

Объем договоров между малым и средним бизнесом республики с крупными заказчиками в 2019 году составил 4,6 млрд. рублей.

Агентство по предпринимательству и инвестициям Республике Дагестан отметило, что сегмент малого и среднего бизнеса в сфере закупок в стране демонстрирует повышенный уровень конкуренции для клиентов (в 2 раза), чем общая практика закупок.

Следует отметить, что в рамках реализации Национального проекта «Малый и средний бизнес и поддержка индивидуальных предпринимательских инициатив» к 2024 году объем закупок предпринимателями Северо-Кавказского федерального округа достигнет 110 миллиардов рублей [7].

Большой проблемой остается недоступность финансовых ресурсов. У большинства предпринимателей нет надлежаще оформленная залоговая база.

Также можно отметить, что большой проблемой останется деятельность предпринимателей на оптово-розничных рынках республики. Снижение темпов роста товарооборота в I квартале 2019 года определено уменьшением вещественного объема продаж на розничных рынках на 20,2% против уровня соответствующего периода предыдущего года.

Для дальнейшего развития малого предпринимательства 1 апреля 2019 года в г. Махачкале состоялось заседание круглого стола в рамках межрегионального сотрудничества Координационного совета уполномоченных СКФО по системным проблемам бизнеса[5].

Наибольшая доля финансирования в 2019 году поступит из национального проекта «Образование» – 8,6 млрд. рублей. Национальный проект в Дагестане намерен ликвидировать трехсменную подготовку в школах. Сейчас в республике в третью смену обучается около 2,6 тысячи студентов. Деятельность в рамках нацпроекта «Здоровье» в Дагестане в 2019 году будет профинансирована на 1,55 млрд. рублей, «Жилье и городская среда» – 990 млн. рублей, «Безопасные и качественные

дороги» – 860 млн. рублей, «Малый и средний бизнес и «Поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» – 810 млн. руб., «Демография» – 780 млн. руб., «Экология», «Культура» и «Международное сотрудничество и экспорт» – 400 млн. руб.

В заключение отметим, что Республика Дагестан с 2019 года участвует в реализации проекта по стратегическим целям и национальным задачам Российской Федерации, состоящего из 12 национальных проектов. С их помощью планируется решить ключевые проблемы социально-экономического развития страны. В рамках этих проектов будет реализовано 67 федеральных проектов. Дагестан участвует в реализации 48 из них. Общий объем финансирования на 2019 год всех проектов, которые будут реализованы в области, составляет 17 млрд. Рублей, из которых 14,4 млрд. рублей – из федерального бюджета, 1,1 – из республиканского бюджета, 1,5 – из внебюджетных источников. По всем проектам необходимо разработать и подписать соглашения об их реализации с соответствующими специализированными федеральными органами.

Литература

1. Аслалиева Л.Г., Алхасов Д.М. Проблемы развития малого бизнеса в Республике Дагестан // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития (Новосибирск) . № 14. 2016. С. 242-246.
2. Гаджиев Н.Г., Рабаданов М.Х., Идзиев Г.И., Эльдаров Э.М. Современные проблемы экономической специализации Дагестана // Финансы и кредит, 2017. Т. 23. № 2. С. 110-126.
3. Магомедов Р.М., Гашимова И.Ю. Методологические подходы к государственному регулированию регионального развития // Региональная экономика. 2017. № 8. С.39-47.
4. Магомедова П.А., Османова Х.О., Мусаева З.А. Современное состояние экономики Республики Дагестан // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4-1 (81-1). С. 326-329.
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан [Электронный ресурс]. URL: dagstat.gks.ru (дата обращения: 18.06.2019).
6. В Республике Дагестан обсудили системные вопросы развития малого и среднего предпринимательства. 02 Апреля 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ombsk.biz...malogo-i-srednego-predprinimatelstva> (дата обращения: 17.06.2019).
7. РИА «Дагестан» В 2019 году объем договоров субъектов [Электронный ресурс]. URL: http://www.riadagestan.ru-news...v_2019_ (дата обращения: 17.06.2019).
8. РИА «Дагестан» Господдержка инвестиционной деятельности АПК [Электронный ресурс]. URL: http://www.riadagestan.ru-news...v_2019_ (дата обращения: 17.06.2019).

УДК 334.7

Теоретические основы и современные тренды развития российской кооперации

А.Р. Набиева, кандидат исторических наук, ректор Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Казань

Кооперация рассматривается как общественный институт, раскрывается сущность кооперации, её признаки, принципы и формы, сопоставляются различные точки зрения ученых-кооператоров разных стран на кооперацию, выявляется совпадение и расхождение мнений ученых-кооператоров и отдельных авторов на развитие кооперации, выявляются различные теоретические подходы к потребительской кооперации, исследуются взгляды на потребительскую кооперацию как на некоммерческие организации. Анализируются подходы различных авторов к перспективе развития потребительской кооперации, в свете теоретических аспектов с учетом происходящих в обществе изменений и тенденций развития национальной экономики. Показывается заготовительная деятельность потребительской кооперации России, как одно из практических приложений её функционирования в современных условиях.

Научные аспекты кооперации, кооператив, потребительское общество, союз потребительских обществ, кооперативный статус, кооперативные признаки, принципы кооперации, кооперативное регулирование, корпоративные организации, кооперация, пайщик.

Theoretical foundations and modern trends in the development of russian cooperation

A.R. Nabyeva, candidate of historical sciences, rector of the Kazan cooperative institute (branch) of the Russian university of cooperation, Kazan

In the article, cooperation is regarded as a public institution, the essence of cooperation, its characteristics, principles and forms are mapped to different points of view of cooperators from different countries on the cooperation, revealed the coincidence and divergence of opinions of scientists of cooperative and individual authors for development cooperation, identified different theoretical approaches to consumer cooperation, examines the views of consumer cooperatives as nonprofits. The approaches of various authors to the development of consumer cooperation are analyzed in the light of the theoretical aspects, taking into account the changes taking place in society and trends in the development of the national economy.

Scientific aspects of cooperatives, the cooperative consumer society, the union of consumer societies, the cooperative status, co-op signs, principles of cooperation, cooperative regulation, corporate organization, cooperation, shareholder.

Проблемы развития кооперации издавна интересуют интеллектуалов от науки, рассматривающих кооперативное движение как общественный институт. В современной научной литературе встречаются различные подходы к толкованию кооперации и высказываются неодинаковые точки зрения. В материалах исследования зарождения кооперативного движения большинство исследователей к пионерам кооперации относят Р. Оуэна. Ему приписывают авторство термина «кооперация», полагая, что он впервые употребил это слово применительно к кооперации и рекомендовал сформировать и организационно оформить на принципах единства и взаимной кооперации «земледельческие и мануфактурные поселения». Природа понимания потребительских кооперативов основывается классификации их на принципах разновидности организационно-правовой формы.

Ряд авторов предлагает понимать кооперацию, как соединение в единые группы организационно физических лиц и юридические коллективы на базе соблюдения ими добровольного вхождения в члены кооперативного сообщества в целях совместной коллективной деятельности.

Другая группа авторов кооперативных трудов подходит к рассмотрению кооперации с позиций представления её как проявление людьми обычных человеческих качеств по желанию объединения в общества, в которых им будет комфортно общаться и работать. К такой группе кооператоров относится русский ученый И.В. Емельянов. Он рассматривал кооперацию как определенный комплекс экономических индивидуумов (будь то предприятия или отдельные домохозяйства), которые строят свою работу на принципах координации и согласования. Другой представитель российских кооператоров ученый

Н.И. Мещеряков предлагал толковать кооперацию, как коллектив физических лиц, добровольно объединяющих свои ресурсы для достижения необходимой им общей цели. Рассматривая процесс развития кооперации, Н. Мещеряков отмечал, что кооперация, как общественное явление, зародилась в условиях капиталистического строя, вместе с которым она росла и развивалась. Он прогнозировал кооперации гибель вместе с прекращением жизни капиталистического общества.

Кооперацию нередко рассматривают как форму сотрудничества физических и юридических лиц в интересах улучшения обеспечения, удовлетворения спроса на ресурсы или услуги в целях повышения эффективности хозяйственной деятельности. Значительный вклад в исследование теории кооперации внес М.И. Туган-Барановский, по утверждению которого: «Кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью неполучение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды».

В нынешних условиях потребительские кооперативы в России согласно Гражданскому кодексу относят к некоммерческим организациям, имеющих черты: юридического лица; которое организует свою деятельность, не преследуя от этого получение какой-либо прибыли в качестве главной задачи своей работы и, в связи с этим, здесь не предусматривается распределение прибыли между партнерами – учредителями; учредители кооператива – пайщики участвуют в формировании высших органов управления. Пайщики в потребительских кооперативах в отличие от производственных кооперативов не обязаны лично трудиться в кооперативе. Потребительскую кооперацию России составляют потребительские общества и их союзы. С учетом социальной значимости потребительской кооперации, потребительских обществ и союзов государство поддерживает их.

Кооперативная организация, выступая одним из участников инфраструктуры национальной экономики, рассматривается как составная часть народного хозяйства в условиях рыночной экономики, осуществляет определенный вид деятельности. Деятельность кооперативных формирований обеспечивают в определенной степени монополизацию в системе общественно-производственного функционирования. Предоставляя различного рода услуги производителям товаров, потребительская кооперация на практике участвует в росте эффективности производственной деятельности. Расширяя предпринимательство кооперативное, организации потребительской кооперации по своей деятельности выходят на позиции в разряд приоритетных участников общественного производства.

Рассмотрим экономическую сущность и основные принципы потребительской кооперации. Как отмечалось выше, первоначальное исследование проблем развития потребительской кооперации было положено в Англии Р. Оуэном (1771-1858). К этой же группе кооперативных мыслителей относится и француз Ш. Фурье (1772-1835). Названные деятели кооперативного движения имели задумки по преобразованию человеческого общества на принципах справедливости в результате организации системы кооперативов. Кооператор Германии Ф. Райфайзен (1818-1888) от теории перешел к практике в кооперативном движении и первым создал в деревне кредитное товарищество, которое путем выполнения своих функций защищало своих партнеров-членов от тяжелых условий ростовщиков. В России первым исследователем крестьянской кооперации был Н.Г. Чернышевский. Основа концепции его кооперативной теории сводится к тому, что производство может быть эффективно в том случае, если работник сам хозяин дела и собственник производимого продукта [9].

При кооперации много внимания уделяется мотивации труда внутри кооператива «... при отстранении неблагоприятной, случайной и внешней обстановки почти всякий, в том числе всякий важный в экономиче-

ском отношении, труд составляет для трудящегося не неприятность, а удовольствие». В связи с тем, что члены-участники кооператива работают на себя и в своих интересах, то они от результатов своей деятельности «получают прямую выгоду», а поскольку это так, то работа в кооперативе будет продвигаться гораздо эффективнее, нежели на фермах частного владельца и фабриканта [10].

Отличие кооперативной теории Н.Г. Чернышевского от господствующих экономических учений заключается в том, что он в свою систему взглядов включает рассмотрение экономики единоличного крестьянина, одиночного поселянина-собственника. Он видел в крестьянском хозяйстве наиболее эффективную форму производства. Однако при капитализме мелкое крестьянское хозяйство не может выдержать конкуренцию с крупным предприятием. По мнению Н.Г. Чернышевского своё функционирование крестьянское хозяйство может обеспечить, являясь членом товарищества, в рамках общинного землепользования, предвестника будущего кооперативного общества.

Исследуя теорию кооперации, появляется объективная необходимость осуществить обобщение различных научных подходов отдельных авторов, определяющих экономическую сущность потребительской кооперации, как формы хозяйствования, системы кооперационных связей в условиях рыночных отношений.

Российский ученый-кооператор А.А. Николаев рассматривал кооперацию как своеобразный механизм соединения интеллектуальных и материальных ресурсов, имеющих в самых разнообразных инфраструктурных слоях национальной экономики [4].

Главное внимание при кооперации исследователь уделяет сотрудничеству. Следует подчеркнуть, что понятие кооперация гораздо шире сотрудничества. Кооперация включает в себя не только сотрудничество. Кооперация объединяет трудовые, финансовые и материально-технические ресурсы в целях достижения конечного результата, ради которого они и кооперируются. В условиях

кооперации имеют место как организационные, так и экономические отношения.

Исследователь А. Лозовой, анализируя процессы, происходящие при кооперации, дает новое толкование «техническая кооперация», свою точку зрения он обосновывает объединением «усилий» группы партнеров по кооперации при выполнении определенного вида работы, которую невозможно выполнить одним физическим лицом [2].

Здесь необходимо подчеркнуть, что не вся совместная работа группы физических лиц может рассматриваться как кооперация, ибо не любое сотрудничество может быть кооперацией. В этой связи К.А. Пажитнов отмечает, что кооперацию следует рассматривать как особую форму сотрудничества, которой присущи свои характерные черты [5].

Выявляя суть кооперации, отдельные исследователи выделяют основные признаки кооперации, проявляющиеся в том, что при кооперации происходит взаимные организационные и экономические отношения исполнителей и производителей, ставящих своей целью добиться более высокого положения в обществе. При организации кооперативов на принципах общественной собственности и равноправия партнеров в получении выгод пайщики рассчитывают на получение экономического эффекта. При этом следует подчеркнуть, что к числу особенно важных признаков кооперации относится материальная ответственность партнеров по кооперации. Ответственность членов кооператива может быть основной и дополнительной.

А.Н. Анцыферов, исследуя признаки кооперации, пришел к выводу, что кооперативная организация представляет свободное объединение неограниченного числа физических лиц ради того, чтобы добиться общих целей. По его мнению, кооперативные организации действуют на принципах поголовного равенства в правах всех партнеров-участников. Все члены кооператива принимают непосредственное участие в управлении им и материально отвечают по результатам хозяйственной деятельности [1].

Основным отличием кооперативного сообщества от простого сотрудничества явля-

ется наличие признака хозяйственной цели при совместной деятельности. Особое место при кооперации занимает признак добровольности, при его нарушении теряется сам смысл какой-либо кооперации. Самостоятельность, самостоятельность, добровольность и разнообразие форм сельскохозяйственной кооперации и свободном её развитии признавал М.И. Туган-Барановский. Он подчеркивал, что сельскохозяйственная кооперация формирует прогрессивный тип развития крестьянского хозяйства, сохраняющего индивидуальный характер при общественном регулировании [6].

М.И. Туган-Барановский рассматривал кооператив как определенного рода хозяйственное предприятие, в состав которого на добровольной основе входят несколько физических и юридических лиц, имеющих цель получить наибольшую выгоду на израсходованный капитал, прирост дохода, в результате коллективного ведения хозяйства [7].

При таком подходе к рассмотрению кооперации выявляется её рыночный аспект. Кооператив, объединяющий на добровольной основе партнеров по совместной деятельности, имеет общую целевую функцию. Достижение поставленной кооперативом цели, получения максимально эффективного результата, осуществляется путем добровольного объединения производственного потенциала партнеров-участников. Социально-ориентированная направленность кооперации обеспечивает повышение благосостояния членов кооператива.

Несколько отличающуюся точку зрения на понятие и сущность кооперации высказывал Э. Якоб: «Кооператив есть союз лиц с неограниченным числом членов, построенный на принципе равноправия членов, который имеет целью поддержку промысла хозяйств своих членов совместным ведением производства путем чистой или усиленной государством самопомощи» [11].

В данном случае следует заметить, что спорным является высказывание о правомерности утверждения «неограниченности числа членов». Полагаем, что целесообразнее вести речь об оптимальности числа членов

кооператива с учетом рода деятельности и специализации.

Российский теоретик кооперации В.Ф. Тотомианц толковал кооперацию как совместную работу. Однако коллективную деятельность людей не оправдано называть кооперацией. Прежде всего потому, что при кооперации наряду с трудовыми ресурсами объединяются и материальные средства. При совместной работе можно вести речь о простом объединении людей. В то время как при кооперации происходит экономическое объединение ради достижения общей цели.

Значительное место рассмотрению теории кооперации и её признаков отводится в научных работах А.В. Чаянова, который по степени важности кооперативные признаки располагал в следующем порядке: добровольность вступления в кооператив, демократичность управления кооперативом, порядок распределения прибыли от совместной деятельности, открытость деятельности кооперативной организации, настрой кооператива на трудовую деятельность, в определенной мере проведение обобществления части хозяйственной деятельности. Особый интерес представляет точка зрения А.В. Чаянова о сущности сельскохозяйственной кооперации. А.В. Чаянов объективно доказал, что крестьянскую кооперацию вправе рассматривать, как достаточно перспективный вариант развития крестьянского хозяйства. Научная новизна его подхода заключается в том, что при вертикальной кооперации мелкому товаропроизводителю предоставляется возможность, сохранив свою индивидуальность, передать невыгодные элементы своей деятельности крупным формам производства, имеющим экономическое преимущество [8].

Исследуя процессы развития потребительской кооперации в настоящий период, необходимо отметить, что деятельность кооперативов в современных рыночных условиях предполагает внесение некоторых уточнений, касающихся материальной заинтересованности членов-пайщиков.

В ряде научных работ теории кооперации недооценивают роль и значение прибыли, считая, что этот признак несвойственен

сущности кооперации. В условиях рыночной конкуренции кооперативам приходится для обеспечения жизнедеятельности определенным образом реагировать на окружение и вносить коррективы в свою деятельность, осуществлять кооперативное предпринимательство согласно законам стоимости, обеспечить своё выживание и эффективное функционирование, получать прибыль и достаточную для рациональной деятельности рентабельность, обеспечивать расширенное воспроизводство в кооперативах. Кооператив – это не благотворительная организация, а хозяйствующий субъект, в котором работает коллектив людей, нуждающийся в получении достойной зарплаты для безбедной жизни и продолжения рода. Достигнуть этого возможно при эффективной производственной и иной, незапрещенной законом, деятельности.

Потребительские общества занимаются торговлей, организацией общественного питания, заготовками сельхозпродукции и сырья, производством и др. Развитие рыночных отношений предоставляет определенную

свободу предпринимательству и развитию инициативы, создает экономические и организационные предпосылки развития кооперации. К преимуществам развития кооперации относится концентрация капитала, создание в системе потребительских обществ конкурентоспособных организаций рыночной экономики. Потребительская кооперация в России является крупной системой. Экономический интерес кооперативного объединения проявляется и обеспечивается через национальную эффективность, что дает возможность сопоставлять издержки и выгоды хозяйствования в целом.

В современный период потребительская кооперация в России осуществляет свою деятельность в условиях санкций и эмбарго, выполняя весьма полезную миссию, осуществляя закупки сельскохозяйственной продукции и сырья у хозяйств населения сельской местности. Так, с 2014 по 2018 гг. потребительские общества Центросоюза России ежегодно закупали у сельских жителей мясо, молоко, овощи, плоды, картофель (таблица 1).

Таблица 1 – Тренд закупок сельскохозяйственной продукции и сырья потребительскими обществами Центросоюза Российской Федерации, тонн

Показатели	Годы					2018 в % к 2014
	2014	2015	2016	2017	2018	
Мясо	69501	64717	67058	58300	60836	87,5
Молоко	251173	221898	223768	225064	217347	86,5
Овощи	70239	57828	60967	52495	49833	70,9
Плоды	44508	39080	35464	28809	26797	60,2
Картофель	64076	52604	58421	52744	46569	72,7

Источник: составлена автором по материалам Центросоюза РФ

Природно-климатические условия России благоприятствуют произрастанию на территории многих регионов страны экологически чистой дикорастущей продукции. В России основными организаторами заготовок дикорастущих плодов, ягод и грибов являются кооперативные организации и кооперативные предприятия потребительских обществ Центросоюза Российской Федерации. Заготовительные организации потребительской кооперации ежегодно закупают дикорастущую продукцию: плоды и ягоды, клюкву и бруснику, лесные грибы и дикорастущие орехи. Следует заметить, что с 2014 по 2018 гг. потреби-

тельские общества Центросоюза России увеличили заготовки сухих грибов с 7,6 до 9,3 тонн, или 22,4% (таблица 2).

Особое место в заготовительной деятельности потребительской кооперации Центросоюза России занимают закупки лекарственно-технического сырья. Заготовками этого вида сырья занимаются потребительские общества Центросоюза России практически во всех регионах России. Значительные объемы лекарственно-технического сырья в 2018 г. заготовили потребительские общества Северо-Западного федерального округа – 163 тонн, Больше других регионов этой продукции за-

готовлено потребительской кооперацией Приволжского федерального округа – 857 тонн. Кооператоры Дальневосточного федерального округа в 2018 г. в 4 раза увеличили

заготовки лекарственно-технического сырья, увеличив объёмы с ,6 до 26,7 тонн (таблица 3)

Таблица 2 – Динамика закупок дикорастущих плодов, ягод и грибов потребительскими обществами Центросоюза Российской Федерации, тонн

Годы	Плоды и ягоды в переводе на свежие	Клюква и брусника	Грибы сухие	Грибы свежие, соленные и маринованные в переводе на свежие	Орехи дикорастущие
2014	428,9	303,2	7,6	178,6	63,8
2015	331,1	490,8	8,0	136,2	63,9
2016	238,4	296,0	6,8	185,6	193,1
2017	247,6	302,7	23,0	64,7	37,1
2018	285,4	189,4	9,3	125,1	27,3
2018 в % к 2014	66,5	62,5	122,4	70,0	42,8

Источник: составлена автором по материалам Центросоюза РФ

Таблица 3 – Динамика закупки лекарственно-технического сырья потребительскими обществами Центросоюза Российской Федерации, тонн

Федеральные округа РФ	Годы					2018 в % к 2014
	2014	2015	2016	2017	2018	
Центросоюз РФ	1272,8	1123,0	1132,0	984,6	1152,0	90,5
Центральный	88,3	30,0	24,0	21,4	37,0	41,9
Северо-Западный	177,6	143,0	146,0	157,8	163,0	91,8
Южный	3,3	1,2	1,3	1,4	1,5	45,5
Приволжский	957,8	905,0	842,0	749,8	857,0	89,5
Уральский	14,8	3,5	3,8	1,5	0,4	2,7
Сибирский	24,3	30,0	36,0	41,2	66,0	271,6
Дальневосточный	6,6	11,3	13,2	9,6	26,7	404,5

Источник: составлена автором по материалам Центросоюза РФ

Заключение. Исследования теоретико-методологических положений экономической сущности кооперации и анализ её поэтапного развития позволили сформулировать определение кооперации как добровольного сотрудничества свободных самостоятельных субъектов на базе координации деятельности и совместного использования трудовых и материально-технических ресурсов, аккумуляции финансовых средств в целях удовлетворения интересов партнеров по кооперации, в результате достижения поставленных целей. В.П. Милютин отмечал, что успех развития кооперации зависит от уровня экономического развития общества [3].

Опыт развития потребительской кооперации в России подтвердил её необходимость и полезность в развитии социально-экономической жизни сельских территорий. Практика доказала, что фундаментом теории

кооперации являются экономические отношения, существенно влияющие на её совершенствование и развитие. Потребительская кооперация в России выступает как одна из форм в инфраструктуре национальной экономики страны, выполняющая важные задачи в обществе по улучшению социально-экономической ситуации в российской деревне, оказывает поддержку сельскому населению, в том числе служит надежным каналом сбыта сельскохозяйственной продукции сырья, способствуя тем самым улучшению материального положения сельчан. Такой подход к рассмотрению кооперации выявляет её социально-экономическую значимость, показывает эффективность кооперативных принципов и отражает главную сущность кооперации, обеспечивающую удовлетворение материальных и иных потребностей её партнеров – участников.

Литература

1. Анциферов А.И. Очерки по кооперации // М., 1912. с. 33.
2. Лозовой А. Курс кооперации // М.: Изд. Коммунистической академии, 1978. с. 7.
3. Малютин В.П. Социализм и сельское хозяйство // М., 1919. с. 47-48.
4. Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения // Петроград: Мысль, Т. 1. 1919. с. 96.
5. Пажитков К.А. Популярные очерки по теории кооперации // Петроград, 1918. с. 14.
6. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации // М., 1989. с. 21-26.
7. Туган-Барановский М.И. Социальная основа кооперации // М., 1918. с. 43.
8. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации // М., 1927. с.52.
9. Чернышевский Н.Г. Капитал и труд Соч. в 2 т. // М.: Мысль, 1987. т. 2. С.56.
10. Чернышевский Н.Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Милля Д.С. Соч. в 2 т. // М.: Мысль, 1987. Т. 2. С.76.
11. Якоб Э. Хозяйственная теория кооперации // Петербург. 919. С. 121.
12. Суглобов А.Е., Липалина С.Ю. Методологические подходы к пониманию сущности инновационной деятельности в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России, 2012. № 7. С. 202-206.
13. Гордеев А.В., Суглобов А.Е. Проблемы регулирования продовольственного рынка // Экономика сельского хозяйства России, 1999. № 8. С. 3-4.
14. Агропромышленный комплекс РФ в 2017 г. Минсельхоз России // М., 2018. 567 с.
15. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации Российской Федерации за 2014-2018 годы. Центросоюз России // М., 2018.
16. Овчаренко Н.А., Ткач А.В., Нечитайлов А.С. Предпринимательство кооператоров на рынке дикоросов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2019. № 3. С. 62-65.
17. Ткач А.В., Потребительская кооперация в продовольственном обеспечении // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики // 2018. № 1. С. 3-18.
18. Жукова О.И. Ткач А.В., Кооперативное предпринимательство в укреплении продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, № 3. 2018. с. 35-41.
19. Ткач А.В., Правовое обеспечение потребительской кооперации в России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2018. № 7. С. 44-51.
20. Дианова В.Ю., Ткач А.В., Жукова О.И., Главные направления развития кооперации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2018. № 3. С. 14-20.
21. Балалова Е.И. Предпринимательство в продовольственном обеспечении: Монография / Е.И. Балалова, А.А. Максаяев, Н.А. Овчаренко, А.Е. Суглобов, А.В. Ткач // М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2019. 244 с.
22. Зубов Д.Л., Ткач А.В., Максаяев А.А. Потребительская кооперация на рынке дикоросов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики, 2019. № 1. С. 3-12.

УДК 338.439

Проблемы обеспечения продовольственной безопасности Самарской области

С.И. Нестерова, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и кадастра,
Автономная некоммерческая организация высшего образования
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара, Самарская область

В статье представлены результаты проведенной комплексной оценки продовольственной безопасности Самарской области. Выявлены факторы, влияющие на нее. Выполнено экономико-математическое моделирование зависимости потребления различных продуктов питания от уровня доходов населения. Предложены направления укрепления продовольственной безопасности Самарской области и России в целом.

Продовольственная безопасность, сельское хозяйство, доступность продовольствия.

Problems of ensuring food security of the Samara region

S.I. Nesterova, candidate of economic sciences, associate professor of the department of economics and cadastre,
Autonomous Nonprofit Organization of Higher Education
Samara University of Public Administration
«International Market Institute», Samara, Samara region

The article presents the results of the comprehensive assessment of food security of the Samara region. Factors affecting it are identified. An economic and mathematical modeling of the dependence of the consumption of various foods on the income level of the population has been carried out. The directions for strengthening the food security of the Samara region and Russia as a whole are proposed.

Food security, agriculture, food availability.

Ряд неблагоприятных событий, произошедших в нашей стране и в мире, заставляет экспертов строить неутешительные прогнозы относительно недалекого будущего российской экономики. В столь сложной ситуации и без того актуальная задача сохранения нашей страной своей продовольственной безопасности (ПБ) и ее наращивания становится еще насущнее. Ограниченность природных, в первую очередь сельскохозяйственных, ресурсов во многом халатное отношение к ним на протяжении нескольких десятилетий, невозможность эквивалентной замены продовольствия никакими другими источниками детерминирует смещение ориентиров в потреблении с бездумно потребительских на рачительное хозяйствование.

ПБ предопределяется степенью развитости отечественного АПК, его государственной поддержкой и благосостоянием населения. Сохранение высокого уровня ПБ важно не только с точки зрения экономико-социального развития России, но и геополитического. ПБ определяет национальную независимость и политическую стабильность в

обществе. Значимость данной проблемы привело к проведению множества исследований ее различных аспектов, осуществляемых как отечественными, так и зарубежными учеными, однако многие вопросы обеспечения ПБ продолжают оставаться дискуссионными и требуют дальнейшего изучения [2, 17].

Обобщив имеющиеся подходы к трактовке термина «ПБ» [1, 2, 13, 10, 16, 17, 19], полагаем, что можно предложить следующую его дефиницию: ПБ – это ситуация, при которой все население страны, региона и т.п. имеет постоянную возможность удовлетворять свои потребности в качественной, безопасной пищи в размерах не ниже физиологических норм. Ключевыми характеристиками ПБ являются ее экономическая и физическая доступность для всех слоев населения, бесперебойность продовольственного обеспечения, полноценность потребления пищи с точки зрения калорийности, сбалансированности жиров, белков, углеводов, витаминов и микроэлементов, необходимых для сохранения здоровья, поддержания активности и долголетия человека.

Понятие ПБ не ограничивается только непосредственным обеспечением всего населения продуктами питания, хотя и является ее конечной целью [4, 8]. Система ПБ предусматривает образование стратегических запасов продовольствия, формирование оптимального соотношения между импортными продуктами питания и продовольствием отечественного производства, создание качественной инфраструктуры продовольственного рынка, тесных и взаимовыгодных кооперационных связей между различными хозяйствующими субъектами агропромышленного комплекса и обслуживающих его звеньев.

Постоянно проводимый мониторинг ПБ в мире показывает, что во многих странах проблемы голода не решены. Самая сложная ситуация с обеспечением продовольствием складывается в странах Африки, где недоедает 20% населения. Наиболее остро проблема нехватки еды и пригодной для потребления воды встает в Восточной Африке, где голодает почти 34% жителей. В России ситуация гораздо благополучнее. Так, по данным аналитического агентства Economist Intelligence Unit наша страна находится на 43 месте из 109 по уровню ПБ (63,8 балла). По соседству с нами в рейтинге находится Китай, получивший 64,2 балла, и Беларусь с общим результатом в 63,5 балла [7]. Как констатируется в работе [16], для России в целом не имеют большого значения проблемы, связанные с ПБ, однако обращает на себя внимание снижение доступности пищи у малообеспеченных слоев граждан в связи с ухудшением экономической ситуации в стране.

Необходимо отметить, что оценивать ПБ только на макроуровне недостаточно, особенно, когда речь идет о таком большом государстве как Россия, где ярко выражены природно-климатические, социально-экономические различия между регионами. Эта территориальная дифференциация детерминирует угрозы и слабые стороны продовольственной безопасности не только отдельной области, но и страны в целом.

Так, оценивая ситуацию, сложившуюся в Самарской области, можно отметить, что ПБ в этом регионе формируется под влия-

нием факторов, действующих разнонаправленно.

К факторам, негативно влияющим на ПБ региона, можно отнести следующие:

1. При ежегодном росте номинальных среднемесячных денежных доходов на душу населения реальные денежные доходы с 2014 г. постоянно сокращаются, что вызвано превышением инфляции над приростом доходов граждан. В 2012 – 2013 гг. в регионе уменьшилась численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, однако с 2014 г. этот показатель снова начал расти.

Одним из индикаторов уровня бедности является доля расходов на покупку продуктов в общих тратах домашних хозяйств. С 2013 г. этот показатель в Самарской области возрос с 26,8% до 31,8% в 2017 г. При этом удельный вес расходов на жилищно-коммунальные услуги также увеличился с 9,0% до 11,9%. Иными словами, более 40% расходов населения составляют обязательные платежи, что свидетельствует о бедности домашних хозяйств. Однако в соответствии с выводами, полученными РИА Рейтинг, 63-й регион живет богаче по сравнению со многими другими. Так, в результате ранжирования 85 российских регионов по уровню доходов Самарская область заняла в рейтинге 24 место, имея отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг в размере 1,56 и долю жителей области, живущих за чертой крайней бедности, составляющую 1,7%. По сравнению с Республикой Тывой, где последний показатель равен 9,2%, ситуация в Самарской области выглядит благополучной [14].

2. За 10 лет произошло существенное сокращение материально-технической базы сельского хозяйства. Так, с 2007 г. по 2017 г. в 1,8 раза сократилось количество тракторов, в 1,6 раза – культиваторов, в 1,8 раза – зерноуборочных и в 1,5 раза – кормоуборочных комбайнов.

3. Несмотря на проводимую модернизацию в агробизнесе, степень износа основных фондов сельского хозяйства по-прежнему остается весьма высокой. К концу 2017 г. она достигает 48%. Учитывая общую

нехватку техники и ее низкий коэффициент годности, становится очевидным, что аграрии имеют невысокие шансы увеличивать объемы выпуска и улучшать качество своей продукции [15].

4. Поголовье крупного рогатого скота за 2011 – 2015 гг. ежегодно увеличивалось, однако с 2016 г. постепенно снижалось, к 2018 г. составив 228,6 тыс.голов. Аналогичная ситуация сложилась и с птицей. По сравнению с началом 2008 г. к 2018 г. поголовье птицы сократилось в 1,5 раза, составив 2850,8 тыс.голов.

5. Продолжает сокращаться численность занятых в сельском хозяйстве, что обусловлено низкими заработками, тяжестью и непрестижностью труда в этой сфере, менее развитой инфраструктурой в селе по сравнению с городом. Так, с 2007 г. по 2017 г. количество работников сельского хозяйства снизилось со 100 тыс.чел. до 95,6 тыс.чел.

6. В 2017 г. наблюдается резкое снижение рентабельности деятельности сельхозпредприятий, что обусловлено сверхурожаями и, как следствием, падением цен на растениеводческую продукцию. В свиноводстве и молочном животноводстве ситуация складывалась более благоприятно, а птицеводы продолжили работать с низкой маржинальностью. По прогнозам Внешэкономбанка, в дальнейшем ситуация на сельскохозяйственном рынке будет ухудшаться [5]. Обусловлено это тем, что внутреннее потребление продукции практически не растет, а экспортные возможности ограничены. Отрицательный вклад в снижение доходности вносит и рост себестоимости сельхозпродукции [6]. В первую очередь на это влияет увеличение цен на факторы производства, зависимые от импорта: сельхозтехнику, запасные части к ней, семенной материал, химические средства защиты растений. Дорожают и отечественные горюче-смазочные материалы. Все это может привести к снижению привлекательности агробизнеса и уходу с рынка части игроков.

7. Для сельского хозяйства Самарской области, как и страны в целом, характерна слабая восприимчивость к достижениям научно-технического прогресса, что по-

рождает более низкую отдачу от всех факторов производства в агробизнесе. Специалисты отмечают, что в связи с импортозамещением и развитием экспорта доходность сельского хозяйства будет постепенно снижаться и становится сопоставимой со среднемировыми показателями. В то же время те производители, которые сейчас активно инвестируют в земли и новые технологии, будут по-прежнему получать более высокие финансовые результаты по сравнению со среднерыночными.

К позитивным факторам ПБ можно отнести следующие:

1. За последние годы наблюдается снижение импорта продовольствия в Самарской области. Так, за 2014 – 2018 гг. импорт продуктов животного происхождения сократился на 14,5 млн.дол., растительного происхождения – на 46 млн.дол., жиров и масла – на 2,8 млн.дол., пищевых продуктов, напитков и табака – на 66,9 млн.дол. Это явилось следствием увеличения роста отечественного производства продуктов питания, произошедшего из-за зарубежных санкций и государственной поддержки отечественных аграриев.

2. За 2007 – 2017 гг. наблюдается увеличение отдачи от факторов производства: прирост валового сбора зерна в весе после доработки составил 96,2%. Рост урожайности зерновых культур при этом составил 11,8 ц/га, подсолнечника – 4,2 ц/га. Надой молока на корову возрос за 2007 – 2017 гг. в 1,2 раза, достигнув 4895 кг.

Кроме того, можно выделить несколько факторов, которые оказывают неоднозначное влияние на ПБ региона. Среди них можно назвать следующие:

1. С 2009 г. сокращается степень расслоения в доходах населения. Так за 2007 – 2017 гг. коэффициент фондов уменьшился с 20,6 до 12,2, а индекс Джини – с 0,450 до 0,379. Однако это происходит на фоне общего снижения реальных доходов населения, что не позволяет данный факт воспринимать как безусловно положительное явление.

2. За 2007 - 2017 гг. в области увеличилась посевная площадь на 16,3%: с

1756,7 тыс.га до 2042,7 тыс.га. При этом площадь всех зерновых культур сократилась на 50,3 тыс.га, а технических и кормовых культур возросла на 340,5 тыс.га и 6,3 тыс.га соответственно.

Совокупное влияние рассмотренных факторов ведет к изменению уровня продовольственной безопасности Самарского региона, оценку которого проведем комплексно, учитывая четыре составляющие: физическую и экономическую доступность, достаточность потребления продовольствия и устойчивость продовольственной системы. Исследование

базируется на моделях, предложенных в работах [2, 12]. Расчеты выполнены по данным официальной статистики [3, 18]. Во всех таблицах уровень доступности обозначается так: В - высокий, Д – допустимый, Н/д – недопустимый.

Приводимые в таблице 1 результаты расчетов физической доступности продовольствия в Самарской области, позволяют заключить, что ситуация в регионе складывается благополучно: экспорт продовольствия существенно превышает импорт.

Таблица 1 – Оценка физической доступности продовольствия в Самарской области

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Экспорт продовольствия, млн.дол.	207,5	125,3	151,8	178,8
Импорт продовольствия, млн.дол.	194,5	134,9	132,8	126,6
Коэффициент покрытия импорта продовольствия	1,1	0,9	1,1	1,4
Уровень физической доступности продовольствия	В	Д	В	В

Экономическая доступность продовольствия была оценена с помощью ее двух ключевых показателей (табл. 2). Оба коэффициента свидетельствуют о низком уровне эко-

номической доступности, что связано с большой долей населения с доходами ниже прожиточного минимума и существенной степенью расслоения богатства в обществе.

Таблица 2 – Оценка экономической доступности продовольствия в Самарской области

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Коэффициент Джини	0,422	0,414	0,382	0,379
Коэффициент бедности	0,126	0,133	0,136	0,134
Уровень экономической доступности	Н	Н	Н	Н

Достаточность потребления находится на допустимом уровне (табл. 3), однако негативным сигналом выступает тот факт, что население Самарской области более чем на 30% недоедает молока, овощей и бахчевых, т.е. пищевой профиль среднестатистического жителя региона не сбалансирован. Учитывая значительную дифференциацию в доходах населения, их вкусовых привычках, можно с большой долей уверенности говорить о том, что между различными социальными группами будет наблюдаться высокая степень рассогласованности в потреблении продуктов питания, что еще больше усугубляет ситуацию.

Результаты оценки устойчивости продовольственной системы в Самарской области позволили заключить, что за анализируемый период она была на допустимом уровне (табл. 4). Однако значения показателей данного фактора позволяли делать противоречивые выводы. Так, например, количество занятых в сельском хозяйстве и уровень их заработка чрезвычайно малы, однако доля прибыльных сельхозпредприятий, уровень их рентабельности, соотношение между кредиторской задолженностью и выручкой позитивно повлияли на совокупную оценку фактора устойчивости продовольственной системы.

Таблица 3 – Оценка достаточности потребления продовольствия в Самарской области

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Среднедушевое потребление продукта в % от рациональной нормы				
Овощи и бахчевые	68,6	72,9	74,9	69,7
Мясо	112,5	114,4	110,8	111,5
Молоко	78,9	76,0	74,0	68,4
Рыба	97,7	87,7	85,0	85,5
Коэффициент структуры питания	Д			
Среднедушевое потребление ккал в % от рациональной нормы				
Общая энергетическая ценность	82,0	82,4	80,7	80,3
Коэффициент калорийности	Д			
Уровень достаточности потребления продовольствия	Д			

Таблица 4 – Оценка устойчивости продовольственной системы в Самарской области

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Зарботная плата работающих в сельском хозяйстве по отношению к средней заработной плате по области, %	64,0	61,0	65,0	67,4
	Н	Н	Н	Н
Индекс отношения коэффициентов обновления и ликвидации основных фондов	4,5	1,9	4,5	4,4
	В	Д	В	В
Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, %	6,0	5,7	5,6	5,5
	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д
Уровень рентабельности, %	30,5	38,7	35,3	20,5
	В	В	В	Д
Доля прибыльных сельскохозяйственных организаций от их общего числа, %	93,3	93,9	96,1	94,8
	В	В	В	В
Кредиторская задолженность по отношению к выручке, %	40,6	24,3	14,3	17,7
	Д	В	В	В
Уровень устойчивости продовольственной системы	Д	Д	Д	Д

Подводя итог анализу ПБ Самарской области, можно заключить, что за исследуемый период уровень продовольственной безопасности региона оставался допустимым. В то же время экономическая доступность продовольствия низка. Вследствие этого, даже несмотря на имеющиеся достаточные запасы продуктов питания в региональной продовольственной системе, часть жителей области не может их приобрести, что нарушает принцип обеспеченности пищей всех слоев населения.

Данные рисунка 1 наглядно свидетельствуют о том, что изменение в доходах

домашних хозяйств Самарской области ведет к изменению их пищевого рациона. Наиболее существенно от доходов зависят объемы потребления овощей и бахчевых, мяса и мясopодуKтов, фруктов и ягод: с ростом доходов населения их потребление увеличивается. В то же время с ростом доходов потребление хлебных продуктов и картофеля снижается, поскольку обеспеченные люди стараются потреблять более здоровую пищу, что приводит к замещению картофеля и хлеба более дорогими овощами.

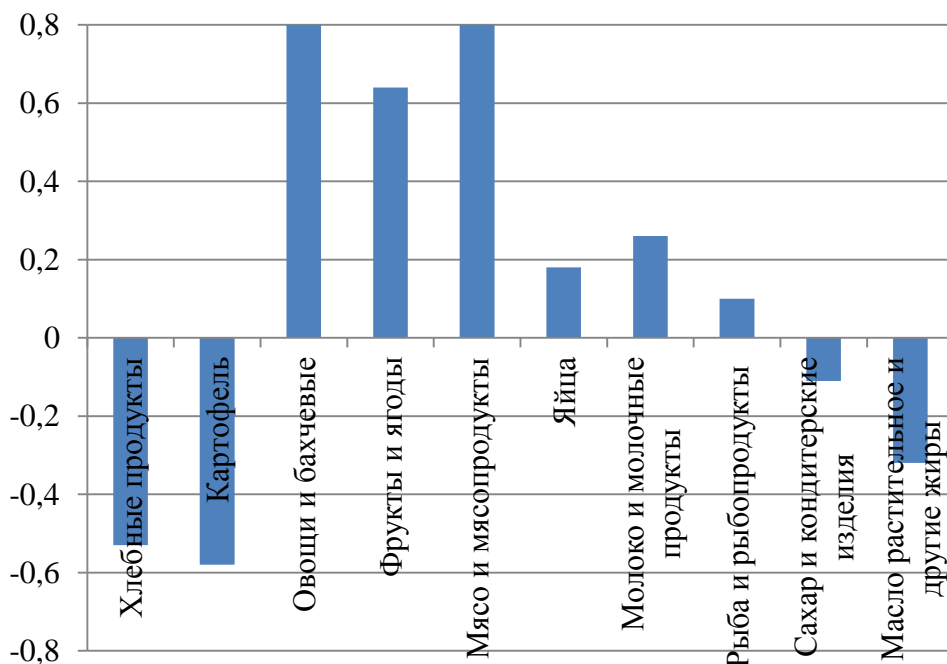

Рисунок 1 – Значения коэффициентов парной корреляции между среднемесячными денежными доходами на душу населения и потреблением различных продуктов питания

Результаты осуществленного регрессионного исследования позволяют заключить, что полиномиальная функция наиболее адекватно отражает зависимость потребления рассматриваемых продуктов питания (y) от среднемесячных денежных доходов на душу населения (x). Уравнения трендов и их коэффициенты детерминации представлены на рисунке 2.

Представленные данные говорят о том, что между потреблением большинства продовольственных групп и доходами населения существует тесная связь. Отсюда следует вывод: невозможно заставить сменить

углеводный пищевой рацион жителей Самарской области на более сбалансированный только проводя агитацию за потребление более здоровых продуктов питания без улучшения материальной обеспеченности граждан. Как отмечается в работе [11], по продуктовому профилю можно судить о степени бедности домашних хозяйств. В настоящее время в Самарской области, судя по полученным результатам, большинство жителей имеет невысокие доходы, не позволяющие питаться разнообразно и в соответствии с рекомендуемыми нормами.

Хлебные продукты	<ul style="list-style-type: none"> • $y = 0,000581x^2 - 4,835308x + 16711,914118$ • $R^2 = 0,960$
Картофель	<ul style="list-style-type: none"> • $y = 0,000909x^2 - 7,128320x + 23023,357185$ • $R^2 = 0,655$
Овощи и бахчевые	<ul style="list-style-type: none"> • $y = - 0,001276x^2 + 10,147814x - 32861,573606$ • $R^2 = 0,906$
Фрукты и ягоды	<ul style="list-style-type: none"> • $y = - 0,000894x^2 + 7,124906x - 23163,164071$ • $R^2 = 0,982$
Мясо и мясопродукты	<ul style="list-style-type: none"> • $y = - 0,000895x^2 + 7,176190x - 23478,709646$ • $R^2 = 0,844$
Яйца	<ul style="list-style-type: none"> • $y = - 0,003870x^2 + 29,793246x - 93668,970862$ • $R^2 = 0,775$
Молоко и молочные продукты	<ul style="list-style-type: none"> • $y = 0,000616x^2 - 4,630128x + 14876,934985$ • $R^2 = 0,649$
Рыба и рыбопродукты	<ul style="list-style-type: none"> • $y = - 0,000281x^2 + 2,304792x - 7723,103530$ • $R^2 = 0,636$
Сахар и кондитерские изделия	<ul style="list-style-type: none"> • $y = 0,000051x^2 - 0,295461x + 631,871730$ • $R^2 = 0,667$
Масло растительное и другие жиры	<ul style="list-style-type: none"> • $y = - 0,000069x^2 + 0,579221x - 1967,818719$ • $R^2 = 0,835$

Рисунок 2 – Моделирование зависимости потребления различных продуктов питания от среднемесячных денежных доходов на душу населения

Выявленные проблемы в ПБ Самарской области не являются специфическими, они характерны для всей страны в целом. Соответственно, решение этих проблем должно проводиться в рамках общегосударственного снижения уязвимости АПК и укрепления ПБ страны.

В качестве ключевой цели обеспечения ПБ должно стать формирование экономи-

ческой системы, базирующейся на инновационном типе ведения хозяйства, глобальной конкурентоспособности, что позволит защитить Россию от перебоев в обеспечении продовольствием.

Для достижения данной цели государство должно создать комплекс макроэкономических стимулов для эффективного ведения агробизнеса. Требуется развивать усло-

вия для проведения модернизации и обновления материально-технической базы сельского хозяйства, увеличивать заинтересованность сельхозпроизводителей в инвестициях в инновационные разработки. Хорошо зарекомендовала себя адресная поддержка сельхозпроизводителей, возмещение им части инвестиционных затрат. В связи с сокращением общих объемов финансирования отрасли требуется внедрение более прозрачного механизма распределения денег с тем, чтобы не складывалась ситуация, при которой все финансовые ресурсы достаются нескольким крупным агрохолдингам еще на этапе формирования заявок [9]. Для аграриев важно поддержание устойчивой рентабельности бизнеса, для чего может потребоваться предоставление прямых дотаций на производство.

В целях повышения эффективности сельского хозяйства необходимо развивать

глубокую переработку мяса. Это позволит рациональнее использовать сырье, сокращая отходы. К тому же привет к расширению ассортимента продукции, возможности занять новые ниши на рынке.

Необходимо решать вопрос и с кадровым обеспечением. Для этого требуется дальнейшее развитие инфраструктуры в селе, поддержка молодых специалистов, приезжающих в сельские районы, создание безопасных и комфортных условий труда для работников, обеспечение адекватного вознаграждения за работу.

Для увеличения экономической доступности продовольствия требуется рост реальных доходов населения, что невозможно без устойчивого экономического роста и сохранения инфляции на низком уровне.

Литература

1. Абдурахманова Л.С. Продовольственная безопасность региона: сущность, угрозы, факторы, ее определяющие // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3. С. 20-25.
2. Анищенко А.Н. Оценка продовольственной безопасности региона // Проблемы развития территории. 2013. Вып. 4 (66). С. 30-39.
3. АПК в цифрах [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Самарской области. URL: http://mcs.samregion.ru/apk/apkvtisifrahk/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 27.07.2019).
4. Балыкова Л.Н. Проблемы и перспективы рынка молока и молочных продуктов Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2015. № 7-3. С. 578-582.
5. Ганенко И. Маржа на спаде. Доходы сельхозпроизводителей в 2017 году уменьшатся [Электронный ресурс]. // Агроинвестор. 11 октября 2017. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/28686-marzha-na-spade/full> (дата обращения: 28.07.2019).
6. Гафурова А.А., Кудряшова Ю.Н. Организация учета затрат и калькулирования себестоимости продукции молочно-го скотоводства // Учетно-аналитические инструменты развития инновационной экономики: российский и европейский опыт: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 35-38.
7. Индекс продовольственной безопасности стран мира. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс]. // Центр гуманитарных технологий, 2006 – 2019 (последняя редакция: 23.04.2019). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-food-security-index/info> (дата обращения: 28.07.2019).
8. Кравченко О.В., Горбунова О.А. Стратегия развития животноводства в рамках реализации программы импортозамещения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 7-1 (27). С. 11-19.
9. Максимова Е., Ганенко И. Агробизнесу нужны новые стратегии. Какой участники рынка видят новую госпрограмму поддержки АПК [Электронный ресурс]. // Агроинвестор. 7 августа 2018. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/30201-agrobiznesu-nuzhny-novye-strategii> (дата обращения: 28.07.2019).
10. Нестерова С.И. Интегральная оценка продовольственной безопасности региона (на примере Самарской области) // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-1. С. 165-170.
11. Нестерова С.И. Исследование регионального уровня бедности в Российской Федерации // Вестник НГИЭИ. 2018. № 11 (90). С. 33-46.
12. Оловянных Д.Г. Методика оценки продовольственной безопасности региона на примере Республики Бурятия // Известия ИГЭА. 2009. № 3 (65). С. 60-63.
13. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2017. Повышение устойчивости к внешним воздействиям в целях обеспечения мира и продовольственной безопасности [Электронный ресурс]. // Рим: ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП, ВОЗ, 2017. URL: <http://www.fao.org/3/a-I7695r.pdf> (дата обращения: 27.07.2019).
14. Рейтинг регионов по доходам населения [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190708/1556255263.html> (дата обращения: 27.07.2019).

15. Сыщикова Т.Л., Городецкая П.И. Проблемы оценки состояния основных фондов в рамках осуществления государственных мер по повышению производительности труда // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 1. С. 110-117.
16. Шагайда Н.И., Никулин А.М., Узун В.Я., Троцук И.В., Шишкина Е.А. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014-2016 гг. Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС // М.: Изд-во «Дело», 2018. 78 с.
17. Шардан С.К., Эльгайтарова Н.Т., Дагужиева Д.В. Теоретические аспекты продовольственной безопасности региона [Электронный ресурс]. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18751> (дата обращения: 28.07.2019).
18. Электронные версии публикаций [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Самарастат. URL: <http://samarastat.gks.ru> (дата обращения: 27.07.2019).
19. Ярошенко Г.В., Цымбал В.А., Богодистов А.А. Современные вызовы и угрозы продовольственной безопасности Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. №2. С. 109-113.

УДК 338.27

Методические подходы к прогнозированию социально-экономического развития предприятия

В.Н. Острецов, доктор экономических наук, профессор,

Т.Л. Конанова, студент-магистрант,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина»

(ФГБОУ ВО Вологодская ГМХА), г. Вологда–Молочное

В статье рассмотрены факторы социального и экономического развития, которые являются основой для выбора системы показателей, необходимой для оценки уровня развития предприятия. Также в статье представлены экономико-математические модели уровней экономического и социального развития предприятия, на базе которых осуществлен прогноз развития предприятия.

Социально-экономическое развитие, уровень развития, прогноз.

Methodological approaches to forecasting socio-economic development of the enterprise

V.N. Ostretsov, Dr.Econ.Sci., professor,

T.L. Konanova, undergraduate student,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State Dairy Academy N.V. Vereshchagin»

(FSBEI of HE Vologda SDA), Vologda–Molochnoe

The article discusses the factors of social and economic development, which are the basis for the choice of the system of indicators necessary to assess the level of development of the enterprise. The article also presents economic and mathematical models of the levels of economic and social development of the enterprise, on the basis of which the forecast of development of the enterprise is carried out.

Socio-economic development, level of development, forecast.

Сегодня, когда компании становятся все более независимыми и несут полную ответственность за результаты своей производственной и коммерческой деятельности перед акционерами (собственниками), сотрудниками, банками и кредиторами, возрастает ценность прогнозирования социально-экономического развития компании. Неотделимым элементом процесса управления каждой социально-экономической системой, будь то домашние хозяйства и предприятия или государства и мировая экономика в целом, является прогноз. Оптимальный выбор методов и моделей прогнозирования поможет принимать наиболее эффективные решения и определить лучшие способы достижения целей [3].

Прогноз экономического развития – это предсказание вероятных путей и результатов развития, как хозяйствующих субъектов, так и их структурных подразделений. Главная цель экономического прогнозирования – предвидеть наиболее

возможные проблемы экономического развития в ближайшем и отдаленном будущем, искать приоритетные направления экономического роста, обосновывать наиболее предпочтительную стратегию развития в будущем. Полученные ответы в процессе предвидения используются для выбора различных вариантов развития и выработки рекомендаций по реализации наилучшего [1,4].

В практике прогнозирования, планирования и управления широко используется словосочетание «социально-экономическое развитие». Разделяют социально-экономическое развитие предприятия, социально-экономическое развитие региона и социально-экономическое развитие государства. Вместе с тем в толковых словарях экономики рассматриваются понятия трех элементов термина: «развитие», «социальное развитие» и «экономическое развитие».

Для организации процесса разработки прогноза социально-экономического развития

предприятия предлагается алгоритм, представленный на рисунке 1.

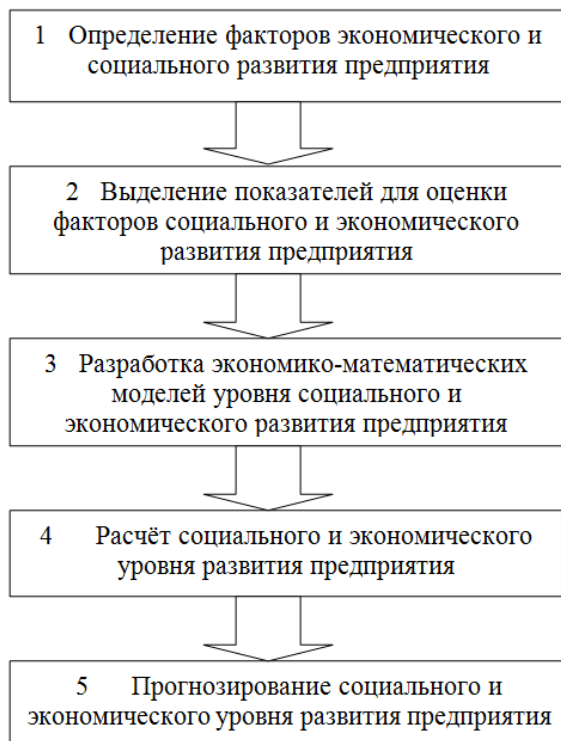

Рисунок 1 – Схема прогнозирования социально-экономического развития предприятия

На социально-экономическое развитие предприятия оказывает влияние множество различных факторов, которые понимаются как постоянно действующая причина, определяющая масштабы разного рода явления и его динамику. Эти факторы являются взаимосвязанными, но часто могут по-разному оказывать воздействие на результаты деятельности компании. Одни факторы могут увеличивать

потенциал предприятия, другие снижать, угнетая при этом действие положительных факторов. Также, подчиняясь различным обстоятельствам и условиям, влияние фактора может меняться. Из этого следует, что необходимо знать насколько сильно и как воздействуют они в определенный момент.

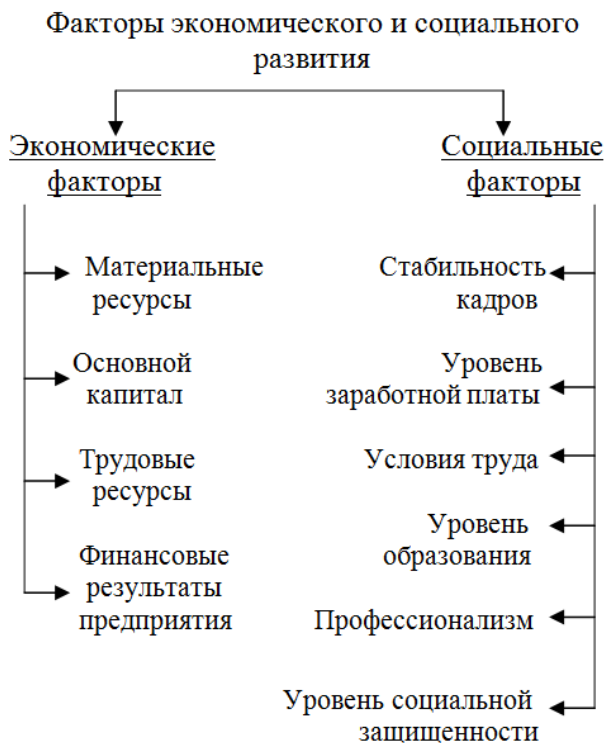

Рисунок 2 – Факторы социально-экономического развития предприятия

Факторы социально-экономического развития (рис. 2) являются основанием для отбора системы показателей, необходимой для оценки уровня социально-экономического развития.

Для оценки уровня экономического развития такими показателями могут быть: материалоотдача ($K_{э1}$), затраты на 1 рубль реализованной продукции ($K_{э2}$), фондоотдача ($K_{э3}$), фондовооруженность ($K_{э4}$), производительность труда ($K_{э5}$), величина затрат на оплату труда в составе себестоимости ($K_{э6}$), прибыль на одного сотрудника предприятия ($K_{э7}$), рентабельность активов ($K_{э8}$), рентабельность собственного капитала ($K_{э9}$), рентабельность продаж ($K_{э10}$), рентабельность продукции ($K_{э11}$). Для оценки уровня социального развития – уровень стабильности кадров ($K_{с1}$), отношение величины роста производительности труда к величине роста заработной платы ($K_{с2}$), отношение дохода сотрудника к прожиточному минимуму ($K_{с3}$),

показатель санитарно-гигиенического состояния труда ($K_{с4}$), уровень безопасности труда ($K_{с5}$), уровень образования ($K_{с6}$), коэффициент использования квалификации рабочих ($K_{с7}$), удельный вес материальной помощи сотрудникам по причине случаев не связанных с производством в общем объеме социальных расходов ($K_{с8}$), компенсация медицинских расходов сотрудникам за счёт средств предприятия ($K_{с9}$).

В связи с настоятельными требованиями практики в самых различных областях стали применять всевозможные обобщающие показатели. В качестве данного показателя была предложена комплексная система показателей. Переход к рыночным отношениям подчеркнул важность создания интегральных показателей для оценки динамики хозяйствующего субъекта, как с экономической точки зрения, так и с социальной. Такая оценка называется внутренним рейтингованием и сравнивает результаты, достигнутые компанией, с

контрольным показателем, в качестве которого могут выступать нормативы, результаты базового периода, бюджетные или плановые задания [5].

Для того чтобы рассчитать уровень

$$R = \sum_{i=1}^L \frac{1}{LNi} Ki, \quad (1)$$

где L – количество показателей, которые применяются для рейтинговой оценки;

Ni – нормативный уровень для i -го

При применении формулы (1) определяется уровень социально-экономического развития предприятия путем оценки степени значимости показателей социально-экономического развития. Определение важности конкретных направлений социально-экономического развития является существенным для бизнеса, особенно когда компании сами разрабатывают концепцию и стратегию своего развития, определяя этапы развития и скорость обновления результатов деятельности.

Для определения степени приоритетности показателей экономического и социального развития применяется метод анализа иерархий, разработанный американским математиком Т. Саати [6].

Относительные приоритеты показателей рассчитываются путем нормирования (в

развития предприятия рекомендуется использовать формулу рейтинговой оценки финансового положения отдельного предприятия [9]:

коэффициента;

$$\frac{1}{LNi} - \text{весовой индекс } i\text{-го коэффициента};$$

коэффициента;

Ki – i -ый коэффициент.

долях единицы).

Парные измерения, какой показатель обладает наибольшим влиянием на уровень экономического развития предприятия, показывают, что наиболее важными являются проблемы роста рентабельности продукции, продаж, активов и собственного капитала. Затем по уровню значимости располагаются такие направления, как увеличение прибыли на одного сотрудника предприятия, повышение уровня производительности труда, уменьшение величины затрат на оплату труда в составе себестоимости, эффективность использования основных фондов, эффективность использования материальных ресурсов.

В результате общая формула уровня экономического развития (УЭР) предприятия принимает следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{УЭР} = & 0,013 * K_{\text{э}1} + 0,013 * K_{\text{э}2} + 0,026 * K_{\text{э}3} + 0,026 * K_{\text{э}4} + \\ & + 0,06 * K_{\text{э}5} + 0,036 * K_{\text{э}6} + 0,078 * K_{\text{э}7} + 0,143 * K_{\text{э}8} + \\ & + 0,143 * K_{\text{э}9} + 0,231 * K_{\text{э}10} + 0,231 * K_{\text{э}11}, \end{aligned} \quad (2)$$

Приоритет направлений социального развития предприятия выстраивается в такой последовательности: увеличение размера заработной платы сотрудников предприятия, но не выше уровня роста производительности труда, рост уровня стабильности кадров, увеличение уровня квалификации рабочих, уров-

ня образования, обеспечение безопасных условий труда, а также повышение уровня социальной защищенности.

Следовательно, формула уровня социального развития (УСР) компании выглядит так:

$$УСР = 0,18 * K_{C1} + 0,22 * K_{C2} + 0,29 * K_{C3} + 0,03 * K_{C4} + 0,03 * K_{C5} + 0,10 * K_{C6} + 0,10 * K_{C7} + 0,02 * K_{C8} + 0,02 * K_{C9}, \quad (3)$$

Расчёт показателей экономического и социального развития желательнее осуществлять на базе социальных и экономических нормативов. Определить экономические нормативы в условиях рынка достаточно непросто, поэтому, рекомендуется рассчитать среднеотраслевые показатели или среднеарифметические данные по нескольким предприятиям одной отрасли, в нашем случае мостостроения в Вологодской области за определенный период времени.

Для расчёта каждого показателя (К) используется следующая формула:

$$K = N_{\text{факт}} / N_{\text{норм}} \quad (4)$$

где $N_{\text{факт}}$ – фактическое значение показателя,

$N_{\text{норм}}$ – нормативное значение показателя.

Предлагаемая методика апробирована на примере мостостроительного предприятия Вологодской области ООО «Строймост». Ре-

зультаты расчетов в динамике за 2014-2018 гг. приведены в таблицах 1 и 2.

Определение уровня развития предприятия является необходимым условием для планирования и прогнозирования социально-экономического развития предприятия. С помощью результатов такого определения складывается развернутое представление об экономической, трудовой и технической возможности производства, об уровне его интенсивности, определяются главные пути будущего развития производства. Полученный результат уровня развития предприятия поможет руководству рассмотреть потенциал дальнейшего улучшения своей деятельности, подобрать самую эффективную стратегию развития, определить обоснованность постановки задач и целей, проверить результативность действий по развитию и совершенствованию экономической и социальной сферы деятельности предприятия.

Таблица 1 – Уровень экономического развития ООО «Строймост» за 2014-2018гг.

Показатели	Вес	2014г	2015г	2016г	2017г	2018г
Материалоотдача	0,013	0,009	0,008	0,008	0,008	0,007
Затраты на 1 рубль реализованной продукции	0,013	0,014	0,013	0,014	0,015	0,014
Фондоотдача	0,026	0,018	0,026	0,017	0,025	0,045
Фондовооруженность	0,026	0,048	0,058	0,080	0,062	0,030
Производительность труда	0,06	0,089	0,135	0,197	0,129	0,148
Величина затрат на оплату труда в составе себестоимости	0,036	0,037	0,013	0,014	0,026	0,019
Прибыль на одного сотрудника	0,078	0,079	0,203	0,218	0,075	0,114
Рентабельность активов	0,143	0,060	0,223	0,078	0,019	0,056
Рентабельность собственного капитала	0,143	0,059	0,163	0,028	0,027	0,083
Рентабельность продаж	0,231	0,149	0,331	0,152	0,086	0,130
Рентабельность продукции	0,231	0,133	0,329	0,139	0,072	0,116
Уровень экономического развития предприятия	1	0,696	1,501	0,945	0,545	0,763

Таблица 2 – Уровень социального развития ООО «Строймост» за 2014-2018гг.

Показатели	Вес	2014г	2015г	2016г	2017г	2018г
Уровень стабильности кадров	0,18	0,126	0,114	0,097	0,163	0,145
Величина роста производительности труда по отношению к величине роста заработной платы	0,22	0,198	0,240	0,113	0,096	0,143
Отношение дохода сотрудника к прожиточному минимуму	0,29	0,616	0,541	0,585	0,608	0,635
Показатель санитарно-гигиенического состояния труда	0,03	0,028	0,028	0,028	0,028	0,028
Уровень безопасности труда	0,03	0,029	0,030	0,030	0,029	0,028
Уровень образования	0,1	0,071	0,039	0,031	0,066	0,095
Коэффициент использования квалификации рабочих	0,1	0,100	0,100	0,100	0,100	0,100
Удельный вес материальной помощи сотрудникам по причине случаев не связанных с производством в общем объёме социальных расходов	0,02	0,062	0,028	0,062	0,028	0,028
Компенсация медицинских расходов сотрудников за счёт средств предприятия	0,02	0,007	0,005	0,004	0,006	0,008
Уровень социального развития предприятия	1	1,236	1,126	1,049	1,124	1,210

Используя метод экстраполяции по среднему темпу роста, осуществим прогноз уровня экономического и социального разви-

тия предприятия ООО «Строймост». Полученные результаты приведены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3 – Прогнозные значения показателей уровня экономического развития ООО «Строймост» за 2019-2023гг.

Показатели	2019г	2020г	2021г	2022г	2023г
Материалоотдача	0,007	0,006	0,006	0,005	0,005
Затраты на 1 рубль реализованной продукции	0,014	0,014	0,014	0,014	0,014
Фондоотдача	0,057	0,071	0,089	0,113	0,141
Фондовооруженность	0,027	0,024	0,021	0,019	0,017
Производительность труда	0,168	0,191	0,217	0,246	0,279
Величина затрат на оплату труда в составе себестоимости	0,016	0,014	0,012	0,010	0,008
Прибыль на одного сотрудника	0,125	0,137	0,150	0,165	0,180
Рентабельность активов	0,055	0,054	0,053	0,052	0,052
Рентабельность собственного капитала	0,090	0,098	0,107	0,117	0,127
Рентабельность продаж	0,126	0,121	0,117	0,113	0,110
Рентабельность продукции	0,112	0,108	0,105	0,101	0,098
Уровень экономического развития предприятия	0,796	0,839	0,891	0,955	1,031

Таблица 4 – Прогнозные значения показателей уровня социального развития ООО «Строймост» за 2019-2023гг.

Показатели	2019г	2020г	2021г	2022г	2023г
Уровень стабильности кадров	0,150	0,156	0,161	0,167	0,173
Величина роста производительности труда по отношению к величине роста заработной платы	0,132	0,121	0,112	0,103	0,095
Отношение дохода сотрудника к прожиточному минимуму	0,640	0,645	0,650	0,655	0,660
Показатель санитарно-гигиенического состояния труда	0,028	0,028	0,028	0,028	0,028
Уровень безопасности труда	0,028	0,028	0,027	0,027	0,027
Уровень образования	0,102	0,109	0,117	0,126	0,135
Коэффициент использования квалификации рабочих	0,100	0,100	0,100	0,100	0,100
Удельный вес материальной помощи сотрудникам по причине случаев не связанных с производством в общем объеме социальных расходов	0,023	0,019	0,016	0,013	0,011
Компенсация медицинских расходов сотрудников за счёт средств предприятия	0,008	0,009	0,009	0,009	0,009
Уровень социального развития предприятия	1,211	1,214	1,220	1,228	1,238

В результате расчетов проведенных по предлагаемой методике, определяется, что уровень экономического развития предприятия ниже уровня социального. Прогнозные значения уровней, как социального развития, так и экономического, повышаются в период 2019-2023гг. Следовательно, можно сделать вывод, что предприятию необходимо особое внимание уделить экономическому развитию,

при этом поддерживая на том же уровне социальное развитие.

Предлагаемые модели уровня социального и экономического развития предприятия являются не только работоспособными, но доступными и простыми в использовании, при необходимых изменениях и дополнениях они могут быть использованы для предприятий других отраслей и видов экономической деятельности.

Литература

1. Бутакова М.М. Методы экономического прогнозирования: учебное пособие // М.: РУСАЙНС, 2016. 212 с.
2. Бухалков М.И. Организация и нормирование труда: учебник // Москва: ИНФРА-М, 2015. 378 с.
3. Капитанова О.В. Прогнозирование социально-экономических процессов: учебно-методическое пособие // Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016. 74 с.
4. Писарева О.М. Методы прогнозирования развития социально-экономических систем // М.: Высшая школа, 2016. 592 с.
5. Романова Л.Е. Анализ хозяйственной деятельности: краткий курс лекций // М.: Юрайт, 2016. 224 с.
6. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий // М.: Радио и связь, 1993. 278 с.
7. Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник // М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 608 с.
8. Фокина О.М. Практикум по экономике организации (предприятия): моногр. // М.: Машиностроение, 2016. 272 с.
9. Шерemet А.Д., Негашев Е.В. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций: практ. пособие / 2-е изд., перераб. и доп. // М.: ИНФРА-М, 2016. 208 с.

УДК 338.43(470.12)

Стратегия развития сельского хозяйства на примере СХПК «Племзавод Майский»

Д.И.Полетаев, аспирант,

М.Л. Прозорова, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина»,
ФГБОУ ВО Вологодская ГМХА г. Вологда, с. Молочное

В статье описывается стратегия развития сельского хозяйства. Стратегическое развитие направлено на рассмотрение альтернативных стратегий развития. В концепции формирования стратегии развития сельского хозяйства предложена совокупность ориентиров, нацеленных на постановку целей и задач, решение которых сделает возможным сформировать стабильное и прогрессирующее его развитие. Разработана система показателей для прогнозирования стратегии развития сельскохозяйственных предприятий.

Ключевые слова: стратегия, сельское хозяйство, концепция формирования.

Development strategy of agriculture On example SPK «Plemzavod Maysky»

D.I. Poletaev, graduate student,

M.L. Prozorova, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Federal state educational institution of higher education Vologda dairy academia N.V. Verechagin,
FGBOU VO Vologda GMHA, Vologda, Molochnoe

The article describes strategy of development of agriculture. Strategic development is aimed at considering alternative development strategies. In the concept of formation of the strategy of development of agriculture the set of reference points aimed at statement of the purposes and tasks which decision will make possible to form stable at progressing its development is offered. A system of indicators for forecasting the development strategy of agricultural enterprises is developed.

Strategy, agriculture, the concept of formation.

Агропромышленный комплекс представляет собой одну из самых главных отраслей отечественной экономики. В АПК находится примерно 13% основных производственных фондов, 14% кадрового и трудового потенциала, вырабатывается около 6% валового внутреннего продукта. В настоящее время в нашей стране большое внимание уделяется развитию сельского хозяйства, потому что продовольственная безопасность и создание эффективного сельскохозяйственного комплекса являются фундаментом стабильности в нашей стране.

Основой стратегического управления считается концепция, в которую включены определенные предпринимательские, трудовые и организационные стратегии.

Руководство предприятиями в условиях конкурентной среды должно быть направлено на создание устойчивых конкурентных преимуществ. Реальность существующих

проблем: значительный уровень износа производственных фондов; трудности с выбором грамотного и опытного кадрового состава, значительная степень издержек. Вести конкурентную борьбу с представителями крупных иностранных компаний при отсутствии реальной помощи от государства, имеют возможность не все предприятия аграрного сектора экономики. В процессе стратегического управления одним из методов долгосрочного обеспечения конкурентных преимуществ, служит формирование стратегии развития аграрных предприятий.

В условиях жесткой конкуренции, которая присутствует во всех отраслях и секторах экономики, формирование стратегии развития сельхозпредприятий служит одним из методов предоставления им конкурентных преимуществ. Применение одного из подходов потребует развития, а так же учета характерных черт отрасли, в какой осуществляет свою деятельность предприятия, для которых

создаются и формируются концепции развития. На основе исследования вопросов стратегии развития сельского хозяйства обозначены прогрессирующие направления. Стратегическое развитие направлено на рассмотрение альтернативных стратегий развития. Концепция формирования стратегии развития сельского хозяйства представляет комплекс ориентиров, нацеленных на постановку целей и задач, решение которых сделает возможным сформировать стабильное и прогрессирующее его развитие. Привлекательность отрасли будет прямо зависеть от особенностей и направленности государственного регулирования не только отдельного сегмента, но и весь аграрный сектор экономики АПК (рис. 1).

Рассмотрим основные из обозначенных направлений стратегии развития:

1. Одной из главных целей диверсификации сельского хозяйства и приоритетным курсом стратегии развития считается стабильное и динамичное развитие на основании бережного применения ресурсов и образованные условия способствующих альтернативно-

му развитию занятости. Следует выделить, что плохие природно-климатические условия, которые оказывают отрицательное влияние на конкурентоспособность производства продукции сельхозпредприятий, а так же на быстрое и высокотехнологичное развитие экономики АПК. Мероприятия по формированию направлений развития сельского хозяйства следует расширить дополнительными стимулами во всех отраслях и сферах деятельности на региональном уровне. При выбранном курсе диверсификации необходимо принять во внимание: финансовую стабильность хозяйствующих в регионе субъектов, запасы ресурсов и реализацию продукции, исходя из следующих положений [1, С28]:

- использование природных ресурсов;
- привлечение инвестиций в экономику АПК;
- экспортная ориентация.

Рисунок 1 – Основные положения стратегии развития сельского хозяйства

2. Основные направления стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы:

- разработка цифровых технологий во всех отраслях экономики;
- разработка обязательных и убедительных условий для развития инфраструктуры;

- увеличение конкурентных преимуществ на мировых рынках.

Действующая Государственная программа на 2013–2020 годы:

- механизм льготного кредитования, повышает доступность заемного;

- финансирования для сельхозпредприятий;

- целевые субсидии из федерального бюджета.

Для формирования важнейших направлений инфраструктуры в социальной сфере, по нашему мнению, следует осуществить мероприятия, направленные для достижения основных целей и поставленных задач:

- модернизация налоговой политики и концепции межбюджетного выравнивания с задачей решения вопроса недостаточного финансирования и существенного недостатка объектов социальной сферы;

- развитие кадрового потенциала и улучшение программ социальной защищенности для работников, для устранения нехватки квалифицированных кадров;

- улучшение системы здравоохранения, повышение качества образования, модернизация системы Ж.К.Х.

3. В национальной программе развития сельского хозяйства приоритетными задачами для перехода на инновационный путь развития являются:

- быстрый переход к внедрению передовых технологий;

- развитие новых технологий для сельхозпроизводителей на региональном уровне АПК;

- модернизация производства с помощью привлеченных инвестиций;

- обеспечение и развитие информационной инфраструктуры.

Бюджетные средства, которые нужны для достижения поставленных задач зависят от степени развитости производственных

концепций.

Таким образом, разработка основных положений стратегии развития сельского хозяйства нуждается в сочетании различных организационно-экономических подходов, сконцентрированных на решении проблемы устойчивого развития сельского хозяйства.

Анализ важнейших направлений развития сельского хозяйства предполагает прозрачность информации, техническую открытость и оперативность сбора, а также экспертной обработки и анализа. Осуществление этих направлений позволит создать или изменить структуру экономики, выявить ключевые направления стратегии развития сельского хозяйства и сделать возможным краткосрочный прогноз.

В качестве основных тенденций, которые войдут в основу стратегии развития сельского хозяйства необходимо выделить следующие направления:

- высокая эффективность использования природных ресурсов;

- удовлетворение потребностей;

- баланс спроса и предложения;

- развитие новых и увеличение действующих рынков;

- консолидация конкурентных преимуществ на всех уровнях.

Конкурентоспособность следует исследовать, оттолкнувшись от ситуации на региональном уровне, от основных точек роста, которые могут вывести экономику в преимущественный ранг и способствуют привлечению инвестиций отечественных и ряда зарубежных инвесторов [2, С.210].

Следовательно, в создании предложенной нами концепции стратегии развития сельского хозяйства особенно интересен альтернативный подход к эффективному наращиванию производства и реализации сельхозпродукции на основе ограничивающих факторов, следование которым будет содействовать развитию сельского хозяйства и выходу экономики страны на более высокий и качественный уровень.

Одной из главных целей концепции стратегии развития сельского хозяйства ис-

следуемого региона является способность самостоятельно обеспечивать удовлетворение всех потребностей населения. Проанализировав изученную литературу, мы можем предложить альтернативную стратегию развития, которая включает три сценария развития СХПК «Племзавод Майский».

Методические подходы к прогнозированию развития сельскохозяйственного основываются на всестороннем учете факторов и условий деятельности [3, С.122].

Новый подход к методике прогнозирования сельского хозяйства включает:

- обоснование системы показателей прогнозирования сельского хозяйства
- необходимо обеспечить и сравнить

сценарии развития сельскохозяйственного комплекса на всех уровнях в соответствии с федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. и долгосрочного прогноза экономического развития РФ на период до 2030 г.;

– продемонстрировать и аргументировать три сценария развития «СХПК Племзавод Майский» – консервативный, инновационный и форсированный.

В блок-схему прогноза развития сельскохозяйственного комплекса, по нашему мнению, входит из 4 блока (рис. 2).

В основе разработанной методики

предложены, раскрыты и обобщены основные характеристики изучаемого процесса.

1 БЛОК. Для формирования сценариев необходимо исследовать и освоить варианты развития сельского хозяйства за прошедший период времени в исследуемом регионе.

Необходимо проанализировать фактическую и статистическую информацию:

- ресурсный потенциал;
- инвестиционная привлекательность;
- инновационная активность;

Информационной базой для анализа тенденций развития являются ежегодные отчетные данные Федеральной службы государственной статистики.

2 БЛОК. Необходимо разработать ориентировочный вариант развития сельского хозяйства, сделать анализ направлений развития и дать оценку их точности и основательности. По итогам исследований получится краткосрочный прогноз на следующие три года по вышеперечисленным группам показателей.

3 БЛОК. По результатам полученной информации рассматриваются сценарии развития СХПК «Племзавод Майский». В соответствии с федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. и долгосрочным прогнозом экономического развития РФ на период до 2030 г. [4, С.37].

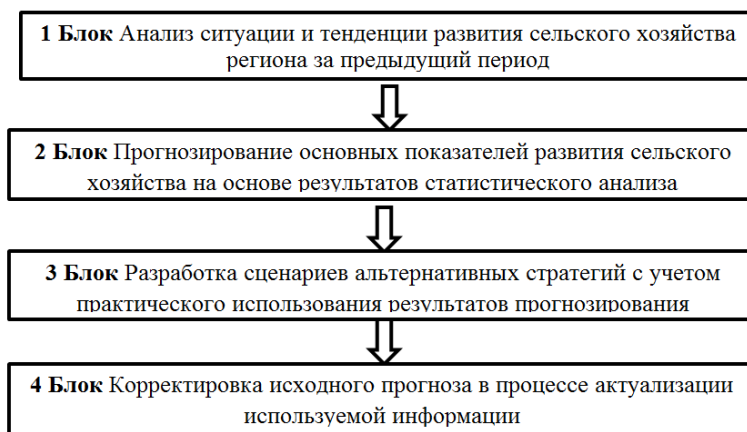

Рисунок 2 – Блок-схема прогноза развития СХПК «Племзавод Майский»

Ведущими факторами, которые характеризуют ожидаемую динамику формирования сельского хозяйства, считаются:

- природные условия;
- макроэкономический климат на рынках;
- переход на высокотехнологичный уровень в сельскохозяйственном производстве и более качественные показатели производительности труда;
- с помощью государственной поддержки, основной задачей которой будет считаться, обеспечение продовольственной независимости исследуемого региона;
- формирование условий для жизни на селе;
- необходимо повысить конкурентоспособность отечественной продукции сельскохозяйственных предприятий на рынке;
- гарантия экономической стабильности сельскохозяйственных предприятий;
- развитие информационных услуг в социальной инфраструктуре;
- эффективное использование в сельскохозяйственном производстве природных ресурсов [5, С.84].

По степени реализации представленных факторов необходимо выделить три сценария развития СХПК «Племзавод Майский» – консервативный, инновационный, форсированный.

1. Консервативный сценарий выделяется небольшими темпами роста в долгосрочной перспективе, опираясь на использование существующих ресурсов. Медленное движение инновационных процессов и инвестиционной привлекательности. Консервативный сценарий не способствует развитию конкурентных преимуществ сельскохозяйственных предприятий. Данный вариант не обеспечивает устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

2. Инновационный сценарий отличается повышенной инвестиционной направленностью, способствует модернизации мате-

риально-технической базы, направлен на увеличение инновационных процессов, на эффективное использование человеческого капитала на рубеже 2020-2022 гг., что способствует улучшению социальных параметров развития сельского хозяйства.

3. Форсированный сценарий выделяется быстрым инновационным развитием, которое существенно необходимо, чтобы перейти на более высокий уровень развития технологий, нацелен на усовершенствование социальных норм и технической инфраструктуры, высокие стандарты жизни на селе.

4. БЛОК. Среди всех возможных сценариев развития, следует принять и обосновать наиболее привлекательный и экономически выгодный вариант.

При обосновании сценария развития следует учитывать все факторы, которые влияют на динамичное развитие сельского хозяйства в регионе. Создание сценария развития сельского хозяйства осуществляется с учетом данных, которые представлены Федеральной службой государственной статистики Вологодской области.

Применение альтернативных стратегий развития сельского хозяйства в абсолютно разных сложившихся условиях даст возможность решения проблемы финансирования аграрного сектора за счет дополнительно привлеченных средств предприятий, понизить затраты с помощью передовых технологий и эффективного использования ресурсов, налоговых льгот и государственной поддержки, а так же способствует развитию конкуренции в аграрном секторе экономики

Разработка системы показателей для прогнозирования стратегии развития сельскохозяйственных предприятий является актуальной на сегодняшний день. Специфика разработки качественной концепции показателей считается одним из основных условий для увеличения точности разрабатываемых прогнозов. В состав исследуемой нами концепции введены показатели статистической отчетности (табл. 1).

Таблица 1 – Система показателей прогнозирования развития СХПК «Племзавод Майский»

№ п/п	Наименование показателя	Источник данных
1	Ресурсный потенциал	
1.1	Площадь с/х угодий, га	Вологдастат
1.2	Урожайность культур с 1 га, ц: - зерна - картофеля - овощей открытого грунта	Вологдастат
1.3	Продуктивность животных: -среднегодовой удой молока от 1 коровы, ц	Вологдастат
1.4	Основные средства, тыс. руб. всего	Вологдастат
	В т. ч.:	
1.5	Здания, сооружения, передаточные устройства, тыс. руб.	Вологдастат
1.6	Машины и оборудование, тыс. руб.	Вологдастат
1.7	Транспортные средства, тыс. руб.	Вологдастат
1.8	Производственный инвентарь, тыс. руб.	Вологдастат
1.9	Продуктивный скот, тыс. руб.	Вологдастат
1.10	Многолетние насаждения, тыс. руб.	Вологдастат
1.11	Энергетическая мощность, кВт.	Вологдастат
1.12	Фондообеспеченность хозяйства, тыс. руб.	Вологдастат
1.13	Энергообеспеченность хозяйства, кВт.	Вологдастат
1.14	Среднесписочная численность работников, чел.	Вологдастат
1.15	В т. ч: занятых в с/х, чел	Вологдастат
2.	Инновационная деятельность	
2.1	Затраты на технологические инновации, тыс. руб	Вологдастат
2.2	Прибыль, тыс. руб	Вологдастат
2.3	Рентабельность, %	Вологдастат
2.4	Расходы на консультационные услуги, тыс. руб	Вологдастат
3	Инвестиционная привлекательность	
3.1	Получено государственной поддержки (субсидий) всего, тыс. руб	Департамент сельского хозяйства

Создание методической основы прогнозов стратегии развития сельского хозяйства обусловлено:

- совокупностью решения поставленных задач и анализа;
- моделирование прогнозов;
- динамикой важнейших параметров.

Для дальнейшего анализа развития СХПК «Племзавод Майский» акцентировано внимание на ключевых условиях:

- сформированная система показателей реализуется за счет применения разных источников;
- показатели необходимо представить так, чтобы все учтенные факторы определяли динамику;
- формулирующими будут окончательные и обобщающие данные;
- желательно использовать статистические величины, которые отражают экспертный прогноз;

- следует сопоставить показатели, методы и модели прогнозирования [6, С.105].

Разработанная система показателей прогнозирования развития СХПК «Племзавод Майский» позволит:

- выявить влияние отдельных элементов СХПК «Племзавод Майский» на эффективность;
- учитывать цели и задачи сельскохозяйственного производства;
- сделать прогноз развития СХПК «Племзавод Майский».

Качество формируемого прогноза зависит от состояния информационной базы. Информационная база прогнозирования развития СХПК «Племзавод Майский» состоит из данных, которые используются для разработки прогнозов, методов обеспечения сбора, накопление, сохранность, поиск и передачу сведений в ходе прогнозирования и взаимо-

действия с другими элементами.

Информационная база включает следующие элементы:

- первичные данные, в которых содержатся основные данные, необходимые для исследования разрабатываемого прогноза
- список источников для формирования основных сведений;

- способы хранения накопления, а так же поиск и обновление сведений включенных в информационную базу;
- обеспечение надежности и достоверности данных;
- способы формализованного описания данных.

Таблица 2 – Форсированный прогноз развития СХПК «Племзавод Майский»

№п/п	Показатели	2017г.	2020г.	2025г.
1	Ресурсный потенциал			
1.1	Площадь с/х угодий, га	8863	10635,6	12762,7
1.2	Урожайность культур с 1 га, ц :			
	зерна	33	39,6	47,5
	картофеля	237	284,4	341,3
	овощей открытого грунта	376	451,2	541,4
1.3	Продуктивность животных: -среднегодовой удой молока от 1 коровы, ц	89,38	107,26	128,71
1.4	Основные средства, тыс. руб., всего в т. ч.:	1165099	1398118,8	1677742,6
1.5	Сооружения, здания передаточные устройства, тыс. руб.	460677	552812,4	663374,9
1.6	Оборудование и машины, тыс. руб.	451952	542342,4	650810,9
1.7	Транспортные средства, тыс. руб.	45200	54240	65088
1.8	Агропроизводственный инвентарь, тыс. руб.	1190	1428	1713,6
1.9	Продуктивный скот, тыс. руб.	165005	198006	237607,2
1.10	Многолетние насаждения, тыс. руб.	28454	34144,8	40973,8
1.11	Энергетическая мощность, кВт.	4217	5060,4	6072,5
1.12	Фондообеспеченность хозяйства, тыс. руб.	168,39	202,07	242,48
1.13	Энергообеспеченность хозяйства, кВт.	47,58	57,09	68,52
1.14	Среднесписочная численность работ- ников, чел	529	634	761
1.15	В т. ч: занятых в с/х, чел.	492	590	708
2.	Инновационная деятельность			
2.1	Затраты на технологические иннова- ции, тыс. руб.	96999	116398	139678
2.2	Прибыль, тыс. руб.	600334	720400	864481
2.3	Рентабельность, %	51,71	62,06	74,45
2.4	Расходы на консультационные услу- ги, тыс.руб	0	300	600
3.	Инвестиционная привлекательность			
3.1	Получено государственной поддерж- ки без субсидий, тыс.руб.	45849	76000	92000

Источник: составлено автором

Необходимо отметить, что основными источниками информации представлены:

- итоги статистических исследований, которые осуществлены Росстатом согласно данным официальной статистики;
- данные Росстата;
- сведения, полученные из региональных источников официальной статистики.

На наш взгляд, наиболее привлекательным сценарием развития для СХПК «Племзавод Майский» является форсированный прогноз развития. Далее представим форсированный прогноз развития СХПК «Племзавод Майский», который характеризуется быстрым инновационным обновлением, которое необходимо для модернизации технической и социальной инфраструктуры для аграрных компаний, для более качественных условий жизни на сельских территориях (табл. 2).

Из данных таблицы 2 следует, что форсированный прогноз развития СХПК «Племзавод Майский» предполагает увеличение посевных площадей на 20% к 2020 году с 8863 до 10635,6 га и на 25% к 2025 году с 10635,6 до 12762,7 га, так же увеличится урожайность культур, зерна с 33 до 39,6 ц на 20% к 2020 году и с 39,6 ц до 47,5 ц на 25% к 2025 году, повысится продуктивность животных среднегодовой удой молока от 1 коровы с 89,38 до 107,26 ц на 20% к 2020 году и на 25% к 2025 году с 107,26 до 128,71 ц, размер основных средств вырастет на 20% к 2020

году с 1165099 до 1398118,8 и на 25% к 2025 году с 1398118,8 до 1677742,6, прирост обеспечат здания, сооружения, машины и оборудование, транспортные средства, многолетние насаждения, возрастет энергообеспеченность и энергетическая мощность на 20% к 2020 году и на 25% к 2025 году, возрастет фондообеспеченность на 20% с 168,39 до 202,07 тыс. руб. к 2020 году и на 25% с 202,07 до 242,48 тыс. руб., увеличится среднесписочная численность работников на 20% к 2020 году с 529 до 634 чел. и на 25% к 2025 году с 634 до 761 чел., увеличатся затраты на технологические инновации на 20% к 2020 с 96999 до 116398 тыс.руб. и на 25% с 116398 до 139678 тыс.руб к 2025 году, увеличится прибыль на 20% к 2020 с 600334 до 720400 тыс.руб и на 25% с 720400 до 864481 к 2025 году, повысится инвестиционная привлекательность за счет финансовой поддержки от государства, что является положительной динамикой для дальнейшего развития СХПК «Племзавод Майский».

Таким образом, на основе разработанной и примененной методики прогнозирования сельского хозяйства и системы показателей прогнозирования развития представлен форсированный прогноз развития СХПК «Племзавод Майский», который опирается на ускоренное инновационное обновление, необходимое для перехода на высокотехнологичный уровень развития.

Литература

1. Меньщиков В.Д. Диверсификация – собственный инвестор развития передовых технологий // Липецкий Инженер, 2004. № 1. С. 28.
2. Медведева Н.А. Прогнозирование развития сельского хозяйства Европейского Севера России: монография // Вологда: ВГМХА, 2017. 210 с.
3. Арутюнова Д.В. Стратегический менеджмент учебное пособие // Таганрог– ТТИ ЮФУ, 2010. С–122.
4. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».
5. Медведева Н.А. Теория и методы прогнозирования развития экономических систем // Вологда–Молочное: ИЦ ВГМХА, 2015. 84 с.
6. Медведева Н.А. Системный подход к прогнозированию сельского хозяйства: механизмы и инструменты // Молочнохозяйственный вестник, 2016. № 3(23). С. 100–110.

УДК 332.14

Экономическая безопасность региона (Пермского края)

М.Н. Руденко, доктор экономических наук,
доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

В статье рассмотрены основные подходы к пониманию экономической безопасности региона, проводится анализ статистических данных по конкретному региону в Приволжском федеральном округе (ПФО) – Пермскому краю – как его наиболее крупному субъекту. Проводится выявление проблемных зон в сравнении с другими регионами ПФО и возможных направлений по их ликвидации, либо нейтрализации.

Регион, экономическая безопасность, экономическая безопасность региона, составляющие экономической безопасности, методы оценки экономической безопасности.

Economic security of the region (Perm region)

M.N. Rudenko, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Entrepreneurship and Economic Security,
Perm State National Research University, Perm

The article considers the main approaches to understanding the economic security of the region, analyzes statistical data for a specific region in the Volga Federal District (VFD) – Perm Territory – as its largest subject. Identification of problem areas in comparison with other regions of the Volga Federal District and possible directions for their elimination or neutralization is carried out.

Region, economic security, economic security of the region, components of economic security, methods for assessing economic security.

Актуализация

В современном мире проблема национальной безопасности, значение которой постоянно растет, выделено в отдельную отрасль политико-экономической науки и социально-экономической деятельности, что связано с тем фактом, что от уровня национальной безопасности зависит само существование и развитие человека, отдельной территории, общества и государства в целом.

При этом центральным звеном системы национальной безопасности выступает экономическая безопасность, которая характеризует стабильный и устойчивый состояние, ее способность неуклонно повышать эффективность функционирования, роста ресурсного потенциала, сохранения целостности и независимости государства. Экономическая безопасность государства гарантирует защищенность национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивает социально-экономическую стабильность страны, достаточный оборонный потенциал, развитие производительных сил и нормальные условия жизнедеятельности общества.

В свою очередь, частью общенациональной экономической безопасности, важной ее составляющей выступает региональная экономическая безопасность. Современные процессы экономического развития – глобализация, регионализация, формирования «новой экономики» – обуславливают повышение роли регионов отдельных государств в системе мирового хозяйства. Национальные регионы сегодня рассматриваются как самостоятельные специфические субъекты международных конкурентных отношений. В то же время национальная экономическая безопасность базируется на гармоничном сочетании интересов государства и региона, обеспечивает целостность экономической системы страны, что определяет актуальность настоящего исследования.

Смысл и значение понятий

В основу термина «безопасность», данного западными учеными Дж. Киршнер [29], Джанг Енг [28], положено понимание защищенности от внешних угроз, имеющих подоплеку злонамеренности действий противников. Такое понимание «безопасности»

имеет узкую трактовку и является отличным от понимания данной категории некоторых зарубежных и многих российских ученых.

Современное состояние экономической безопасности предопределяет актуальность утверждения другого автора – Х. Маковски – где экономической безопасностью должна обеспечиваться высокая степень независимости от стратегических партнеров, то есть тех, которые потенциально могут влиять на политические решения, которые будут неприемлемы с коммерческой точки зрения [30].

Как считают американские ученые С. Мьордок, К. Нор, Ф. Трейгер, экономическая безопасность должна соответствовать как минимум двум условиям. Первое условие, сохранить экономическую самостоятельность, ее способность в собственных интересах принять решение относительно развития экономики. Второе условие, сохранить уже достигнутый уровень жизни населения с возможностью дальнейшего его повышения [31].

С точки зрения соотношения целого и частного, российским исследователем Шуршиным В.О. под экономической безопасностью региона понимается совокупность свойств конкретной территории (региона), которые обеспечивают максимальный взнос в национальную экономику и в безопасность страны. Следовательно, как самостоятельная экономическая система экономическая безопасность региона обеспечивает прогрессивное развитие региона в условиях дестабилизирующего влияния различного вида угроз.

По мнению исследователей Антошкина В.К., а также Свердана М.М., экономическую безопасность региона можно представить в качестве совокупности факторов и условий, которые дают характеристику текущему состоянию экономики, поступательности ее развития, стабильности и устойчивости, и проявляются:

- 1) в качестве возможности проведения собственной экономической политики внутри страны;
- 2) в качестве возможности уравновешенной реакции на изменения в стране, носящие геополитический характер;
- 3) в качестве возможности осуществ-

ления экономических мер при социально-опасных ситуациях относительно локальных «экономических» болезней на территории (не дожидаясь помощи центра);

4) в качестве способности стабильно поддерживать соответствие экономических нормативов, существующих на территории относительно мировой практики, что приведет к сохранению и восстановлению достойного уровня жизни [23, 2].

В результате анализа и систематизации приведенных научных подходов к определению понятия «экономическая безопасность региона» выделим основные, такие как:

- 1) совокупность условий и факторов, обеспечивающих устойчивость и стабильность развития экономики региона;
- 2) способность региональной экономики функционировать в режиме самовоспроизводства;
- 3) определенная экономическая независимость и интеграция с экономикой государства;
- 4) защищенность от воздействия дестабилизирующих факторов.

Таким образом, в данном исследовании под экономической безопасностью региона автор понимает состояние защищенности экономики региона от влияния внешних и внутренних угроз с целью обеспечения устойчивого экономического роста, финансовой самодостаточности, общественно-политической стабильности и надлежащего уровня жизни населения.

На основе данного определения для проведения оценки экономической безопасности конкретного региона используется система индикаторов экономической безопасности региона:

- валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения;
- инвестиции в основной капитал, % к ВРП;
- степень износа основных фондов промышленных предприятий, %
- сальдо консолидированного бюджета региона, % к ВРП;
- отношение среднемесячной заработной платы к прожиточному минимуму,

раз;

- отношение средней пенсии к средней заработной плате, %
- уровень безработицы, %
- ожидаемая продолжительность жизни

ни при рождении, лет;

- размер жилья на одного жителя, м.кв.

Таблица 1 – Основные показатели экономического развития Пермского края, 2015-2018 гг.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Темп прироста, %		
					2016 г.	2017 г.	2018 г.
ВРП, млрд. руб.	1063,8	1096,0	1191,1	*	3,03	8,68	-
ВРП на душу населения, тыс. руб.	403,6	416,2	453,3	*	3,12	8,91	-
Индекс промышленного производства, %	99,6	99,9	104,1	101,9	0,30	4,20	-2,20
Сальдо внешнеторгового баланса, млн. долл. США	5683,36	3469,81	4302,97	4593,03	-38,95	24,01	6,74
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	226214	239390	245140	238008	5,82	2,40	-2,91
Степень износа основных фондов, %	63,7	65,5	65,3	...	1,80	-0,20	-
Сальдо консолидированного бюджета, млн. руб.	-5975,3	-586,7	519,04	3879,6	90,18	188,47	647,46
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	28222	30713	32951,5	35577,5	8,83	7,29	7,97
Среднее значение пенсии, руб.	11941	17323	13250	14070	45,07	-23,51	6,19
Величина прожиточного минимума, руб. в мес.	9582	9594	10098	10098	0,13	5,25	0,00
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	69,09	69,74	71	71	0,94	1,81	0,00
Уровень безработицы, %	6,3	5,8	6,1	5,4	-0,50	0,30	-0,70
Размер жилья на одного жителя, кв.м.	23	23,2	23,6	24,1	0,87	1,72	2,12
Сброс загрязненных сточных вод, млн. м куб	383	357,8	317,1	212	-6,58	-11,38	-33,14
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. тонн	298,6	308,9	310,8	292,8	3,45	0,62	-5,79
Доля отгруженной инновационной продукции во всей отгруженной продукции промышленности, %	7,7	15,5	21,94	*	101,30	41,55	-

Примечание: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики
* отсутствуют официальные данные

Данные показатели исследуются с учетом динамики за определенный временной интервал (несколько лет). Некоторые из них, которые впоследствии будут сравниваться с пороговыми значениями (методика разрабо-

тана авторами Митяковым С.Н., Митяковым Е.С. и Романовым Н.А. для Приволжского федерального округа). Выявленные изменения позволят определить экономически оправданные «зоны риска».

Алгоритм тиражирования

Эмпирической базой исследования выступает Пермский край, входящий в состав Приволжского федерального округа (ПФО). ПФО является одним из наиболее экономически развитых округов. В его состав входят 14 субъектов Федерации, непосредственно расположенных на реке Волге, либо связанных с ней исторически и экономически. Территория округа составляет 6,08% от территории Российской Федерации.

По предварительным данным Федеральной службы статистики Российской Федерации, численность населения Приволжского федерального округа на 1 января 2019 г. составила 29 397 тыс. чел. (20,03% населения России).

Пермский край – субъект Российской Федерации, входит в состав Приволжского федерального округа. Административный центр края – город Пермь. Площадь 160 237 км². Население 2611 тыс. чел.

Основную долю в экономике Пермского края составляют сектора промышленно-производств (табл. 1).

В 2018 году индекс выпуска базовых отраслей экономики Пермского края составил 101,9% к соответствующему периоду предыдущего года. Доминирующее влияние на динамику и структуру промышленности оказали положительные темпы роста основных обрабатывающих производств.

Внешнеторговый оборот в январе-декабре 2018 г. по оперативным данным территориального органа статистики сложился в размере 6175,8 млн. долларов США, что на 9,07% выше уровня января-декабря 2017 года (в фактических ценах). На конец года сальдо внешнеторгового оборота положительное.

В 2018 году на развитие экономики и социальной сферы края использовано 238008

млн. рублей инвестиций в основной капитал, относительно уровня аналогичного периода предыдущего года произошло снижение показателя на 2,91%.

В настоящее время в регионе реализуется более 50 крупных инвестиционных проектов. Из них: технополис «Новый Звездный» с созданием к 2020 году 3000 новых рабочих мест, кластер «Фотоника», который позволит трудоустроить 300 человек, ОАО МХК «Еврохим» на 2000 рабочих мест, ПАО «Метафракс» «Меламин-Карбамид-Аммиак» на 400 рабочих мест.

По данным Министерства финансов Пермского края консолидированный бюджет в январе-декабре 2017 года сведён с профицитом. Доходы превысили расходы на 3879,6 млн. рублей. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года доходы выросли на 8,18% и достигли 157,3 млрд. рублей. Расходы выразились в сумме 153,38 млрд. рублей (рост на 5,93%).

Среднемесячная начисленная заработная плата одного работника за январь-декабрь 2018 года составила 35577,5 руб. и возросла по сравнению с январём-декабрём 2017 года на 7,97%. Наблюдается снижение уровня безработицы в 2018 году относительно 2017 года – он составил 5,4%. Так же отмечается незначительный рост размера жилья на одного жителя.

Рассмотрим основные индикаторы экономической безопасности региона по Пермскому краю в сопоставлении с другими регионами ПФО относительно порогового значения для каждого индикатора.

ВРП на душу населения Пермского края в 2017 году (рис. 1) превышает уровень порогового значения (такая же динамика относительно других регионов ПФО).

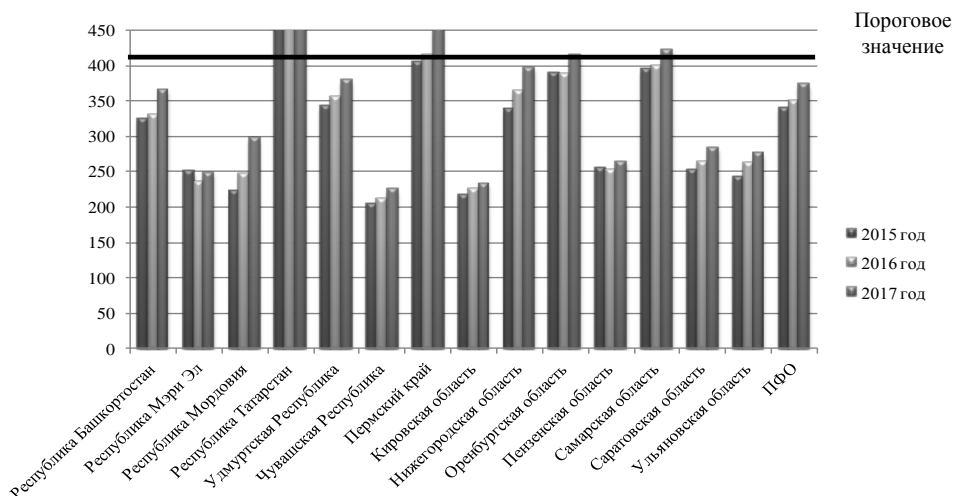

Рисунок 1 – Динамика ВРП Пермского края и других регионов ПФО относительно порогового значения, на душу населения, тыс. руб.

Примечание: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики
* Данные представлены на 2017 г. ввиду отсутствия официальных данных за 2018 г.

Такая же динамика наблюдается и по показателям Республики Татарстана, Оренбургской и Самарской областей (которые характеризуется наиболее высоким уровнем ВРП).

Динамика инвестиций в основной капитал по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения,

представленная на рисунке 2., свидетельствует о том, что, не смотря на рост инвестиций в основной капитал по Пермскому краю, значение данного индикатора экономической безопасности региона находится ниже уровня порогового значения (тенденция данного показателя положительная).

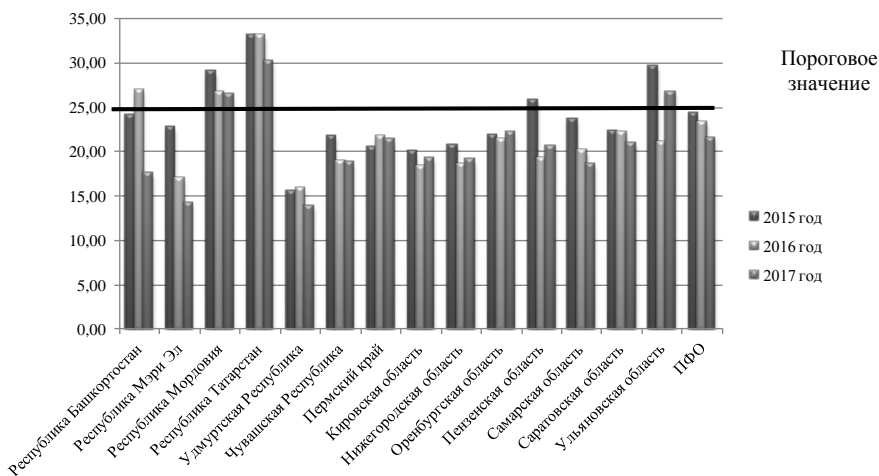

Рисунок 2 – Динамика инвестиций в основной капитал по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения, в % к ВРП

Примечание: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

* Данные представлены на 2017 году, ввиду отсутствия официальных данных по ВРП регионов за 2018 г.

Что касается динамики инвестиций в основной капитал по другим регионов, то достаточно устойчивыми темпами роста инвестиционного процесса являются Республика Башкортостан и Татарстан.

Динамика степени износа основных фондов промышленных предприятий по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения представлена на рисунке 3.

По данному индикативному показателю практически все регионы находятся выше порогового значения.

На рисунке 4 представлена динамика сальдо консолидированного бюджета Перм-

ского края и регионов ПФО относительно порогового значения.

Учитывая динамику регионов ПФО в совокупности, динамика сальдо консолидированного бюджета Пермского края имеет достаточно положительную тенденцию и находится в рамках пороговых значений.

Динамика отношения среднего дохода населения к прожиточному минимуму по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения отображена на рисунке 5.

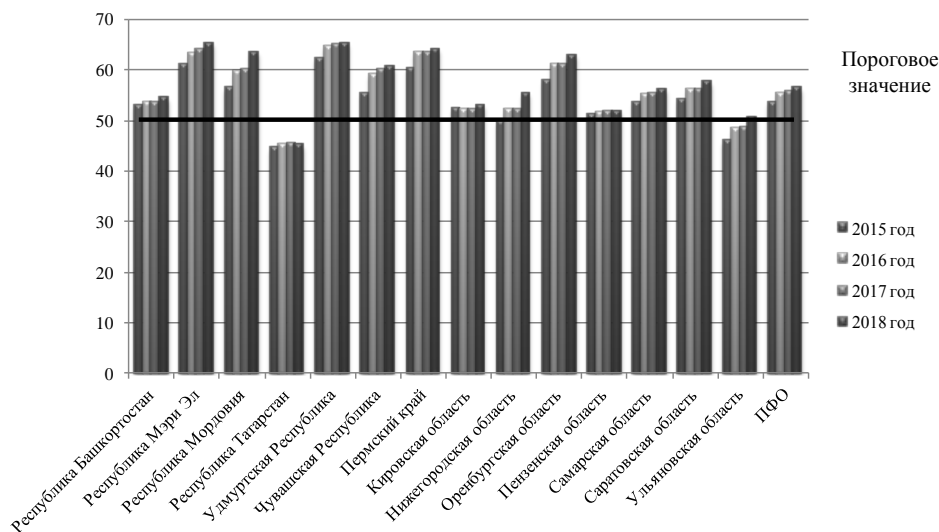

Рисунок 3 – Динамика степени износа основных фондов промышленных предприятий по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения, %

Примечание: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

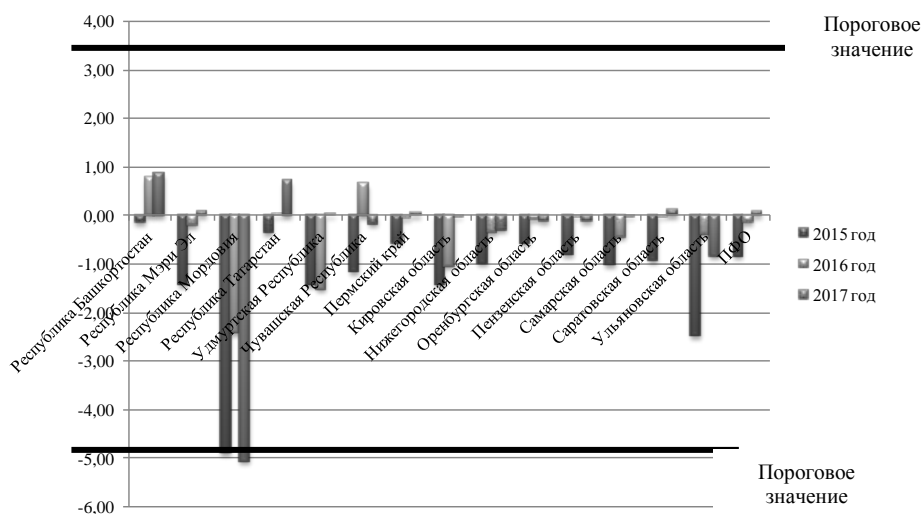

Рисунок 4 – Динамика сальдо консолидированного бюджета Пермского края и регионов ПФО относительно порогового значения, в % к ВРП

Примечание: рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики
* Данные представлены на 2017 году, ввиду отсутствия официальных данных по ВРП регионов за 2018 г.

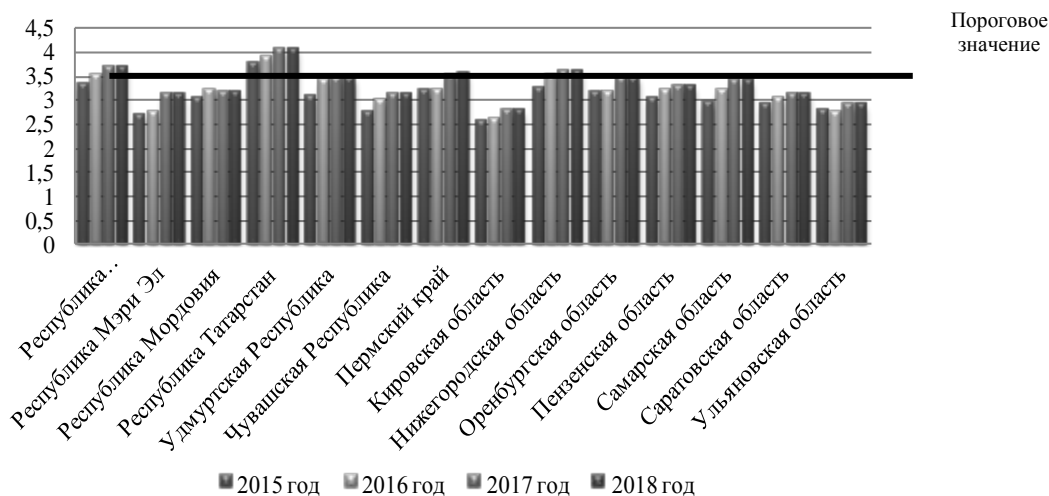

Рисунок 5 – Динамика отношения среднего дохода населения к прожиточному минимуму по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения, %

Примечание: рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

Что касается данного индикатора экономической безопасности региона, то за последние три года он имеет положительную динамику и имеет среднее значение относительно всего федерального округа, но, тем не менее, имеет значение ниже порогового, что

представляет угрозу экономической безопасности региона.

Динамика отношения средней пенсии к средней заработной плате по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно

порогового значения представлена на рисунке 6.

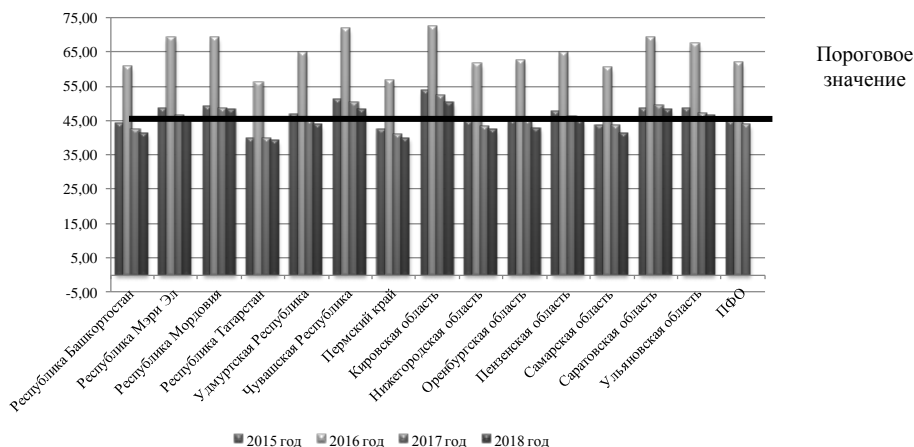

Рисунок 6 – Динамика отношения средней пенсии к средней заработной плате по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения, %

Примечание: рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

Относительное других регионов Приволжского федерального округа Пермский край имеет так же среднее значение и негативную тенденцию относительно 2017 года и находится ниже порогового значения, что представляет угрозу экономической безопас-

ности региона именно с позиции социального его развития.

На рисунке 7 представлена динамика уровня безработицы по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения.

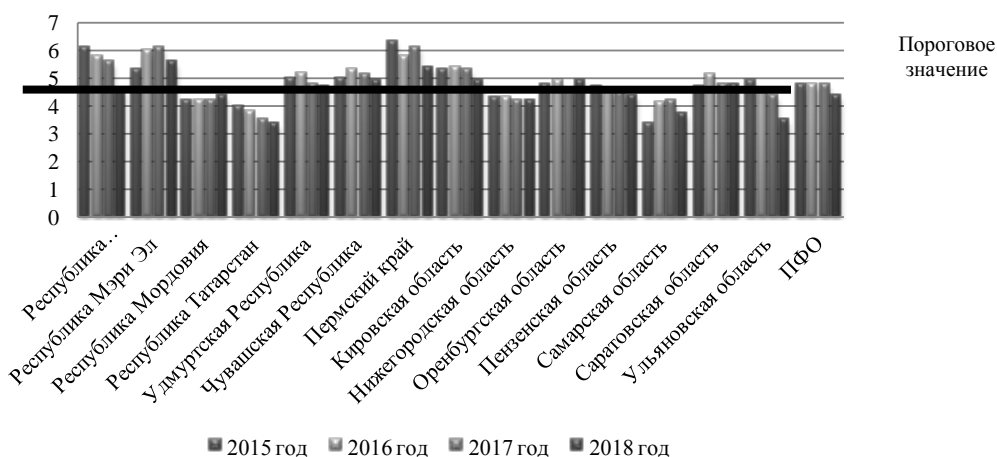

Рисунок 7 – Динамика уровня безработицы по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения, %

Примечание: рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

Значение данного индикатора экономической безопасности региона находится выше порогового значения, такая динамика наблюдается по всем регионам Приволжского федерального округа, что представляет также угрозу экономической безопасности не только по региону, но для всего округа.

Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения представлена на рисунке 8.

Пермский край по данному индикатору экономической безопасности региона

имеет среднее значение относительно регионов Приволжского федерального округа, негативным моментом является отставание данного индикатора от порогового значения.

Динамика размера жилья на одного жителя по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения представлена на рисунке 9.

Негативная динамика наблюдается и по данному показателю, который находится ниже относительно большинства регионов округа и соответственно порогового значения.

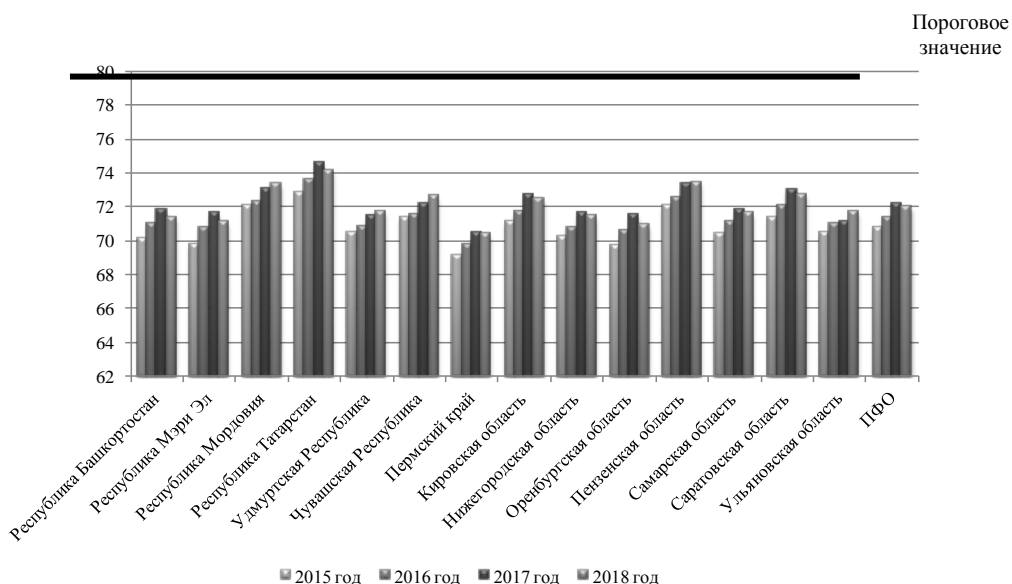

Рисунок 8 – Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения, лет

Примечание: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

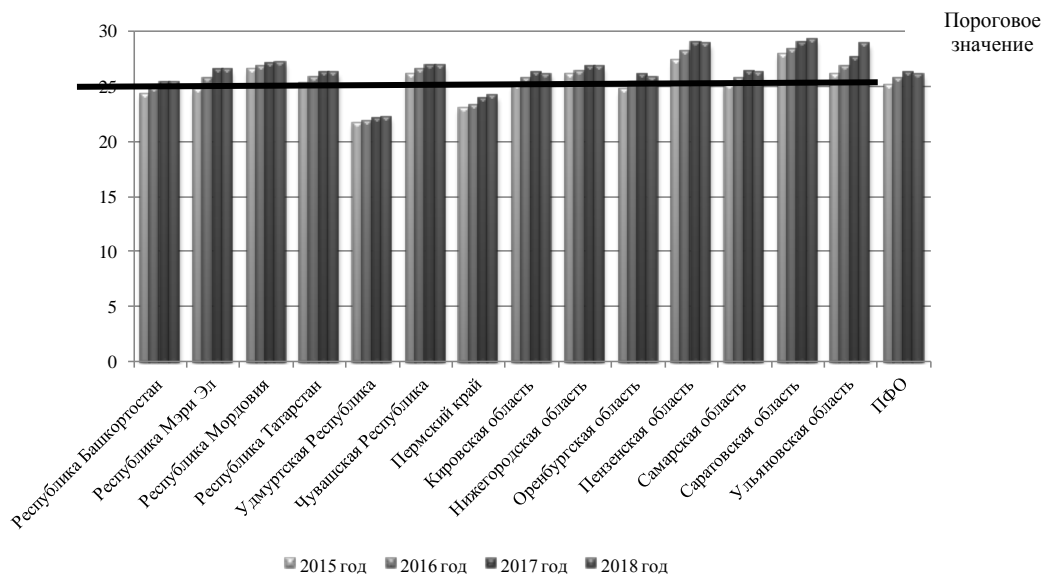

Рисунок 9 – Динамика размера жилья на одного жителя по Пермскому краю и другим регионам ПФО относительно порогового значения, м.кв./чел.

Примечание: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

В целом можно отметить рост уровня экономической безопасности региона, положительную динамику по отдельным показателям (рост ВРП, рост промышленного производства, снижение уровня безработицы), но есть и негативные моменты: снижение уровня доходов населения, сальдо консолидированного бюджета, степень износа основных фондов промышленных предприятий.

В целом можно отметить, что одной из основных угроз экономической безопасности региона, скорее, выступающая как риск – высококонцентрированная экономика и крупные производства, что не дает стимула к развитию малого бизнеса.

Экономика Пермского края является диверсифицированной и многоотраслевой, такая разнонаправленность – это огромный плюс региона с точки зрения его экономической стабильности и экономической безопасности.

Есть примеры регионов с действительно высокой однообразной промышленной концентрацией экономики. Например, Свердловская область, которая значительно зависит от одной отрасли – машиностроения и станко-

строения. Ещё пример – Ханты-Мансийский АО, где нефтегазовая промышленность, в основном, нефтяная, играет ведущую роль. И, когда возникают проблемы с этой отраслью, регион оказывается неспособным самостоятельно с ними справиться, возникают проблемы с исполнением социальных обязательств перед населением из-за резкого сокращения доходов бюджета.

Пермский край не относится к такой категории регионов. Здесь, кроме химии и нефтедобычи, очень развито двигателестроение и оборонная промышленность. Статистика даёт для данного утверждения: индекс промышленного производства в 2017 г. – 104,4%, в 2018 г. – 101,9%, что для пермской промышленности с её масштабами является высоким результатом.

Краевая власть объясняет достижение подобных результатов целым рядом мер, которые были предприняты в рамках реализации промышленной политики. Во-первых, в её основе лежит кластерный подход. В Прикамье уже действуют два зарегистрированных промышленных кластера («Фотоника» и фармацевтический кластер). Во-вторых, Перм-

ский край на протяжении трёх лет является одним из лидеров программы поддержки инвестиционных проектов в гражданской промышленности. О чем так же свидетельствуют данные по инвестированию в основной капитал (их рост).

И тем не менее, для того чтобы успешно противостоять существующим угрозам, крайне важно понимать сильные стороны и уделять им особое внимание. В 2017-2018 гг. для Пермского края это, прежде всего, успешные экспортные отрасли, в частности, обрабатывающее производство, предприятия химии, производители лекарств, электроэнергетики, продуктов питания. Однако, по мнению Бизнес-омбудсмена Вячеслава Белова, ориентируясь на экспорт, край попадает в зависимость от мировых цен: если они снижаются, снижается и валовая выручка предприятия, возникает угроза срыва в реализации инвестиционных проектов. Если такое снижение носит длительный характер, это начинает влиять на конкурентоспособность предприятий [22].

Необходимо дальнейшее развитие поддержки инвестиционных проектов. В данной ситуации также необходимо более активное использование механизма специальных инвестиционных контрактов (СПИК). Пермский край считается первопроходцем в данном направлении. По мнению Максима Решетникова, есть необходимость создать «фабрику» проектов, которые бы получали поддержку по федеральным и региональным программам, и проводить увеличение масштабов этой работы. Не менее важным в данном аспекте становится обеспечение заказами региональных производств. Все это должно приобрести системность и стать системной работой.

На фоне всего выше сказанного можно отметить и другой риск высококонцентрированной экономики и крупных производств для Пермского края: в стабильной ситуации высокая доходность, достаточность поступления налоговых платежей в бюджет края для реализации поставленных задач и исполнения социальных обязательств может расслаблять власти, в том числе, и на муниципальном

уровне, и не давать стимула к развитию малого и среднего бизнеса.

Для развития производства, в том числе, и крупных, есть возможность дальнейшего использования присвоения ряду территорий Пермского края статуса территорий опережающего развития (ТОР) [26].

Если говорить о внутренних угрозах экономической безопасности Пермского края – динамика отношения среднего дохода населения к прожиточному минимуму по Пермскому краю растёт. Это риск, который приводит к снижению потребления, что, в свою очередь, негативно влияет на развитие бизнеса. И, если такая ситуация затягивается, она становится угрозой экономической безопасности региона: если у бизнеса проблемы, то доход не получают сами предприниматели, они не платят зарплату, налоги, не платят по кредитным обязательствам, что ведёт к ухудшению устойчивости банковской системы и т. д. То есть последствия снижения потребительской активности носят системный характер – и это риск.

В качестве положительного момента можно отметить, что госдолг Пермского края наполовину состоит из средств федерального бюджета. Такая структура позволяет держать затраты на его обслуживание на низком уровне, поскольку бюджетные займы, в отличие от банковских кредитов, – это дешёвые деньги.

Кроме того, Пермский край, по сравнению с очень многими субъектами, не выходит на сколько-нибудь критические показатели госдолга, его размер не превышает нормативы, установленные законодательством, и рисков неисполнения регионом бюджетных обязательств. По мнению Бизнес-омбудсмена Вячеслава Белова, с точки зрения бюджетной системы Пермский край, благодаря разнонаправленности экономики, всегда был более устойчив относительно других регионов.

На данный момент остаются неоднозначными и дискуссионными решение вопросов экономической безопасности регионов. Позиция автора в данном вопросе, заключается в том, что в целом имеется положительная динамика в развитии региона, но, тем не менее, есть необходимость осуществления про-

работки наметившихся рисков и угроз экономической безопасности региона, которые заключаются в риске высококонцентрированной экономики и крупных производств, что не дает стимула к развитию малого бизнеса.

Основные выводы

Исследование, проведенное в статье, дает возможности прийти к следующему заключению. Экономическая безопасность региона – это состояние защищенности от влияния угроз, как внутренних так и внешних, относительно экономики региона. Основная цель обеспечить устойчивый экономический рост, финансовую самодостаточность, общественно-политическую стабильность и надлежащий уровень жизни.

Можно отметить положительные тенденции относительно уровня экономической безопасности Пермского края, входящего в состав Приволжского федерального округа. Анализ социально-экономического развития региона и соответственно его экономической безопасности дал возможность выявить следующие тенденции: значительное влияние, на региональный уровень безопасности. Общероссийских и мировых тенденций, которые происходят в различных сферах; обеспечение экономической безопасности региона осуще-

ствляется в основном за счет обрабатывающих отраслей и экспорта сырьевых ресурсов.

Беря во внимание влияние на экономическую безопасность региона его социально-экономическое развитие, авторская позиция в решении данного вопроса заключается в следующем:

1) необходимо более активное использование механизма специальных инвестиционных контрактов (СПИК), которые бы получали поддержку по программам федерального и регионального значения, необходим рост масштабов таких работ;

2) использование присвоения статуса территорий опережающего развития, это дает возможность бизнесу, создающему новые рабочие места, стать резидентом ТОР и получить налоговые льготы и сниженные в несколько раз тарифы страховых взносов.

3) так же можно отметить положительное влияние кластерного развития края, сложившаяся ситуация диктует необходимость их дальнейшего применения. Так одним из предложений может создания инновационного кластера, как поддержки и основы формирования будущей социально-экономической политики региона.

Литература

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики, 1994. № 12, С. 4-13.
2. Антошкин В.К. Экономическая и национальная безопасность регионов // Вестник Бердянского университета менеджмента и бизнеса, 2014. № 2 (26), С. 108-109.
3. Бондаревская О.Н. Экономическая безопасность регионов в системе экономической безопасности государства // Научный вестник международного гуманитарного университета, 2017. № 5, С. 54-57.
4. Власенко Т. В поиске точек роста. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4394066.html>.
5. Глазьев С.Ю. О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://old/glazev.ru>.
6. Гончаренко Л.П., Куценко Е.С. Управление безопасностью // М.: КНОРУС, 2005. С. 27.
7. Гутман Г.В., Лапыгин Ю.Н., Прилепский А.И. Экономическая безопасность региона: теория и практика // М.: Наука, 1996. С. 116.
8. Дикань В.В. Александра О.Ю. Механизма обеспечения экономической безопасности региона: сущность, состав, направления // Государственное регулирование экономики. Вестник экономики транспорта и промышленности, 2017. № 58, С. 18-25.
9. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований Российской Федерации / Татаркин А.И. Куклин А.А. Мызин А.Л. и др. // Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 1998, С. 220.
10. Корнишкина Л.А. Общая экономическая безопасность // Саранск: [б. и.]. 2016. С. 255.
11. Корнилов М.Я. Экономическая безопасность России: основы теории и методологии исследования – 2-е изд. // М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 154.
12. Митяков С.Н, Митяков С.Е. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона, 2013. № 3, С. 81-91.
13. Моделирование экономической безопасности: государство, регион, предприятие: Монография / В.Н. Геец, Н.А. Кизим, Т.С. Клебанова, А.И. Черняк. Х. 2006. С.240.

14. Новикова И.В., Красников Н.И. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник томского государственного университета, 2010. № 330 (янв.). [Электронный ресурс]. URL: sun.tsu.ru/mminfo/000063105/330/image/330-132.pdf.
15. Огарева К. Бюджет Перми и Пермского края на 2018 год: на что пойдут деньги. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/26773/3806747/>.
16. Официальный сайт Министерства территориального развития. [Электронный ресурс]. URL: <http://minter.permkrai.ru>.
17. Официальный сайт Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <http://permstat.gks.ru>.
18. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>.
19. Панина М.Е. Экономическая безопасность Челябинской области // Международный научный вестник, 2017. № 2, С. 165.
20. Песоцкий А.А. Безопасность экономического пространства хозяйственного комплекса России: методические основы // СПб.: АНО ВПО «МБИ», 2015. С. 61.
21. Петров И.В. Институционально-воспроизводственные аспекты оценки экономической безопасности региона // Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. С. 164.
22. Путькова П., Вячеслав Белов: Я не стал бы преувеличивать угрозы экономической безопасности Пермского края. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://zvzda.ru/interviews/c089020263cf>.
23. Свердан М.М. Региональная экономика и экономическая безопасность региона // Вестник Херсонского государственного университета, 2013. Вып. 1, С. 46-52.
24. Сенчагов В.К., Митяков С.Н. Индикаторы устойчивого развития регионов Российской Федерации // Проблемы устойчивости функционирования стран и регионов в условиях кризисов и катастроф современной цивилизации. Тезисы. Докл. XVII междуна. науч.-практич. конф., ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ) МЧС России // М.: 2012. С. 17-19.
25. Сигов В.И., Песоцкий А.А. Безопасность экономического пространства региона: концептуальные основы и система показателей // Экономика региона, 2017. Т. 13, вып. 4, С. 1236-1250.
26. Территория социально экономического развития «Чусовой», 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://minter.permkrai.ru/toser/territoriya-operezhayushchego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-chusovoy/>.
27. Шурушин В.А. Особенности формирования системы экономической безопасности региона // Таврический научный вестник: сборник науч. работ ХГАУ. Херсон: Айлант, 2007. Выпуск 55. С. 227-231.
28. Jiang Yong. Economic Security: Redressing Imbalance // China Security. 2008. Vol. 3, No 2. pp. 66–85.
29. Kirshner J. Political Economy in Security Studies after the Cold War. // Review of International Political Economy. 1988. Vol. 5, No1. pp. 64 – 91.
30. Machovski H. Ost-West Handel: Entwicklung, Interessenlagen. Aussichten // Aus Politik u. Zeitgeschichte. Bonn. 1985. № 5, pp. 39–44.
31. Murdoch C. Economic factors as objects of security: Economics security & vulnerability / K. Knorr, F. Trager // Economics interests & national security. Lawrence: 2001. 867 p.

УДК 332.055.3

Результаты деятельности малых инновационных предприятий в регионе (на примере Алтайского края)

Л.П. Сеченова, аспирант третьего года обучения МИЭМИС,
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Алтайский край,

В.А. Любичская, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Экономика и производственный менеджмент»,
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Алтайский край

В 2009 году вступил в силу Закон № 217-ФЗ, позволяющий бюджетным научным и образовательным учреждениям создавать коммерческие общества с целью разработки, производства и дальнейшей коммерциализации результатов НИОКР, что, в конечном итоге, должно было напрямую влиять на увеличение доли инновационной продукции в ВВП. Насколько сильным и прямо пропорциональным оказалось это влияние, и какое место заняли вновь создаваемые общества в инновационной системе, мы рассмотрели на примере Алтайского края.

Малые инновационные предприятия, бюджетные образовательные и научные организации, хозяйственные общества, инновационное предпринимательство.

The results of the activities of small innovative enterprises in the region (on the example of the Altai Territory)

L.P. Sechenova, graduate third year of the Department MIEMIS,
State Educational Institution of Higher Education Altai State University,
Barnaul, Altai Territory,

V.A. Lyubitskaya, Ph.D., Associate Professor, Department of Economics and Industrial Management,
State Educational Institution of Higher Education Altai State Technical University them. I.I. Polzunova,
Barnaul, Altai Territory

In 2009, Law No. 217-FZ came into force, allowing budgetary scientific and educational institutions to create commercial societies for the purpose of developing, producing and further commercializing R & D results, which ultimately had a direct impact on increasing the share of innovative products in GDP. How strong and directly proportional this influence turned out to be, and what place did the newly created societies occupy in the innovation system, we considered using the example of the Altai Territory.

Small innovative enterprises, budgetary educational and scientific organizations, economic societies, innovative entrepreneurship.

В 2009 г. вступил в силу Федеральный закон № 217-ФЗ, дающий право бюджетным научным и высшим образовательным учреждениям создавать малые инновационные предприятия (МИП), то есть, заниматься предпринимательской деятельностью.

Предполагалось, что 217-ФЗ решит ряд проблем, препятствующих развитию инновационного предпринимательства для вузов и НИИ, создав алгоритм законного самостоятельного внедрения результатов научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских разработок.

В конечном итоге, 217-ФЗ должен был стать точкой роста инновационной сис-

темы региона за счет формирования и упрочнения связи «наука-производство-рынок» [1,8,9].

Место и роль МИП в формировании эффективной инновационной системы региона, на наш взгляд, заключается в следующем:

1. Создание новшеств (МИП, по сравнению, с иными формами организации инновационного предпринимательства, обладают высокой скоростью реакции на изменения, как потребительского спроса, так и направлений исследований в научной сфере);

2. Доведение результатов НИОКР до промышленного производства (опытно-

конструкторские разработки, испытательные работы, опытное производство и т.д.);

3. Производство инновационной продукции самостоятельно или совместно с другими предприятиями через систему госзаказа и систему аутсорсинга;

4. Организация высокоэффективных рабочих мест, в первую очередь для научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава вузов, аспирантов и даже студентов, способных работать в условиях постоянного поиска, как новых научных решений, так и финансовых возможностей для коммерциализации результатов НИОКР;

5. Популяризация научного творчества и инновационного предпринимательства

среди молодежи путем вовлечения ее в деятельность МИП (написание на базе МИП научных статей, бизнес-планов, инвестиционных проектов, выпускных квалификационных работ, диссертаций и т.д.);

6. Создание и упрочнение связей между отдельными элементами региональной инновационной системы за счет организации системы «наука-производство-рынок».

Результаты мониторинга, проведенного государственным учреждением «Центр исследований и статистики науки» Минобрнауки РФ, показали, что на 1 января 2019 года в РФ было создано 2868 малых инновационных предприятий при вузах и НИИ (табл. 1).

Таблица 1 – Динамика созданных хозяйственных обществ (хозяйственных партнерств) по годам

Округ РФ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Дальневосточный	10	21	38	59	106	115	109	104	93
Крымский	0	0	0	0	0	2	2	2	2
Приволжский	82	190	296	371	476	529	500	480	471
Северо-Западный	47	96	149	182	249	298	281	270	263
Северо-Кавказский	12	31	45	55	77	86	81	78	74
Сибирский	150	252	337	414	502	589	556	535	514
Уральский	42	87	133	167	199	236	223	214	205
Центральный	158	333	475	578	722	800	756	726	696
Южный	48	105	134	169	196	213	201	193	185
Итого:	549	1115	1607	1995	2527	2868	2709	2603	2503

По результатам нашего исследования на конец 2018 года в России создано 2503 хозяйственных обществ (с учетом ликвидированных) в 442 вузах и НИИ, в которых работает более 3000 человек.

При этом малые инновационные предприятия по округам Российской Федерации распределены неравномерно (рис. 1, табл. 2).

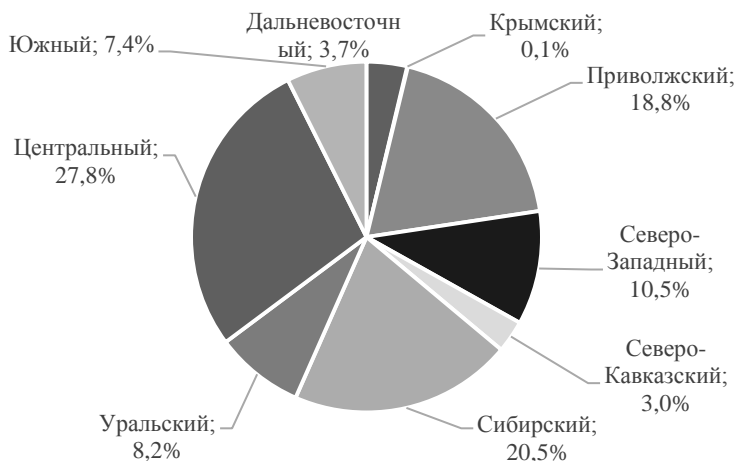

Рисунок 1 – Распределение созданных хозяйственных обществ (хозяйственных партнерств) по Федеральным округам

Как видно из диаграммы на рисунке 1, лидирующую позицию по количеству созданных МИП занимает Центральный Федеральный округ (27,8%), Сибирский Федеральный округ (20,5%) и Приволжский Федераль-

ный округ (18,8%). Таким образом, почти 50% созданных в России МИП приходится на Центральный и Сибирский Федеральные округа (рис. 1).

Таблица 2 – Количество созданных хозяйственных обществ и партнерств на каждую организацию-учредителя по регионам

Регион	Количество малых инновационных предприятий	Количество организаций-учредителей	Количество МИП на одну ОУ
Республика Алтай	1	1	1,0
Алтайский край	56	2	28,0
Республика Бурятия	15	4	3,8
Забайкальский край	5	2	2,5
Иркутская область	48	10	4,8
Кемеровская область	54	9	6,0
Красноярский край	82	9	9,1
Новосибирская область	79	19	4,2
Омская область	81	8	10,1
Томская область	90	11	8,2
Республика Тыва	2	1	2,0
Республика Хакасия	1	1	1,0
Итого	514	78	6,6

Внутри Сибирского федерального округа по числу созданных МИП лидирует Томская, Омская, Новосибирская, Кемеровская области и Красноярский край. Алтайский край находится на 5 месте среди регионов СФО. Однако, следует отметить, что среднее количество МИП на каждую организацию

учредителя в Алтайском крае значительно выше, чем в среднем по РФ, а именно 28 МИП на каждый ВУЗ (табл. 2).

При этом число вновь создаваемых малых инновационных предприятий в Алтайском крае падает каждый год (с 15 в 2011 году до 1 в 2018) (рис. 2).

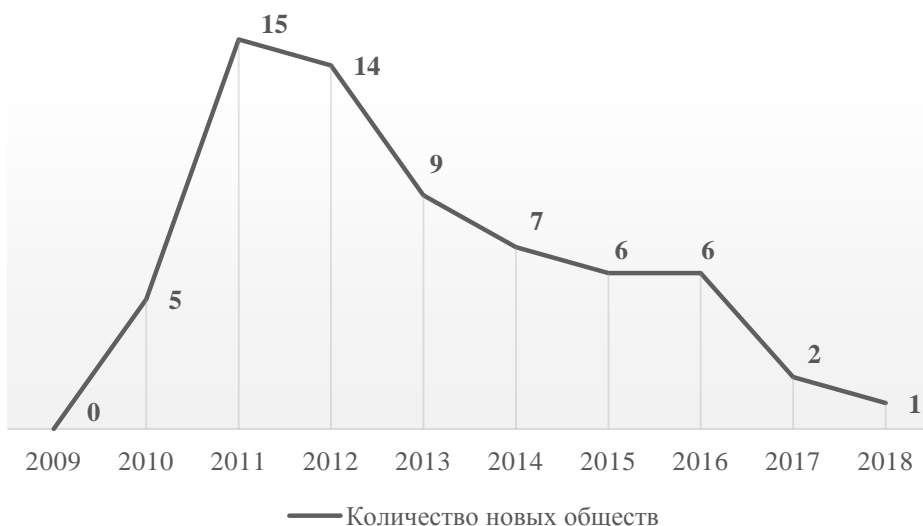

Рисунок 2 – Динамика созданных хозяйственных обществ (хозяйственных партнерств) в Алтайском крае

Динамика вновь создаваемых малых инновационных предприятий в Алтайском крае имеет отрицательные темпы роста, что соответствует общероссийской динамике. Как

видно из рисунка 3 в 2011 году было создано 515 хозяйственных обществ, а в 2017 только 86 (рис. 3).

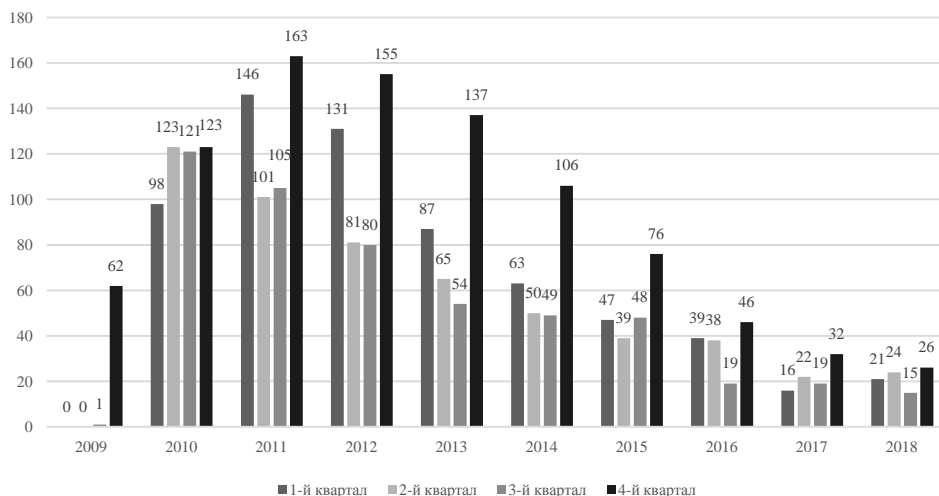

Рисунок 3 – Динамика вновь создаваемых малых инновационных предприятий в РФ по кварталам

На наш взгляд, данная динамика позволяет говорить о снижении интереса научных и образовательных организаций к созда-

нию малых инновационных предприятий, что связано с рядом сложностей, с которыми столкнулись организации-учредители на всех

этапах создания и функционирования МИП: от несовершенства нормативно-законодательной базы, регламентирующей процедуру регистрации общества и регулирующей дальнейшую его деятельность до неготовности персонала бюджетных образовательных и научных организаций к специфическим условиям инновационного предпринимательства [9].

Также из диаграммы на рисунке 3 отчетливо прослеживается неравномерность создания новых хозяйственных обществ по кварталам в каждом году. Так, наименьшее число вновь созданных МИП приходится на второй и третий кварталы, что может быть

связано с периодом летних отпусков в учебных и научных учреждениях во втором квартале и началом учебного года в третьем. Самое же максимальное число вновь созданных хозяйственных обществ, как видно из рисунка, приходится на четвертый квартал. На наш взгляд, данная тенденция может быть связана с выполнением плана ряда формальных показателей [1,6].

Сведения о видах и количестве результатов интеллектуальной деятельности, право использования, которых внесены в уставные капиталы хозяйственных обществ (хозяйственных партнерств), приведены ниже в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты интеллектуальной деятельности МИП

Тип РИД	Количество РИД	Количество ХО (ХП)
Неуказан	13	4
Базаданных	28	20
Изобретение	20	18
Ноу-хау	32	10
Полезная модель	4	3
Программа для ЭВМ	11	7
Промышленный образец	2	1
Селекционное достижение	2	1
Топология интегральных микросхем	0	0

Так, в уставный капитал 28% малых инновационных предприятий созданных в крае внесены ноу-хау, 25% базы данных, 18% изобретение и только 2-3% промышленный образец и полезная модель. Тогда как, если говорить о коммерциализации, то предпочтительней, на наш взгляд, организовывать малое

инновационное предприятие с промышленным образцом, изобретением и полезной моделью в качестве уставного капитала, поскольку данные типы РИД подразумевают дальнейшее производство инновационной продукции и ее продвижение на рынке.

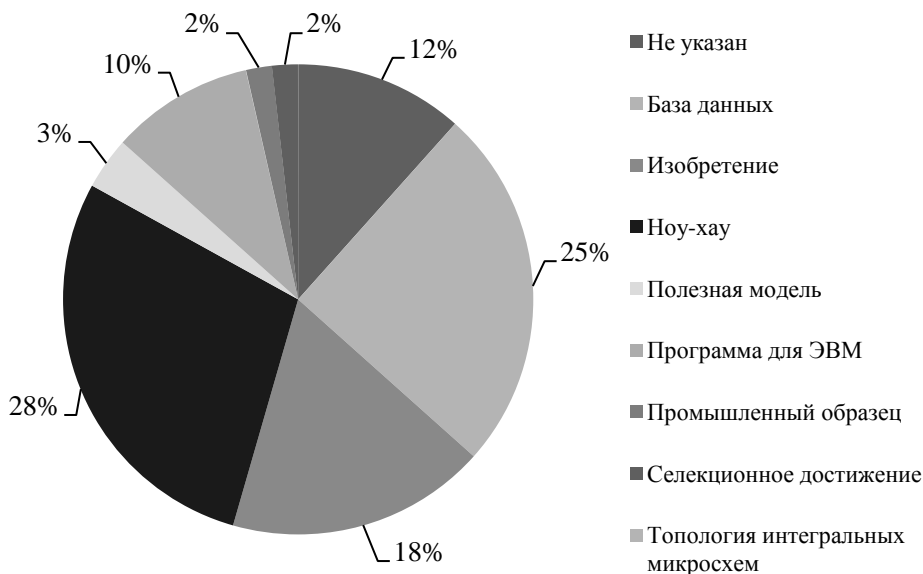

Рисунок 4 – Распределение результатов интеллектуальной деятельности по видам

Показатели соответствия деятельности МИП Алтайского края приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации приведены ниже на рисунке 5.

Как показал анализ более половины МИП не относят свою деятельность к приоритетным направлениям науки, технологий и техники в Российской Федерации. Еще 20% относятся к Информационно-телекоммуникационным системам и Наукам о жизни. Остальные направления представлены единичными МИП.

Данный показатель является одним из наиболее важных в рамках анализа результатов деятельности малых инновационных предприятий, созданных в результате вступления в силу Федерального закона №217-ФЗ, поскольку МИП призваны были максимально гармонично встроиться в инновационную систему РФ, а значит деятельность МИП регионов должна, в том числе, соответствовать Указу Президента РФ от 7 июля 2011 г. N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» [2,4,5].

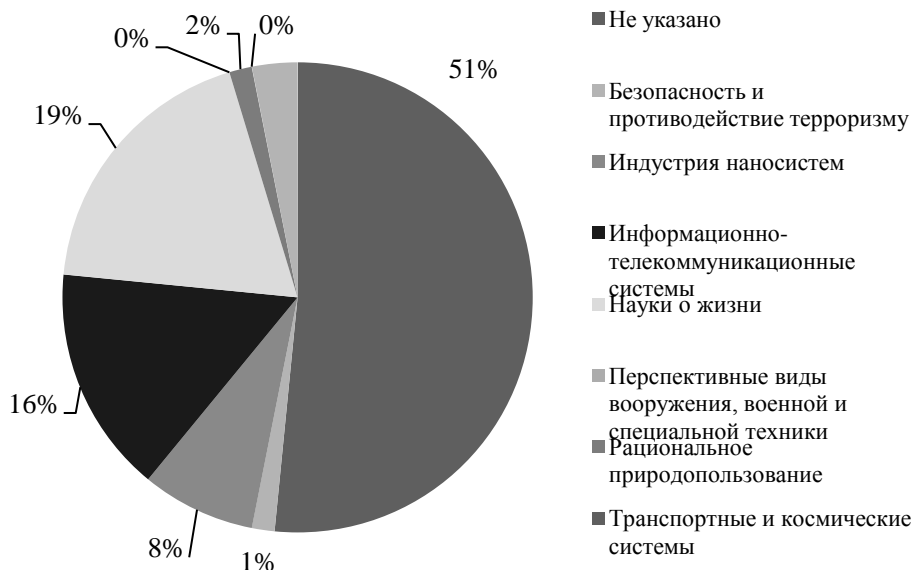

Рисунок 5 – Показатели соответствия деятельности МИП Алтайского края приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в РФ

В рамках оценки результатов деятельности малых инновационных предприятий Алтайского края мы попытались проанализировать деятельность созданных в регионе МИП с точки зрения задач, которые перед ними ставились на этапе утверждения Федерального закона 217-ФЗ.

Первая задача – создание новшеств МИП, по сравнению с иными формами организации инновационного предпринимательства, должны обладать высокой скоростью реакции на изменения как потребительского спроса, так и направлений исследований в научной сфере. Однако анализ показал, что большинство малых инновационных предприятий Алтайского края не относятся к приоритетным направлениям науки, технологий и техники РФ.

Что же касается потребительского спроса, то проведенный нами анализ показывает, что в основном за основу деятельности МИП берут базы данных и ноу-хау, т.е. РИД не ориентированные на удовлетворение потребительского спроса и расширение номенклатуры инновационной продукции в крае.

Вторая задача – доведение результатов НИОКР до промышленного производства так же на сегодняшний день является не выполненной. Об этом свидетельствует низкая доля промышленных образцов и полезных моделей в общем числе РИД, заложенных в основу МИП. Так же стоит отметить, что прирост РИД в результате деятельности МИП в среднем равен 10%, т.е. на каждые 10 объектов интеллектуальной собственности полученных МИП от вуза в качестве уставного капитала, приходится 1 вновь созданный в результате деятельности МИП.

Производство инновационной продукции самостоятельно или совместно с другими предприятиями через систему госзаказа так же затруднено в виду сложности нормативно-правового регулирования системы, недостатка специалистов в этой области в команде малых инновационных предприятий и отсутствие производственных мощностей у вузов [6,8]. Так, по нашим данным, из 64 МИП в крае только 7 занимаются производством инновационной продукции мелкими партиями, в числе которых 4 организации имеют

контрактное производство, т.е. работают по системе аутсорсинга.

Поведенный нами анализ показал, что задача организации высокоэффективных рабочих мест, в первую очередь для научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава вузов, аспирантов и студентов вузов выполняется только при условии и на средства грантовой поддержки.

Также следует отметить, что объем бюджетного финансирования малых иннова-

ционных предприятий края с 2009 по 2017 год составил порядка 100 млн. руб. при валовой прибыли 48 млн. руб. Поступления в бюджет, учитывая пониженные тарифы страховых взносов, около 6 млн. руб.

Малые инновационные предприятия, как инструмент развития инновационной системы региона, не обеспечивают в должной мере роста доли инновационной продукции в общем объеме товаров (рис. 6).

Рисунок 6 – Доля инновационной продукции в общем объеме товаров, работ, услуг в Алтайском крае

Доля инновационной продукции в общем объеме товаров (работ, услуг), которая в Алтайском крае если и имеет тенденцию к росту и достигает в 2018 году 6%, то слабо коррелирует с динамикой создания МИП в регионе.

Таким образом, главные индикаторы развития инновационной системы региона за

исследуемый период не обеспечиваются за счет роста числа малых инновационных предприятий, что свидетельствует о недостаточной эффективности МИП и требует дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Дьяченко О.Н. и др. Особенности механизма государственной поддержки малых инновационных предприятий в сфере услуг при ВУЗах // Российский экономический интернет-журнал, 2017. № 1. С. 14-14.
2. Кузнецова О.Н., Мишина М.Ю. Развитие малого инновационного бизнеса с учетом географической специализации, как фактор экономического роста региона // Вестник Брянского государственного университета, 2015. № 3.
3. Морковина С.С. и др. Эффективная инновационная инфраструктура поддержки предпринимательской деятельности. 2015.
4. Омарова Н.Ю., Бурдо Е.С. Кластерный подход к созданию малых инновационных предприятий: российский и зарубежный опыт // Учредители и издатели, 2015. С. 195.
5. Попова Ю.С., Санду И.С. Методика оценки функционирования малых инновационных предприятий при образовательных организациях // Вопросы региональной экономики, 2017. Т. 32. № 3. С. 73-82.

6. Сайбель Н.Ю., Совмиз А.Ш. Перспективы развития инновационного предпринимательства в России // ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА, 2018. С. 6-14.
7. Терехова С., Губанова Е. Активизация инновационного процесса в регионе, Litres, 2017.
8. Угарова Ю.В., Очековская Л.П., Маевич М.С. Выявление проблем взаимодействия научно-образовательных организаций и бизнеса в России и за рубежом // Менеджмент в России и за рубежом, 2017. № 4. С. 72-77.
9. Шамин А.Е., Чернов В.А. Территориальные кластеры как основа развития инновационной инфраструктуры региона // Инновации и инвестиции. 2015. № 8. С. 2-5.

УДК 352

Территориальная организация местного самоуправления в Республике Бурятия: проблемы и перспективы

О.С. Тулохонов, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории, государственного и муниципального управления,
Э.З. Цыренжапов, магистрант,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (ФГБОУ ВО «БГУ»),
г. Улан-Удэ

В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на процесс территориальной организации местного самоуправления в Республике Бурятия. Это низкая плотность населения, неравномерное расселение, неразвитая транспортная инфраструктура. Показана тенденция сокращения (преобразования) количества поселений в муниципальных районах Республики Бурятия и опыт территориальных преобразований муниципальных образований в субъектах российской Федерации. Выделены основные риски и преимущества оптимизации территориальной организации муниципальных образований региона через объединение и ликвидации двухуровневой системы управления на местах.

Республика Бурятия, местное самоуправление, территориальная организация, муниципальное образование, муниципальный район, поселение, городской округ.

The territorial organization of local government in the Republic of Buryatia: problems and prospects

O.S. Tulokhonov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Economic Theories, State and Municipal Administration,
E.Z. Tsyrenzhapov, Master student, Banzarov Buryat State University(BSU), Ulan-Ude

The article discusses the main factors influencing the process of territorial organization of local self-government in the Republic of Buryatia. These are low population density, uneven resettlement, undeveloped transport infrastructure. The tendency of reduction (transformation) of the number of settlements in municipal districts of the Republic of Buryatia and the experience of territorial transformations of municipal formations in the subjects of the Russian Federation are shown. The main risks and benefits of optimizing the territorial organization of municipalities in the region through the merger and liquidation of a two-tier system of local governance are highlighted.

Republic of Buryatia, local government, territorial organization, municipality, municipal district, settlement, urban district.

В соответствии с российским законодательством закреплена двухуровневая (1 – городские и сельские поселения; 2 – муниципальные районы и городские округа) территориальная организация местного самоуправления. Однако в ряде регионов данная модель не подходила к действующей социальной инфраструктуре. Поэтому в последнее время активно пересматривают (преобразовывают) территориальную организацию местного самоуправления (в том числе и в Республике Бурятия).

В настоящее время в Республике Бурятия насчитывается двадцать один муниципальный район, два городских округа, шестнадцать городских поселений, двести сорок семь сельских поселений (в том числе 615 сельских населенных пунктов). Причем в 71 сельском поселении (29% от общего числа)

постоянно проживает менее 600 человек.

Основными факторами влияющие на процесс территориальной организации местного самоуправления в Республике Бурятия, являются: низкая плотность населения (табл. 1); неравномерное расселение (больше половины населения региона проживает в (и возле) города Улан-Удэ); неразвитая транспортная инфраструктура (по густоте железных дорог, автодорог с твердым покрытием Бурятия отстает от среднероссийских показателей в разы [7: С.142]). Данные проблемы территориальной организации местного самоуправления наблюдаются и в соседних регионах. Так, в научных работах Е.А. Колодиной [3;С.4] рассмотрена практика территориальной организации местного самоуправления в Иркутской области, и О.К. Прохоровой [4;С.95] эти же вопросы Забайкальского края.

Таблица 1 – Плотность населения Республики Бурятия (на начало 2019 г.)

№	Административно-территориальная единица	Площадь территории, тыс. кв. км	Числ. пост. нас., тыс. чел.	Число жителей на кв. км
1.	Российская Федерация	17 125,2	146 880	8,6
2.	Республика Бурятия	351,3	984,5	2,8
3.	МР «Баунтовский-эвенкийский»	66,8	8,6	0,1
4.	МР «Окинский»	26	5,4	0,2
5.	МР «Северо-Байкальский»	54	11,5	0,2
6.	МР «Муйский»	25,2	9,6	0,4
7.	МР «Еравнинский»	25,6	16,8	0,7
8.	МР «Курумканский»	12,4	13,5	1,1
9.	МР «Баргузинский»	18,5	21,8	1,2
10.	МР «Хоринский»	13,4	17	1,3
11.	МР «Закаменский»	15,3	25,5	1,7
12.	МР «Тункинский»	11,8	20,2	1,7
13.	МР «Прибайкальский»	15,5	26,5	1,7
14.	МР «Кижингинский»	7,9	14,7	1,9
15.	МР «Джидинский»	8,6	23,8	2,8
16.	МР «Бичурский»	6,2	22,5	3,6
17.	МР «Кабанский»	13,5	56,1	4,2
18.	МР «Селенгинский»	8,3	41,7	5,0
19.	МР «Мухоршибирский»	4,5	23,1	5,1
20.	МР «Тарбагатайский»	3,3	21,7	6,6
21.	МР «Заиграевский»	6,6	51,2	7,8
22.	МР «Кяхтинский»	4,7	36,8	7,8
23.	МР «Иволгинский»	2,7	56,6	21,0

Рассчитано по данным Бурстата <http://burstat.gks.ru/> [5].

Из таблицы видно, что минимальная плотность населения наблюдается в северных муниципальных районах и максимальная в тех районах, которые граничат с региональным центром (г. Улан-Удэ).

Плотность населения в большинстве муниципальных районов Республики Бурятия уменьшается в связи с сокращением численности постоянного населения.

Снижение численности постоянного населения муниципальных образований Республики Бурятия в основном обусловлено оттоком населения, так как естественный прирост в 2018 г. во всех муниципальных районах положительный (кроме Кабанского, Северобайкальского, Муйского, Баунтовско-эвенкийского). Уезжает экономически и общественно активная часть населения (в начале молодежь, затем за ними родители, родственники), в связи с учебой, работой, поиском новых возможностей, лучших условий (климатических, социальных, экономических) и т.п. (табл. 2).

Если в целом по республике за 17 лет наблюдается незначительный рост (0,3%), то Муйский район за тот же период потерял 42,2% населения, Северо-байкальский – почти треть.

В связи с вышеназванными проблемами в республике начали упразднять населенные пункты и объединять сельские поселения. Так, в 2007 г. Постановлением Народного Хурала Республики Бурятия в Бичурском муниципальном районе было упразднено село Эдуй. В 2010 г. в Кяхтинском районе были упразднены поселок Ботый и село Мурочи.

Процесс объединения (оптимизации) муниципальных образований фиксируется Министерством юстиции Российской Федерации не только в Республике Бурятия (табл. 3), но и во многих субъектах федерации (преобразования происходили в Иркутской, Вологодской, Липецкой, Архангельской, Саратовской и Астраханской областях, а также Хабаровском крае и в ряде республик).

Таблица 2 – Показатели, характеризующие движение численности населения муниципальных районов Республики Бурятия

№	Административно-территориальная единица	Числ. пост. нас., тыс. чел.		Прирост (снижение) численности населения, %
		2002 г.	2019 г.	
1.	Республика Бурятия	981,2	984,5	0,3
2.	МР «Муйский»	16,6	9,6	-42,2
3.	МР «Северо-Байкальский»	16,4	11,5	-29,9
4.	МР «Джидинский»	32,5	23,8	-26,8
5.	МР «Баунтовский-эвенкийский»	10,9	8,6	-21,1
6.	МР «Кижингинский»	18,2	14,7	-19,2
7.	МР «Мухоршибирский»	28,6	23,1	-19,2
8.	МР «Бичурский»	27,3	22,5	-17,6
9.	МР «Селенгинский»	50,6	41,7	-17,6
10.	МР «Баргузинский»	26,3	21,8	-17,1
11.	МР «Курумканский»	16,2	13,5	-16,7
12.	МР «Тункинский»	24,2	20,2	-16,5
13.	МР «Кабанский»	65,6	56,1	-14,5
14.	МР «Закаменский»	29,7	25,5	-14,1
15.	МР «Хоринский»	19,4	17	-12,4
16.	МР «Еравнинский»	18,8	16,8	-10,6
17.	МР «Кяхтинский»	40,7	36,8	-9,6
18.	МР «Прибайкальский»	28,6	26,5	-7,3
19.	МР «Заиграевский»	50,9	51,2	0,6
20.	МР «Окинский»	4,6	5,4	17,4
21.	МР «Тарбагатайский»	16,3	21,7	33,1
22.	МР «Иволгинский»	26,8	56,6	111,2

Рассчитано по данным Бурстата <http://burstat.gks.ru/> [6].

Таблица 3 – Преобразование поселений в муниципальных районах Республики Бурятия

№	Период преобразования	Объединяемые поселения	Преобразованное поселение	Муниципальный район
1.	05.05.2011	СП «Большелугское», СП «Новодесятниковское»	СП «Большелугское»	Кяхтинский
2.		СП «Тамирское», СП «Убур-Киретское»	СП «Тамирское»	Кяхтинский
3.	08.12.2011	СП «Енхорское», СП «Цаган-Усунское»	СП «Енхорское»	Джидинский
4.	06.12.2012	ГП «поселок Джида»	СП «Джидинское»	Джидинский
5.	25.04.2013	ГП «Танхойское»	СП «Танхойское»	Кабанский
6.	06.05.2013	СП «Иройское», СП «Гаежное»	СП «Иройское»	Селенгинский
7.		СП «Ехэ-Цаган», СП «Селендум»	СП «Селендум»	Селенгинский
8.		СП «Хоринское», СП «Улан-Одонское»	СП «Хоринское»	Хоринский
9.	07.10.2014	ГП «поселок Онохой», СП «Старо-Онохойское»	ГП «поселок Онохой»	Заиграевский
10.	07.07.2015	ГП «город Закаменск», СП «Холтосонское»	ГП «город Закаменск»	Закаменский
11.	14.10.2015	СП «Кульское», СП «Хандагайское»	СП «Кульское»	Хоринский
12.	07.07.2017	СП «Багдаринское», СП «Ципиканское»	СП «Багдаринское»	Баунтовский-эвенкийский

Рассмотрим в качестве примера Баунтовский-эвенкийский муниципальный район Республики Бурятия, который имеет минимальную плотность населения (0,1 чел на кв.

км). В соответствии с законом Республики Бурятия от 31.12.2004 года №985-III «Об установлении границ, образовании и наделении статусом муниципальных образований в Республике Бурятия» на территории данного района образовано 8 (восемь) сельских поселений, из которых 6 (шесть) имеют численность населения менее 500 человек. Последние преобразования в данном районе произошли в 2017 году, где в соответствии с Законом Республики Бурятия от 07.07.2017 №2477-V, были объединены две сельских поселения: «Багдаринское» и «Ципиканское».

Протяженность дорог общего пользования (в том числе с твердым покрытием) составляет 301,8 км, которая соединяет 13 населенных пунктов (с твердым покрытием 8 населенных пунктов) из 24. Остальные 11 населенных пунктов находятся вне транспортной инфраструктуры.

По мнению многих ученых и экспертов, территории с низкой плотностью населения (менее 1 чел. на кв. км), не развитой транспортной инфраструктурой и суровым климатом (район Крайнего Севера) очень сложно выстроить эффективную систему взаимодействия органов местного самоуправления и населения.

Инерционное развитие муниципальных районов Республики Бурятия предполагает дальнейшее преобразование (объединение) сельских поселений. Например, в Баунтовском-эвенкийском районе можно объединить «Витимканское» и «Усть-Джилиндинское эвенкийское» сельские поселения, а также «Северное» присоединить к сельскому поселению «Багдаринское». Однако существуют другие подходы. Так, например, в схожем Северо-Енисейском районе Красноярского края по плотности населения (0,2 чел. на кв. км), природно-климатическим и инфраструктурным условиям создана особая система местного самоуправления – «единое муниципальное образование», которая была поддержана населением на референдуме в 2001 г. и подтверждена Законом Красноярского края от 13.12.2005 г. №16-4196 «О внесении изменений в закон края «Об установлении границ и наделении соответствующим статусом муни-

ципального образования Северо-Енисейский район и образованных в его границах иных муниципальных образований». Данное муниципальное образование наделено статусом муниципального района без наделения поселений, находящихся в границах территории района, статусом городского или сельского поселения. Эта система местного самоуправления (в том числе благодаря бессменному и харизматичному лидеру - И.М. Гайнутдинову) позволила результативно решать задачи общерайонного масштаба, эффективно использовать бюджетные средства, снять проблемы возможных конфликтов во взаимодействиях поселенческих и районных властей, «дележа» ресурсов и полномочий, сформировать единое видение перспектив и направлений развития муниципального образования через принятие единого бюджета муниципалитета, единой программы социально-экономического развития, расстановки приоритетов, осуществлять прямое взаимодействие с краевыми (региональными) органами государственной власти по решению вопросов местного значения. Кроме того, по мнению ряда экспертов, данный единый центр управления (модель территориальной организации), несмотря на отдаление от населения по сравнению с поселенческой моделью, оказывается более понятной жителям.

Схожие процессы по ликвидации двухуровневой системы на местах реализуются и в других субъектах Российской Федерации. Так, в последнее время в Магаданской, Сахалинской, Московской, Калининградской, Иркутской и Тверской областях, а также в Ставропольском крае накопился положительный опыт по преобразованию муниципального района в городской округ, путем объединения всех поселений входящих в состав муниципального района, в одно городское поселение, с наделением статуса городского округа.

К основным недостаткам (рискам) вышеназванной модели можно отнести: ликвидация «кузницы» муниципальных кадров (поселенческий уровень – школа для выявления эффективных управленцев); монополизация власти со всеми негативными последствиями; сращивание бизнеса и власти; отток

населения из населенных пунктов, ставших периферией укрупненных поселений [2; С. 85].

Постоянное изменение плотности и численности постоянного населения в муниципальных районах Республики Бурятия, требуют пересмотра концепции развития местного самоуправления (особенно в отдаленных районах), в части преобразования муниципальных образований. На наш взгляд, в таких

муниципальных районах, как «Муйский», «Северо-Байкальский», «Баунтовский-Эвенкийский» необходимо вводить в практику одноуровневую (районную) систему местного самоуправления, с упразднением муниципалитетов поселенческого уровня. Это позволит с учетом некоторых рисков (которые и так в настоящее время проявляются), получить определенные преимущества, новый импульс в развитии местного самоуправления.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон №131-ФЗ от 06.10.2003 г. Доступ через справ.-правовую систему «Консультант плюс».
2. Зуйкина А.С., Якунина А.В. Последствия преобразования муниципальных образований в Пермском крае: опыт Габухи // Современный город: власть, управление, экономика. 2018. Т. 1. С.84-97.
3. Колодина Е.А. Проблемы территориальной организации местного самоуправления в Иркутской области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. №3 (55). Номер статьи: 5503. Дата публикации: 2018-07-17 [Электронный ресурс]. URL: <https://eee-region.ru/article/5503/> (дата обращения: 21.07.2019).
4. Прохорова О.К. Проблемы территориальной организации местного самоуправления (на примере Забайкальского края) // Известия ИГА, 2011. № 1 (75). С. 95-98.
5. Статистический бюллетень «Оценка численности постоянного населения Республики Бурятия на 1 января 2019 года» [Электронный ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 21.07.2019).
6. Статистический бюллетень «Распределение мигрантов в районном разрезе» [Электронный ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения 21.07.2019).
7. Ташканэ А.С. Анализ транспортной инфраструктуры как элемента регионального развития Республики Бурятия // Вестник Бурятского госуниверситета, 2011. № 2. С. 142-144.

УДК 005.6: 334.01

Влияние государственной политики импортозамещения на повышение качества продукции оборонно-промышленного комплекса

К.О. Ушакова, инженер-конструктор 2 категории,
АО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение», г. Королев, Московская область,
В.Г. Исаев, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Управление качеством и стандартизации»,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

В 2014 году странами НАТО были введены ограничения на поставку импортного оборудования и комплектующих в Российскую Федерацию. В связи с чем, была актуализирована проблема национальной безопасности, решение которой требует разработки и применения целого комплекса мер – экономических, организационных и правовых.

Государство впервые за много лет столкнулось с реальной необходимостью импортозамещения. Вопросы импортозамещения являются стратегически важными, от их решения зависит обеспечение обороноспособности национальной экономики. Государство перешло к стратегии импортозамещения и поддержке отечественного производителя.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 [1] принята Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, которая направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно – сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также недопущение снижения качества жизни населения. А импортозамещение является фактором экономической безопасности государства.

Российский оборонно – промышленный комплекс, импортозамещение, экономическая безопасность, глобализация.

The influence of the state policy of import substitution on improving the quality of products of the military-industrial complex

K.O. Ushakova, the 2nd rank design engineer in Joint Stock Company «Corporation» Tactical Missiles», Korolev, Moscow region,
V.G. Isaev, Candidate of Technical Sciences, head of the Department of Quality Management and Standardization,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

In 2014, Russian Federation was restricted in importing of foreign equipment and component parts by countries that were NATO members. In that situation, the importance of national security issues increased. To deal with those issues, a range of different measures such as economical, organizational and legal were to be applied.

After a long time, once again Russian Federation faced the problems concerning import substitution. National security issues are strategically important, solving these issues effects national economics defense potential. Russian Federation followed the import substitution strategy and started to support domestic producers.

According to the Russian Federation President Decree of 13.05.2017 № 208, Russian Federation Economic Security Strategy was approved up to 2030. That Strategy is to oppose to economic security threats, to prevent any slump in resource and raw materials sphere, production sphere, scientific and technological spheres as well as in financial sphere. Also, the Strategy is to avoid decrease in quality of life. Import substitution is one of the main factors of economic security of any state.

Russian military – industrial complex, import substitution, economic safety, globalization.

Российская Федерация в настоящее время занимает второе место в мире по объему экспорта вооружения и военной техники, поэтому обеспечение качества продукции предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) является одной из самых актуальных задач на сегодняшний день. А импортозамещение является одним из важнейших

факторов, влияющих на качество продукции предприятий ОПК, особенно в условиях действия ограничений на поставку импортного оборудования и комплектующих в Российскую Федерацию, из числа используемых при производстве вооружения. Кроме того, реализация программы по импортозамещению в свою очередь еще стимулирует и развитие

всех отраслей отечественной промышленности и экономики в целом.

Для ликвидации негативного воздействия на ОПК на уровне министерств Российской Федерации были разработаны программы по замене материалов и электронной компонентной базы (ЭКБ) иностранного производства (ИП) на отечественные.

При Правительстве Российской Федерации была образована комиссия по проблемам импортозамещения, в состав которой входили две подкомиссии по отраслевым проблемам ОПК и отраслей экономики гражданского назначения. Программа импортозамещения в ОПК также состояла из двух частей. В первой рассматривались пути решения проблемы замещения поставляемых из Украины изделий и комплектующих их отечественными аналогами, во второй – пути решения проблемы замещения поставок изделий и комплектующих из стран НАТО аналогами отечественного производства. Кроме этого в программе были обоснованы мероприятия, направленные на стимулирование развития национальной промышленности, а также ограничительные мероприятия по поставкам импортной продукции в Россию. Результатом этой программы должно стать снижение импортозависимости в различных отраслях российского ОПК к 2020 году с 75-85% до 30%.

На сегодняшний день безусловное импортозамещение в ОПК труднодостижимо в связи с отставанием в развитии производства микроэлектронных компонентов и технологий их производства, а также из-за недостаточного количества серийно выпускаемых отечественных полных аналогов (функционально – конструктивных) применяемой элек-

тронной компонентной базы и отечественных конструкционных материалов, соответствующих по качеству и характеристикам импортным. Тем не менее, в России существуют предприятия, которые достигли высокого уровня в разработке и производстве микроэлектроники с полным циклом производства.

Также сегодня в поле зрения страны «фотоника». Это одна из перспективных отраслей, она может быть ключевым направлением развития современной науки и техники, ее продукция широко применяется в научных исследованиях, в оборонно-промышленном комплексе, микроэлектронике, машиностроении, медицине и других отраслях.

На ключевых предприятиях ОПК с введением санкций больших изменений в отношении с зарубежными предприятиями – партнерами не произошло. Но возник ряд вопросов с финансированием замены импортных комплектующих. Одними из самых дорогостоящих объектов санкций стали электронная компонентная база, оборудование и технологии, применяемые в производстве и комплектации продукции ОПК. Однако, так как импортное производственное и радиоизмерительное оборудование и технологии в большинстве своем имели отечественные аналоги или иностранные аналоги из стран, не поддерживающих санкции, то основные усилия государства были направлены на разработку мероприятий по импортозамещению материалов и ЭКБ ИП. На 2014 год доля импорта в ОПК по ряду образцов составляла около 75-85%, однако при реализации отраслевых программ импортозамещения процент импорта снизился до 40% (рис. 1) и по прогнозам экспортеров снизится до 5%.

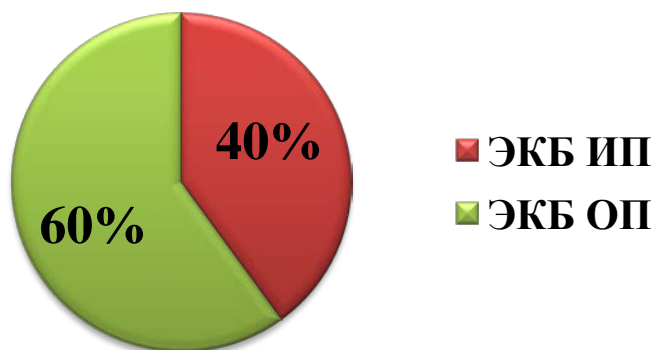

Рисунок 1 – Доли ЭКБ ИП и ЭКБ ОП в ОПК на 2019 год

Анализ возможных мероприятий по импортозамещению на предприятиях ОПК показал, что их можно разделить на:

- 1) **организационные мероприятия** (создание постоянно действующей структуры ответственных лиц и рабочих групп);
- 2) **мероприятия по составлению номенклатуры** ЭКБ и комплектующих материалов (КМ) ИП, подлежащих импортозамещению и ее постоянная актуализация с учетом вновь создаваемых отечественных аналогов;
- 3) **мероприятия по организации работ по импортозамещению** ЭКБ и комплектующих материалов в продукции ОПК;
- 4) **прогнозирование и учет** материальных затрат на импортозамещение.

Кроме того, реализация мероприятий по импортозамещению комплектующих материалов и ЭКБ ИП в образцах вооружения столкнулась с рядом проблем объективного и субъективного характера. Среди них можно выделить отсутствие материалов и электрорадиоизделий (ЭРИ) отечественного производства (ОП) с необходимыми техническими характеристиками, что приводит к необходимости проведения НИОКР по их разработке. В процессе выбора конструктивных решений во многих случаях были применены ЭРИ и КМ ИП, имеющие отечественные аналоги, что свидетельствует о недостаточной осведомленности конструкторов и слабом контроле экспертных организаций. При проведении

НИОКР по разработке отечественных аналогов ЭРИ и КМ импортного производства разработчикам приходится решать вопросы отсутствия отечественных технологий, оборудования, средств измерения и контроля, материалов и сырья. В результате проведения НИОКР во многих случаях получаются ЭРИ и КМ не являющиеся полными аналогами импортных. Проведение НИОКР по разработке существующих ЭРИ и КМ приводит к увеличению отставания в области разработки перспективных ЭРИ и КМ. В результате растут затраты на проведение работ по модернизации и испытаниям существующей аппаратуры в процессе импортозамещения. Все эти проблемы усугубляются отсутствием подготовленных кадров, отечественного программного обеспечения по разработке и низкоуровневому программированию цифровых ЭРИ. Отсутствие специальных подразделений на предприятиях ОПК и информации о результатах замены ЭКБ и КМ импортного производства на отечественные аналоги не повышают эффективность процесса импортозамещения. Особенно необходимо выделить такие проблемы, как многовариантность подходов к решению задач и отсутствие методик оценки эффективности полученных результатов.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в настоящее время существует следующая проблема – «Управление процессом импортозамещения проходит не

так, как планировалось».

Для определения причин, влияющих на качество решения указанной проблемы, и выявления взаимосвязи между решаемой про-

блемой и причинами, ее вызывающими, авторами был проведен причинно-следственный анализ и построена диаграмма Исикавы (рис. 2).

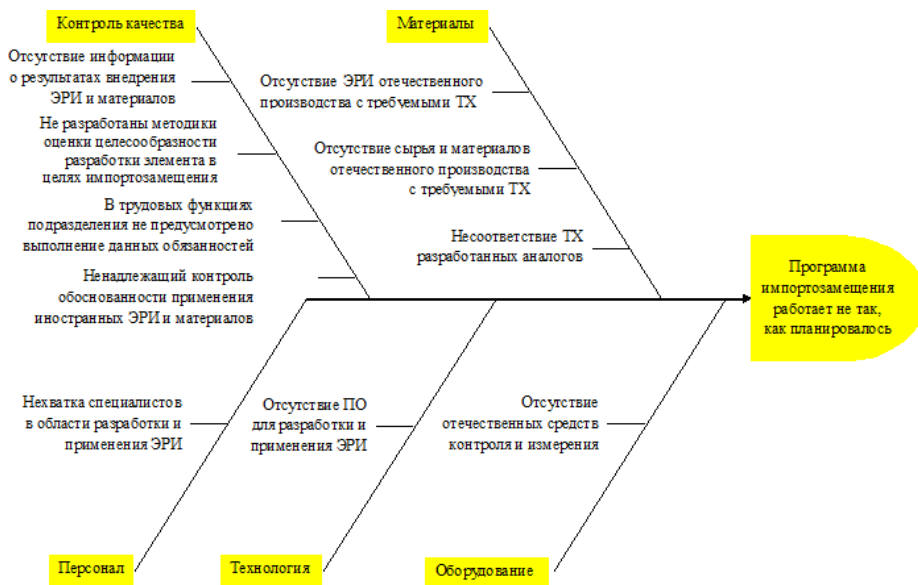

Рисунок 2 – Причинно – следственная диаграмма Исикавы

Причинно–следственный анализ широко используется при оценке качества различных процессов. А диаграмма была использована, потому что с ее помощью можно наглядно показать связь проблемы с причинами ее вызывающими и определить цепочку факторов, влияющих на анализируемую проблему.

В ходе анализа были выделены следующие ключевые категории причин, влияющие на проблему, и проведена их детализация, а именно:

1. Материалы:

– Отсутствие ЭРИ отечественного производства с требуемыми техническими характеристиками. Отечественные изготовители сложно–функциональной ЭКБ недостаточно обеспечены современным технологическим оборудованием;

– Отсутствие сырья и материалов отечественного производства с требуемыми техническими характеристиками. В Российской Федерации практически отсутствует се-

рийное отечественное производство новых материалов для создания передовой ЭКБ (в лучшем случае имеется производство таких материалов в лабораторно–экспериментальных условиях, либо производится размещение заказов на их производство в иностранных фирмах);

– Несоответствие технических характеристик отечественных аналогов ЭКБ требуемым. Отечественные аналоги, как правило, функциональные, поэтому они имеют значительные отличия от их зарубежных прототипов по качеству изготовления, техническим и массогабаритным параметрам.

2. Оборудование:

– Отсутствие у российских изготовителей сложно–функциональной ЭКБ отечественных средств контроля и измерения, в первую очередь для автоматизированных процессов контроля и диагностики. Как правило, отечественные изготовители ЭКБ могут проверить только электрофизические параметры специализированной сложно–функциональной

ЭКБ при мониторинге технологического процесса. Функциональные параметры такой ЭКБ приходится проверять потребителю. Это очень трудоемкая и дорогостоящая операция.

3. Контроль качества:

– Отсутствие информации о результатах внедрения ЭРИ и КМ. В России отсутствуют базы данных об образцах продукции ОПК, в которых применяются отечественная ЭКБ, т.к. производство единичных экземпляров ЭКБ нецелесообразно;

– Не разработаны методики оценки целесообразности разработки конкретного ЭРИ или КМ в интересах импортозамещения. Производство элементов избыточных на мировом рынке налаживать нецелесообразно. Необходимо развивать и производить наиболее критические технологии, такие как ПЛИС (программируемая логическая интегральная схема), матричные фотоприемные устройства (теле-, тепловизионные устройства), СВЧ радиоэлементы, которые находятся в списке запрещенных элементов для экспорта;

– В трудовых функциях подразделения не закреплено выполнение обязанностей по импортозамещению. На предприятиях для выполнения работ по импортозамещению как правило, выделяется от 2 до 5 человек. В их обязанности входит решение вопросов применения ЭРИ, ведение баз данных по ЭРИ, подготовка технико-экономического обоснования на разработку ЭРИ, внесение предложений, работа с поставщиками ЭРИ, запрос характеристик, согласование вопросов применения, проверка применяемых ЭРИ на соответствие разрешенным Перечнем, согласование применения ЭРИ импортного производства, оформление разрешения применения ЭРИ импортного производства (по РЭК 05.002-2015) [4], оформление плановых мероприятий. Однако результаты анализа деятельности подобных групп показывают, что их сотрудники перегружены выполнением своих текущих служебных задач и работами по импортозамещению. Что негативно влияет на качество работ по импортозамещению.

– Ненадлежащий контроль обоснованности применения иностранных ЭРИ и материалов. Обычно ЭРИ импортного произ-

водства применяются на этапе разработки изделия с перспективой их замены на разрабатываемый отечественный аналог. Однако после появления отечественного аналога у производителя появляется нежелание проводить типовые испытания, в связи с их высокой стоимостью. Это приводит к тому, что остается ЭРИ импортного производства. Принятие подобного решения чаще всего обосновывается тем, что применение отечественного аналога приводит к увеличению габаритно-массовых характеристик изделия и невыполнению требований заказчика.

4. Технология:

– Отсутствует программное обеспечение для разработки и применения электро-радиоизделий. В настоящее время вся разработка и проектирование электронных устройств осуществляется с помощью коммерческих комплексных программных средств, разработанных иностранными компаниями. Подавляющее большинство отечественных производителей процессоров и микроконтроллеров используют микроархитектуры и отдельные функциональные блоки лицензированные у западных компаний, преимущественно разработанные британской компанией Arm Holdings. По мнению авторов данная ситуация складывается в связи с недостаточным объемом внутреннего рынка сбыта для рентабельности производства и высоким уровнем конкуренции на мировом рынке.

5. Персонал:

– Нехватка специалистов в области разработки и применения ЭРИ. Это обусловлено в первую очередь отсутствием программ по обучению персонала, построенных на опыте передовых мировых производств.

Рассмотри Лепестковую диаграмму функциональной зависимости поставленных задач импортозамещения и степенью их выполнения (рис. 3). В данной диаграмме представлены следующие задачи:

1. Соотношение количества ЭКБ ИП к ОП – в типовом образце содержится 20% импортной ЭКБ от общего количества;

2. Соотношение количества КМ ИП к ОП – в типовом образце содержится 15% импортных конструкционных материалов от

общего количества;

3. Уровень Государственной поддержки – в настоящий момент нормативное регулирование и сфера ответственности по вопросам импортозамещения закреплена за Минпромторгом России. Минпромторг России оказывает поддержку в рамках Государственных программ Российской Федерации, таких как: Государственная программа Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса», Государственная программа Российской Федерации «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Однако ответственность за организацию мероприятий по импортозамещению ложится на изготовителей изделий ВВСТ (вооружение, военная и специальная техника) с финансированием за счет собственных средств. При этом в большинстве образцов изделий ВВСТ требуется замена сотен типов ЭКБ ИП. Речь, фактически, идет о необходимости проведения отдельной ОКР по модернизации изделия.

ФГУП «МНИИРИП» указывает позиции ЭКБ ИП, для которых открыты ОКР на разработку отечественных аналогов, с последующей заменой на разработанные ЭКБ ОП и проведением испытаний образца ВВСТ.

Отечественные аналоги, как правило,

функциональные. По этой причине они имеют значительные отличия от их зарубежных прототипов по качеству изготовления, техническим параметрам, массогабаритным характеристикам. Кроме того, их стоимость зачастую значительно превышает стоимость зарубежных прототипов.

Замена ЭКБ ИП, требует полного перепрограммирования работы радиоэлектронной аппаратуры, переработки конструкторской и технологической документации, проведения испытаний радиоэлектронной аппаратуры для подтверждения эффективности этой замены.

Все это приводит к необходимости вложения значительных финансовых средств, соизмеримых с затратами на проведение ОКР.

4. Количество ОКР по аналогам – на сегодняшний день открыто 60% ОКР на разработку отечественных аналогов. Малое потребное количество конкретного типа специализированной ЭКБ для конкретной аппаратуры создает сложность с размещением заказов на их изготовление.

5. Эффективность ОКР 70% – Отечественные аналоги, как правило, функциональные. По этой причине они имеют значительные отличия от их зарубежных прототипов по качеству изготовления, техническим параметрам, массогабаритным характеристикам. Кроме того, их стоимость превышает стоимость зарубежных прототипов.

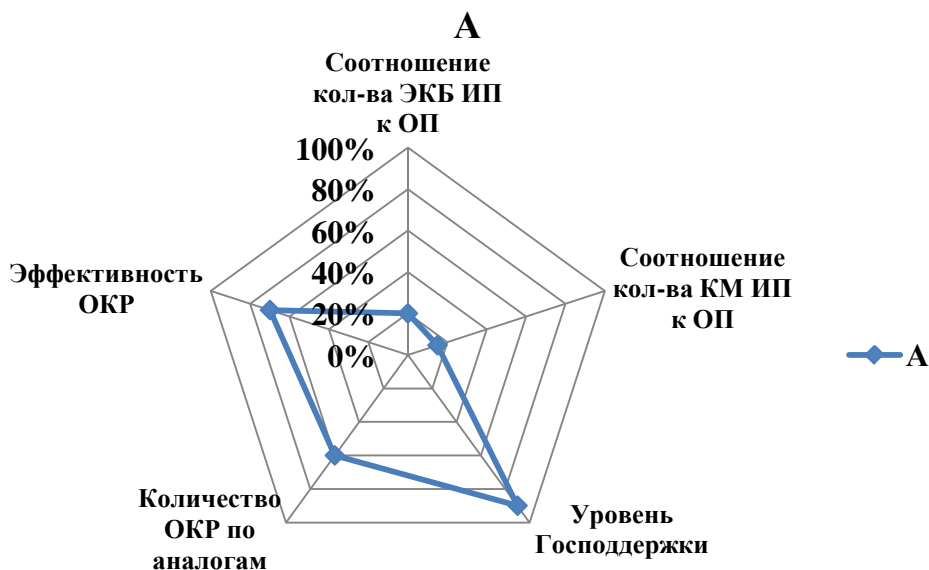

Рисунок 3 – Лепестковая диаграмма функциональной зависимости поставленных задач импортозамещения и степенью их выполнения

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующие выводы.

1. Санкции западных стран привели к прямо противоположному эффекту, в отличие от того, что планировали их авторы. Отечественные предприятия промышленности сумели за последние несколько лет мобилизоваться, найти новые рынки сбыта продукции, альтернативных поставщиков и источники финансирования. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации направило максимум усилий на поддержку проблемных отраслей. Приоритетом программы импортозамещения в России является ОПК, т.к. обороноспособность и экономическая безопасность государства в критический момент не должна зависеть от иностранных поставок комплектующих и материалов.

2. Необходимо перейти к инновационной модели экономического развития, чтобы отечественная продукция соответствовала по качеству и цене импортной и во многом превосходила ее. Для этого в отечественном производстве должны присутствовать различ-

ные элементы развития, такие как ноу-хау, патенты, технологическое оборудование. Продукцию, выпущенную с использованием таких параметров, необходимо поддерживать и продвигать как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

3. Реализацию мероприятий по импортозамещению в оборонно–промышленном комплексе в ближнесрочной перспективе следует осуществлять в два этапа.

На первом этапе целесообразно проводить поиск и оценку потенциальных рисков в рамках проекта импортозамещения. Необходимо определить перечень критических для государства импортных товаров, услуг, технологий, оборудования в стратегически значимых отраслях экономики.

Второй этап заключается в разработке и реализации комплексной программы импортозамещения, обеспечивающей приоритеты межотраслевых и кооперационных связей.

4. В состав мероприятий по импортозамещению в среднесрочной перспективе целесообразно включить:

- увеличение объема производства российских комплектующих;
- открытие заводов мировых производителей ЭКБ на территории Российской Федерации;
- строительство новых предприятий по производству отечественных ЭРИ и КМ;
- организацию форумов и выставок по импортозамещению;
- обеспечение льгот для отечественных предприятий (самым эффективным инструментом для стимулирования производственного, политического и экономического процесса является государственный заказ. Данный инструмент используют прогрессив-

ные страны мира. В России государство инициировало импортозамещение во всех отраслях, и потому выступает в качестве активного и крупного закупщика. В России импортозамещение в государственных закупках регулируется государственным правом, которое закреплено в 44-ФЗ [2] и 223-ФЗ [3]);

- развитие логистических центров;
- создание индустриальных парков (специально организованных для размещения новых производств территорий, обеспеченных энергоносителями, инфраструктурой, необходимыми административно – правовыми условиями, управляемые специализированными компаниями).

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года.
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ от 05.04.2013, ред. от 01.05.2019.
3. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» № 223-ФЗ от 18.07.2011, ред. от 28.11.2018.
4. РЭК 05.002-2015 – Положение о порядке применения электронной компонентной базы иностранного производства в обеспечение разработки, модернизации и производства образцов вооружения, военной и специальной техники. Основные положения. Разработано ФГУП «МНИИРИП», утверждено Минпромторгом России.

УДК 338.45

Инновации в России: региональный и отраслевой аспекты

И.В. Христофорова, доктор экономических наук, профессор, член Гильдии маркетологов, заведующий кафедрой дизайна,

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет», г. Королев, Московская область,

И.И. Идилов, доктор экономических наук, профессор, Директор Института цифровой экономики и технологического предпринимательства, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова, г. Грозный,

М.С. Абрашкин, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет», г. Королев, Московская область

Статья носит обзорно-аналитический характер и подготовлена на основе информации, собранной и обработанной в ходе кабинетных исследований. Используются вторичные данные из сети Интернет, в том числе с сайта Федеральной службы государственной статистики.

Проведенный обзор позволил рассмотреть текущее положение дел в области управления инновациями в Российской Федерации, провести сравнение по отдельным показателям в территориальном и отраслевом разрезе. Выявлены основные проблемы и возможные пути развития инновационной деятельности, показана роль государства в развитии инновационной политики страны, регионов, конкретных отраслей и предприятий.

Конкурентоспособность промышленных предприятий, инновации, инновационная деятельность, управление инновациями, инновационная активность, индикаторы инновационной деятельности, государственная инновационная политика.

Innovation in Russia: regional and industrial aspects

I.V. Khristoforova, doctor of economics, professor, member of the guild of marketers, head of the department of design, State Educational Institution of Higher Education

Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region,

I.I. Idilov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Digital Economics and Technological Entrepreneurship of the Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionschikov, Grozny,

M.S. Abrashkin, Ph.D., associate professor, department of management, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The article is of an analytical and analytical nature and is based on information prepared in the course of desk research. Secondary data from the Internet is used, including from the website of the Federal State Statistics Service.

The review made it possible to consider the current state of affairs in the field of innovation management in the Russian Federation, to make comparisons on individual indicators in territorial and sectoral contexts. The main problems and possible ways of development of innovative activity are revealed; the role of the state in the development of innovative policy of the country, regions, specific industries and enterprises is shown.

Competitiveness of industrial enterprises, innovation, innovation, innovation management, innovation activity, indicators of innovation activity, state innovation policy.

Задача обеспечения конкурентоспособности отечественных промышленных предприятий в современных условиях требует их дальнейшей адаптации к рыночным условиям и активного применения инноваций [1-5]. Растущая популярность проблематики,

связанной с развитием инноваций, их разработкой, внедрением, управлением процессами и ресурсами инновационной деятельности являются неизбежным следствием научно-технического прогресса, и сопровождается поступательное развитие

современного общества.

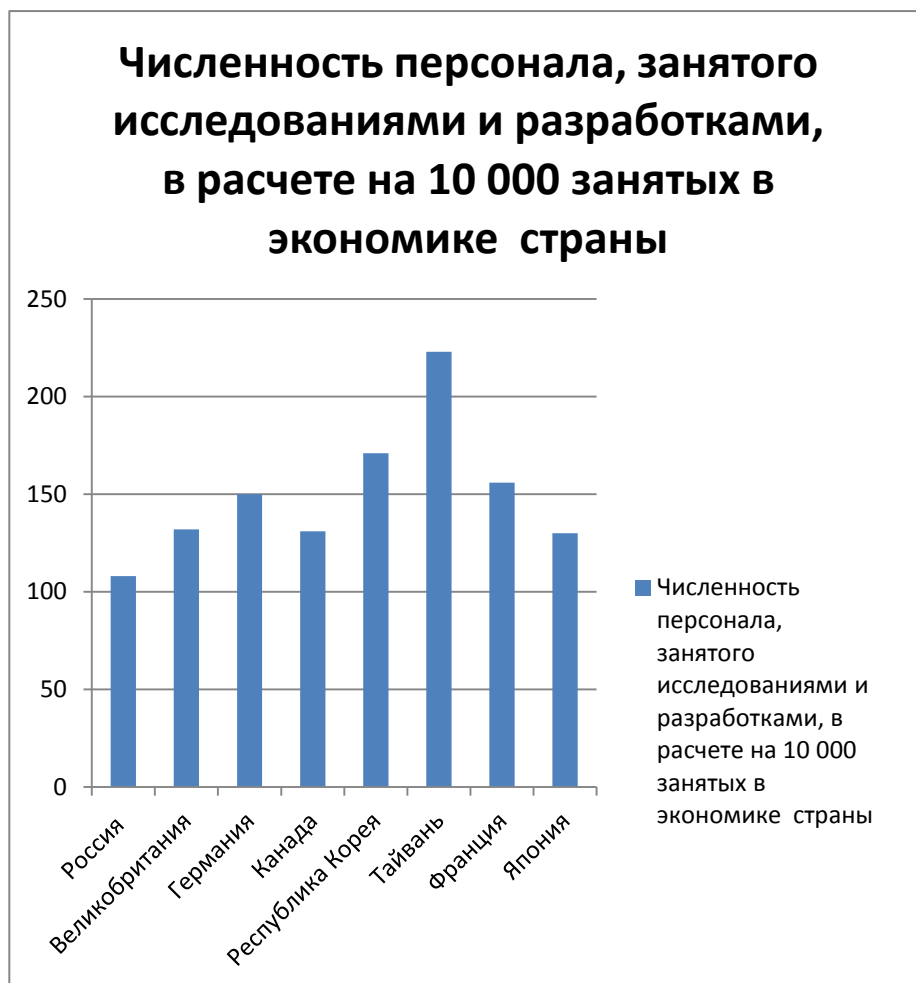

Рисунок 1 – Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в расчете на 10000 занятых в экономике страны по данным [7]

Отечественная экономика, переживавшая значительные изменения в силу социальных и политических «встрясок» (мировые и локальные войны, революция, «перестройка») протекавших в XX веке, тем не менее, сохраняла лидирующие позиции по целому ряду инновационных направлений развития. Однако разрушение сложившейся системы хозяйствования и распад объединенного государства на несколько стран постсоветского пространства сильно ударил по развитию

промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы большинства входивших в СССР государств, в том числе и России. В то время как развитые страны к началу XXI века в большинстве своем преуспели в формировании инновационной системы (они определили направления и приоритеты инновационной экономики, разработали и осуществили государственные программы реформирования или поддержки отраслей-локомотивов инновационного развития), наша страна, пройдя

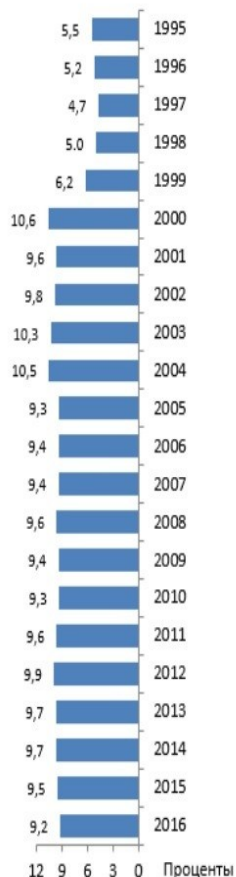
очередной этап геополитических катастроф, вступившая на путь очередного пересмотра социально-экономического уклада, растеряла существенную часть научного потенциала, сформированного в условиях плановой экономики хозяйствования. Это было вызвано многочисленными проблемами, в том числе ликвидацией промышленных предприятий и научно исследовательских институтов, центров, конструкторских бюро, приостановкой финансирования научных разработок, и как следствие, сменой мест работы и эмиграцией научных кадров. Начиная с 1990 по 2000 гг. доля занятых в науке сократилась почти в два раза, а инвестиции в науку снизились до минимального уровня. До настоящего времени численность персонала, занятого исследованиями и разработками в России, в расчете на 10 000 занятых в экономике уступает целому ряду государств. На рисунке 1. представлены данные, при помощи которых можно сравнить эти показатели.

Необходимость изменений в сфере управления инновациями в новых условиях очевидна и требует соответствующих исследований. Анализ инновационной активности часто проводится специалистами в региональном и отраслевом разрезе, демонстрируя тенденции изменений в различных регионах и отраслях. Подобным образом сгруппированы показатели в статистических отчетах «Индикаторы инновационной деятельности» и «Наука. Технологии. Инновации», публикуемых на сайте Федеральной службы государственной статистики. В этих ежегодных сборниках отражаются итоги статистических наблюдений, характеризующих инновационную деятельность в промышленности и сфере услуг по регионам и отраслям Российской Федерации за определенный анализируемый период. Расчетные данные представлены в динамике и иллюстрируют развитие технологических, маркетинговых, организационных инноваций в экономике страны, в том

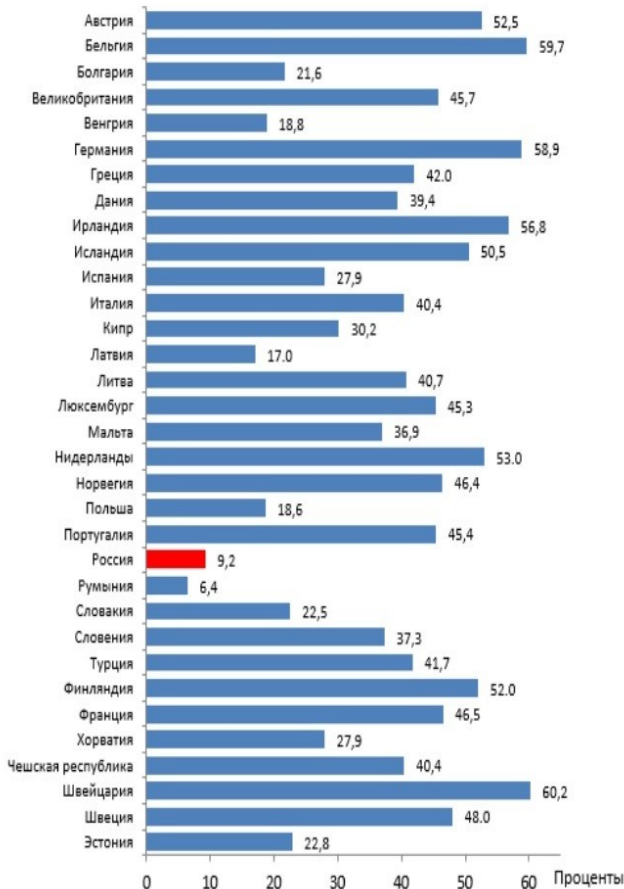
числе с акцентом на данных для различных отраслей. В сборниках отражены показатели, характеризующие уровень инновационной активности, уровень затрат на инновационную деятельность, ее результативность, определены различные факторы, препятствующие внедрению инноваций. Указанные сборники формируются при информационной поддержке таких организаций как: Федеральная служба государственной статистики, Организация экономического сотрудничества и развития, Евростат, а также статистических служб ряда иностранных государств. При подготовке материалов применяются разработки Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ методического и аналитического характера.

Как свидетельствуют результаты последних статистических данных и отчетов по итогам исследований, инновации в России не характеризуются активным применением, более того этот рынок характеризуется стагнацией. В частности, по данным отчетов ВШЭ, уровень инноваций в промышленности, исчисляемый как удельный вес организаций России, осуществляющих технологические инновации, стагнировал в течение последних 10 лет (рис. 2). Если, согласно данным отчетов на 2015 год по показателю инновационного развития промышленного производства традиционно входили республика Татарстан, города Москва и Санкт-Петербург, то по данным, опубликованным в 2019 году на сайте <http://www.gks.ru> [6], в тройку лидеров рейтинга по показателю «Совокупный уровень инновационной активности организаций (в %)» на 2017 год вошли республика Татарстан, Чувашская республика и Липецкая область (рис. 3). При этом Татарстан занял только третью позицию, а Москва и Санкт-Петербург, с результатами в 12, 7 и 16,1% соответственно, и вовсе не вошли по данному показателю в тройку лидеров.

Динамика уровня инновационной активности организаций промышленного производства

Уровень инновационной активности организаций промышленного производства по странам: 2016¹

¹ Или ближайшие годы, по которым имеются данные.

Рисунок 2 – Динамика уровня инновационного развития промышленного производства и место России по уровню инновационной активности среди других стран мира по данным [6, 7]

Однако Российские столицы по-прежнему находятся вне конкуренции, показывая высокие значения по ряду показателей инновационного развития: они предсказуемо лидируют по уровню занятости в наукоемких

отраслях сферы услуг, по уровню образования взрослого населения, по уровню доступности высшего образования.

Рисунок 3 – Регионы лидеры по показателю «Совокупный уровень инновационной активности организаций» (в %) в 2017 году по данным [9]

По мнению аналитиков, сложившиеся тенденции связаны с тем, что активность инновационной деятельности и развитие научно-технического потенциала региона напрямую зависят от характера взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти. Это взаимодействие определяет возможность участия предприятий и организаций региона в государственных и федеральных целевых программах, особенностях управления государственным имуществом, финансирования образовательных и научных организаций, деятельности компаний с государственным участием и т.п. При этом традиционно в основе государственной политики лежит принцип выравнивания, когда государство стремится обеспечить социальные обязательства по созданию равных условий и возможностей в раз-

ных регионах. Однако, несмотря на реализацию вышеназванного принципа, качество инновационной политики, всё-таки, во многом зависит от ресурсов, приоритетов и управленческих навыков в анализируемых регионах. Поэтому аналитики предупреждают, что в случае снижения активности государства от поддержки регионов существует риск возрастания неравенства различных субъектов России по уровню их инновационной деятельности.

Что касается отраслевой дифференциации показателей, то в сравнении со среднеотраслевым показателем удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, то она выглядит следующим образом (рис. 4).

Рисунок 4 – Дифференциация среднеотраслевых показателей удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации по данным [9]

Как видим, лидирует промышленное производство – 9,6%, за ним следуют сфера услуг, сельское хозяйство и строительство с показателями 6,3, 3,1 и 1,1% соответственно.

В 2015 г. на первое место вышли производители летательных и космических аппаратов – 35,9%, а также производители аппаратуры для радио, телевидения и связи – 33,2%. Эксперты оценили отставание среднетехнологичных отраслях в 2-3 раза, в низкотехнологичных – в 5 раз.

В 2017 году к наиболее инновационно

активным секторам экономики были отнесены: производство компьютеров, электронных и оптических изделий (31,9%). Близки к лидерам производители лекарственных средств и материалов, применяемых в медицине (31,6%). Далее следуют производители электрического оборудования, кокса и нефтепродуктов, химических продуктов и веществ со следующими показателями соответственно: 24,1; 23,1; 21,1% (рис. 5).

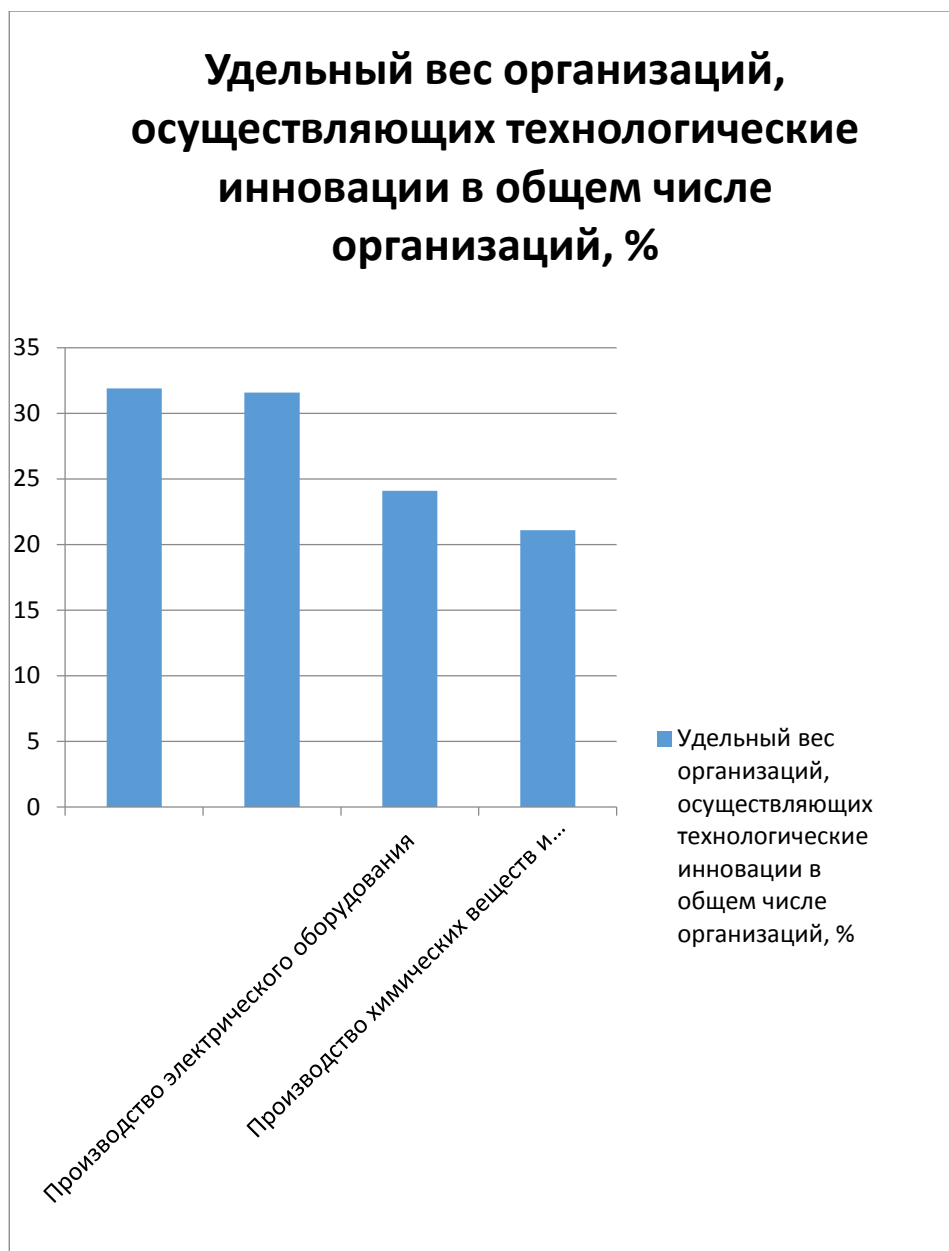

Рисунок 5 – Наиболее инновационно активные сектора экономики по показателю удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации по данным [9]

Такова дифференциация по уровню освоения инноваций. Что касается зависимости инновационного развития от масштабов производств, то специалисты отдают лидерство наиболее крупным предприятиям и организациям, которые удерживают ключевые

позиции в отраслях и на рынках, финансово состоятельны, имеют значительные интеллектуальные ресурсы и обеспечены высококвалифицированными кадрами. Иллюстрируется это в том числе таким показателем: 46,3% отечественных предприятий, отнесенных к

«инновационным» имеют штат более 500 сотрудников [10]. Таким образом, малый бизнес, ограниченный в ресурсах, испытывает заметные проблемы с внедрением инноваций [11].

Опросы представителей организаций промышленного производства подтверждают превалирование экономической составляющей в перечне причин указанных проблем – чаще других они связывают низкую инновационную активность с проблемой финансирования инновационных процессов. Она в свою очередь вызвана недостатком собственных свободных денежных средств, проблемами привлечения финансовых ресурсов со стороны, высокой стоимостью разработки и внедрения инноваций.

В сложившихся условиях развитие национальной инновационной системы должно стать приоритетом государственной инновационной политики, положенным в основу национальных программ инновационного развития страны. В 2005 году были определены основные направления политики РФ в области развития инновационной системы.

В последующие годы разработан целый ряд документов, включающих, программы и стратегии развития, среди которых Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 - 2012 гг.».

За этим последовала разработка Стра-

тегий Развития науки и инноваций в РФ до 2015 г. (в 2006 году) и Инновационного развития РФ до 2020 г. (в 2011 году).

В 2013 году была представлена Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика».

В 2019 году по поручению премьер-министра Дмитрия Медведева Экспертный Совет при Правительстве разработал ряд предложений по развитию инноваций в отечественной промышленности. В него вошли меры по повышению эффективности проектов технического перевооружения предприятий и стимулированию предприятий к внедрению новых технологий. Минпромторг, Минобрнауки, Минэкономразвития и Министерством финансов совместно с Экспертным советом при Правительстве РФ, с привлечением представителей отраслевых ассоциаций, сформулировали предложения по поддержке субъектов экономической деятельности в рамках в финансового и прочих аспектах [12].

Перечисленные меры могут достигнуть поставленных задач только в том случае, если государственная поддержка будет сопровождаться инициативой снизу, повышением инновационной активности со стороны предприятий и организаций с учетом специфики создаваемых инновационных продуктов конкретных отраслей.

Литература

1. Банк С.В. Основные направления решения проблем инвестиционно-инновационного развития малого бизнеса // Финансовая жизнь, 2011. № 2. С. 46-49.
2. Вилисов В.Я. Управленческая среда инновационной системы предприятия. Материалы симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий» // М. ЦЭМИ РАН, 2011.
3. Мачнева В.В., Эльканова, Е.А., Керимова, Л.Т. Технологические платформы и их роль в формирования интеграционных стратегий государства и частного бизнеса в инновационной системе России // Вопросы региональной экономики, 2013. № 1, С. 91-102.
4. Третьяк В.П., Валинурова Л.С. Модели инновационного развития экономики: монография // М.: Издательство «Палеотип», 2010.
5. Третьяк В.П., Тихонова С.А. Экономическая природа национальной инновационной системы // Отраслевые рынки, 2009. № 1-2 (19) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.virtass.ru/ru/16-starye-zhurnaly/36-1-2-19-yanvar-aprel-2009.html> (дата обращения 15.07.2019).
6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 15.07.2019).
7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/12/11/1144786145/niio2019.pdf> (дата обращения 15.07.2019).
8. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2017-11-16_vnedrenie_innovatsij_v_promyshlennosti_rossii_dostiglo (дата обращения 15.07.2019).
9. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2019/05/06/1501882833/ii_2019.pdf (дата обращения 15.07.2019).

10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2016/10/18/661456-innovatsionnaya-aktivnost> (дата обращения 15.07.2019).
11. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/10/20/661683-tsifri-tendentsii-sobitiya> (дата обращения 15.07.2019).
12. [Электронный ресурс]. URL: <http://open.gov.ru/events/5515108> (дата обращения 15.07.2019).

УДК 332.1

Оценка влияния пространственного окружения на социально-экономическое развитие муниципального района

К.Н. Юсупов, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
В.М. Тимирьянова, кандидат экономических наук, доцент,
Ю.С. Токтамышева, кандидат экономических наук, доцент,
Башкирский государственный университет (БашГУ), г. Уфа, Республика Башкортостан,
А.Ф. Зимин, доктор экономических наук, профессор,
Уфимский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Уфа, Республика Башкортостан

В статье представлена методика оценки влияния пространственного окружения на социально-экономическое развитие муниципального района. Она опирается на существующие инструменты оценки состояния и потенциала географического положения муниципальных образований и предполагает последовательное изучение особенностей соседних муниципальных образований, их конкурентного положения, дифференциации и связанности. Комплексный подход позволяет определить потенциал взаимодействия муниципального образования с соседями первого и второго порядка. Методика апробировалась на статистических данных по Благоварскому муниципальному району и его пространственному окружению.

Муниципальный район, пространственный анализ, экономико-географическое положение.

Assessment of the influence of the spatial environment on the socio-economic development of the municipality

K.N. Yusupov, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher,
V.M. Timiryanova, Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer,
Iu.S. Toktamysheva, Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer,
Bashkir State University, Ufa, Republic of Bashkortostan,
A.F. Zimin, Dr. Sci. (Econ.), Professor,
Ufa Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Ufa, Republic of Bashkortostan

The article presents a methodology for assessing the impact of spatial environment on the socio-economic development of municipalities. It relies on existing tools for assessing the state and potential of the geographical location of municipalities. An integrated approach allows to determine the potential of the interaction of the municipality with the neighbors of the first and second order. The methodology was tested on statistical data on the Blagovarsky municipal district.

Municipality, spatial analysis, economic and geographical position.

Сложившиеся тенденции развития в Российской Федерации определяют основные проблемы неравномерности и неоднородности экономического пространства. Среди них согласно проекту Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025г. выделяется нереализованность потенциала межрегионального и межмуниципального взаимодействия, низкий уровень кооперации между субъектами РФ и муниципальными образованиями. Развитие потенциала такого взаимодействия в современных условиях должно опираться на экономически обоснованное построение отношений между муниципальными районами, которому должен предшествовать всесторонний и глубокий анализ. Оценка должна включать последовательное

изучение особенностей соседних муниципальных образований, их конкурентного положения, дифференциации и связанности. При этом анализу должны подвергаться не только соседи 1-го порядка, но и соседи соседей, с тем, чтобы глубже понять взаимозависимость развития муниципальных образований.

В настоящее время сформировалось много инструментов и методик, позволяющих оценивать связи и зависимости, однако они, как правило, в отдельности не раскрывают всех особенностей взаимодействия муниципального образования со своими соседями. Для всестороннего анализа требуется их объединение, позволяющее дополнять и расширять получаемые на предыдущих этапах

оценки результаты.

Методы и инструменты

Оценку влияния пространственного окружения на социально-экономическое развитие муниципального района нами предлагается проводить в несколько этапов.

Первый этап предполагает сравнение значений основных показателей, характеризующих социально-экономическое положение муниципальных образований. Данный этап присутствует в большинстве существующих методов оценки социально-экономического развития муниципального образования [3, 4, 11]. Как правило, в этих методиках рассматриваются экономические и социальные показатели, отражающие качество жизни населения, производственное и инфраструктурное развитие территории, и реже финансовые, характеризующие бюджетную обеспеченность территории. Спектр анализируемых показателей может быть достаточно широк, но как правильно отмечает Яковенко Н.В., их выбор во многом связан с доступностью и достоверностью статистической базы [13]. Учитывая ограниченное количество предоставляемых федеральной службой государственной статистики данных, в минимальный набор показателей, на наш взгляд, на первом этапе могут быть включены следующие три:

- объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя муниципального образования, тыс.руб./чел. (ОСВиНДД);

- объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях, тыс. руб./чел. (ООТСП);

- доходы местного бюджета в расчете на 1 жителя муниципального образования, тыс.руб./чел (ДМБ).

На данном этапе оценка уровня социально-экономического положения может быть осуществлена в соответствии с методикой, представленной в работе Ворошилова Н.В., Губановой Е.С., предусматривающей отнесение предварительно нормированных значений показателей соседних муниципальных обра-

зований (методом расстояний) к одной из групп по уровню развития [3].

Следующим этапом проводится анализ конкурентного положения. По типам взаимодействий конкуренция между муниципальными образованиями может быть вертикальной и горизонтальной [5, 7]. Методов оценки конкурентоспособности муниципальных образований достаточно много [6]. Как правило, они предусматривают расчет интегрального показателя на основе показателей, характеризующих развитие муниципальных образований [9, 12]. Однако в анализе пространственного окружения важна не сама конкурентоспособность, как способность конкурировать. Интерес представляют направления конкурентной борьбы, среди которых, на наш взгляд, наиболее отчетливо выделяются следующие три: (1) сохранение и привлечение человеческих ресурсов; (2) размещение и развитие предприятий, привлечение инвестиций; (3) получение дотаций из регионального бюджета.

В связи с этим, в рамках данного этапа предлагается проанализировать:

- объем субвенций, дотаций и безвозмездных поступлений в бюджете муниципального образования в расчете на душу населения;

- сальдо миграционных потоков;

- численность субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тысяч человек населения;

- объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека.

Соседние муниципальные районы, в которых в расчете на душу населения в сравнении с анализируемым муниципальным образованием выше объем дотаций, инвестиций, миграционное сальдо и численность субъектов предпринимательства рассматриваются как оказывающие конкурентное давление муниципальные образования.

На третьем этапе предлагается провести оценку дифференциации муниципальных образований по рассмотренным выше показателям. Чем выше различия между муниципальными образованиями, тем меньше

общего между ними. При этом если в большинстве затрагивающих эту проблему работ авторов интересует непосредственно значение вариации муниципальных образований [2, 4], то с позиции последующего управления, на наш взгляд, также интерес должно представлять отклонение непосредственно анализируемого муниципального образования от соседних территорий. Основными инструментами анализа здесь могут стать средняя арифметическая, коэффициент вариации и среднеквадратическое отклонение.

На четвертом этапе осуществляется определение «центра тяжести» экономических взаимодействий. Для этих целей может быть использована методика, представленная в работе Поляковой А.Г., Симаровой И.С., согласно которой выделяются 4 вида сил связанности, оцениваемые с помощью гравитационной модели:

- естественные, описывающие ресурсный потенциал, определяемые как произведение численности населения двух муниципальных районов, деленное на квадрат расстояния между их административными центрами;

- динамические, характеризующие активность людей, определяемые как произведение оборота розничной торговли двух муниципальных районов, деленное на квадрат расстояния между их административными центрами;

- экономические, характеризующие массу капитала, определяемые как произведение величины основных производственных фондов двух муниципальных районов, деленное на квадрат расстояния между их административными центрами;

- социальные, возникающие как следствие взаимодействия интересов, определяемые как произведение среднемесячной начисленной заработной платы двух муниципальных районов, деленное на квадрат расстояния между их административными центрами [10].

Проранжировав полученные результаты, мы определяем эпицентры экономической активности с учетом их отдаленности от административного центра анализируемого муниципального образования. Данный этап

позволяет расширить представление о взаимодействии муниципальных образований, полученное в ходе простого сравнения значений показателей.

Пятый этап предполагает корреляционный анализ. Данный метод применялся Бакуменко О.А. для оценки экономической связанности регионов по показателю ВРП. В связи с тем, что аналогичный показатель для муниципальных образований не рассчитывается нами, предлагается ее анализировать в разрезе видов деятельности по показателю объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на 1 человека. Уровень экономической связанности может быть определен по предложенной Бакуменко О.А. шкале [1], согласно которой очень слабая связанность соответствует коэффициенту корреляции, имеющему значение по модулю ниже $|0,4|$, слабая связанность при значении коэффициента по модулю в диапазоне $|0,4|$ - $|0,6|$, средняя $|0,6|$ - $|0,7|$, сильная $|0,7|$ - $|0,8|$.

С целью оценки связанности муниципальных образований на шестом этапе предлагается провести пространственный анализ. Данный подход применялся Хаддадом М.А., Недовик-Будиком З. при анализе индекса развития человеческого потенциала для муниципальных районов Сан-Паулу [15], Уе Х., Уей У. Д. – производства, инвестиций и неравенства уровня жизни в сельской местности в разрезе муниципальных районов провинции Китая Чжэцзяне [18]. Оценка пространственного аспекта в территориальном развитии опирается на исследования, проводимые Мораном П. [17], Анселини Л. [14]. Пространственная зависимость (автокорреляция) в пространственных данных оценивается с помощью индекса Морана и локального индекса Морана. При значении индексов выше нуля – пространственная автокорреляция положительна, т.е. соседние муниципальные образования подобны. Для более высокого качества расчетов предлагается учесть соседей не только первого порядка, но и второго (соседей соседей). На следующем этапе возможна группировка муниципальных образований с

учетом значений учитываемых показателей и их пространственного положения. В основе данного метода группировки, описанного Анселини Л. [14], лежит метод к-средних, предусматривающий центрирование показателей к значениям средних арифметических в группах. Согласно методике данные предварительно стандартизируются, вычисление предусматривает расчёт евклидовых расстояний и учитывает координаты центров анализируемых муниципальных образований. Решение о качестве расчетов делается на основе соотношения квадратов отклонений внутри

групп и между ними.

Основным источником статистической информации для оценки пространственного окружения служит База данных муниципальных образований, размещенная на официальном сайте ФСГС (www.gks.ru).

Результаты анализа

Оценка влияния пространственного окружения на социально-экономическое развитие муниципального района нами проводилась на примере Благоварского муниципального района (рис. 1).

Рисунок 1 – Пространственное окружение Благоварского муниципального района Республики Башкортостан
 Источник: составлено авторами

Для целей исследования выделены 5 соседей 1-го порядка и 12 соседей 2-го порядка. Среди них рассматриваемый район занимает довольно хорошие позиции: 5 место по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях (ООТСП) в 2016г. и 2017г.; 12 место по объему социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя му-

ниципального образования (ОСВиНДД); 4 место в 2016г. и 1 место в 2017г. по доходам местного бюджета в расчете на 1 жителя муниципального образования (ДМБ). Темпы роста ОСВиНДД и ДМБ также довольно хорошие. По темпам роста ООТСП Благоварский район занимает 13 место по итогам 2017г. Таким образом, по доходам местного бюджета Благоварский район может быть отнесен к лидерам, по объему социальных выплат – к перспективному муниципальному району (рис. 2).

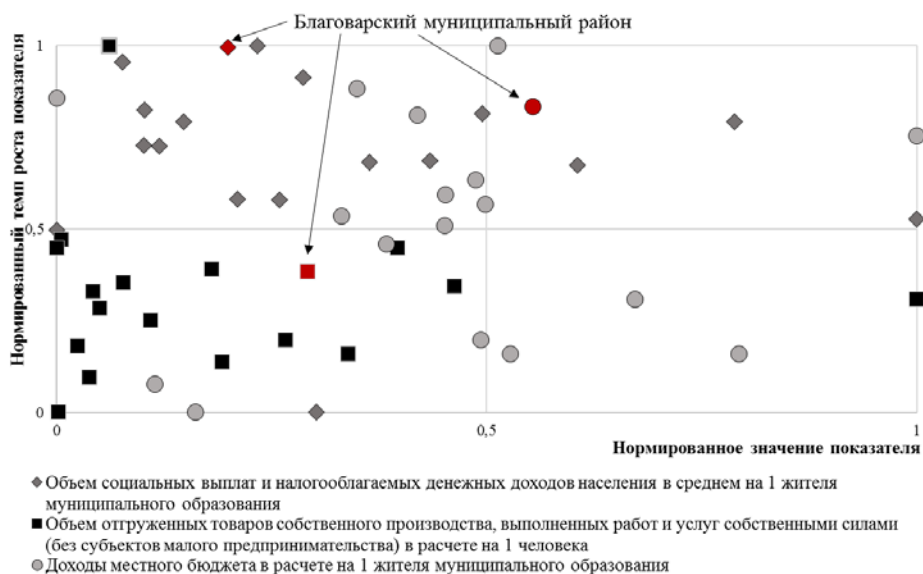

Рисунок 2 – Позиции Благоварского района в 2016г. в сравнении с его пространственным окружением
 Источник: составлено авторами по данным ФСГС

Анализ конкурентного положения показал, что соседям первого порядка Благоварский муниципальный район проигрывает в конкурентной борьбе за размещение и развитие предприятий, при этом имея хорошие позиции в части привлечения инвестиций и незначительно опережает их в получении дотаций. Наглядно ситуация представлена на рисунке 3, где муниципальные районы проранжированы от наилучшего (ранг 1) к наихудшему (ранг 18) значению по четырем показателям, усредненным за 2016-2017гг. Согласно данным ФСГС, миграционное сальдо в большинстве районов отрицательное, однако в

Благоварском районе по сравнению с соседними территориями – положение одно из лучших. Например, среди соседей второго порядка Благоварский муниципальный район значительно проигрывает в борьбе за привлечение ресурсов Уфимскому муниципальному району (в части человеческих, предпринимательских и инвестиционных ресурсов), Шаранскому и Бакалинскому муниципальным районам (в части субвенций, дотаций и безвозмездных поступлений в бюджете муниципального образования в расчете на душу населения).

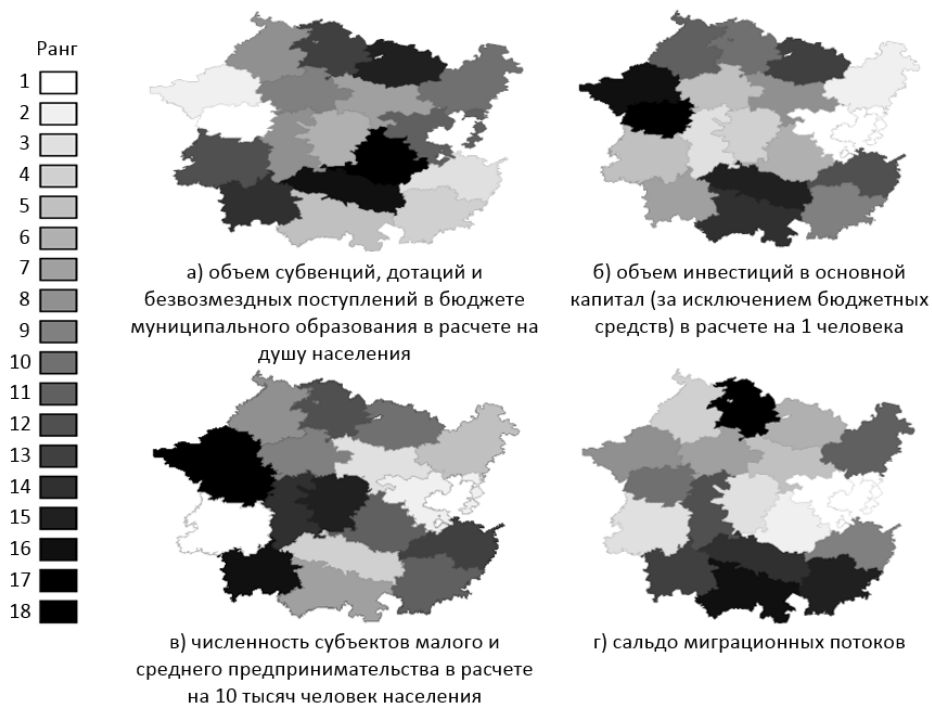

Рисунок 3 – Конкурентные позиции муниципальных районов, определенные по средним значениям показателей за 2016-2017гг.

Источник: составлено авторами по данным ФГС

Анализ дифференциации показал высокую вариацию значения ООТСП. Коэффициент вариации по данному показателю среди соседей 1-го и 2-го порядка составил 102,7% в 2016г. и 116,2% в 2017г., по темпам роста показателя в 2016г. 118%, в 2017г. 105,3%. Наименьшая вариация наблюдается по ДМБ. Коэффициент вариации среди соседей 1-го и 2-го порядка составил 11,2% в 2016г. и 16,4% в 2017г., по темпам роста показателя в 2016г. 5,5%, в 2017г. 10,4%. Анализ данных указывает на более низкую дифференциацию среди соседей 1-го порядка. Только в 2017г. по доходам бюджетов значение коэффициента вариации среди соседей 1-го порядка превышает значение этого коэффициента среди соседей 1-го и 2-го порядка. Это свидетельствует о том, что развитие Благоварского района и его соседей 1-го порядка примерно однотипно. Среди соседей 2-го порядка есть как более развитые муниципальные районы, такие как Уфимский и Благовещенский, так и значительно отстающие. Среди соседей 1-го поряд-

ка Благоварский муниципальный район имеет значения ниже средних по показателям: ОС-ВиНДД и ООТСП.

Для определения «центра тяжести» нами были собраны сведения о расстоянии между административными центрами рассматриваемых муниципальных образований при перемещении на автомобильном транспорте, так как именно в административных центрах, как правило, сосредотачивается экономическая и социальная активность. Автомобильный транспорт взят за основу, так как он самый распространенный вид транспорта, используемый для перемещений на небольшие расстояния. В анализе рассматривались только асфальтированные двухполосные дороги. В ходе сбора сведений было установлено что до двух соседей 1-го порядка (с.Кушнаренково, с. Чекмагуш) расстояние от с.Языкова превышает расстояние до города Уфы и Уфимского района (соседа 2-го порядка). Это влияет на экономическую и социальную связанность с этими территориями. Рас-

чет сил связанности показал, что с.Языково наибольшую динамическую (по потреблению) и экономическую (по массе капитала) связь имеет с Уфимским районом, далее идут г.Туймазы и пгт Чишмы. Наибольшую социальную и естественную (по численности населения) связь имеет с пгт Чишмы, с.Буздяк и Уфимским районом. Наименьшее влияние оказывает среди соседей первого круга Кушнарниковский район, среди соседей 2-го порядка – Аургазинский и Бакалинский районы. Таким образом, с позиции гравитационного влияния так называемые «центрами тяжести» для Благоварского района являются Уфимский, Чишминский, Туймазинский и Буздякский районы. Они могут оказывать наибольшее влияние на его развитие.

Проведенный корреляционный анализ показал, что по ОСВиНДД, связь Благоварского муниципального района с соседями 1-го порядка прямая и существенная. По ООТСП наблюдается прямая тесная связь со всеми районами кроме Кушнарниковского. Здесь коэффициент корреляции составил - 0,06, что согласуется с результатами, полученными на предыдущем этапе, указывающим на то, что данный район имеет слабые связи с Благоварским муниципальным районом. Дополнительно проведенный анализ по объему инвестиций в основной капитал показал отсутствие связи с Буздякским, Чекмагушевским и Кушнарниковским муниципальными районами. Дальнейший анализ предполагает более глубокое исследование связей в разрезе видов экономической деятельности и производимой продукции. Он в частности показал, что производство молока в Благоварском муниципальном районе имеет существенную прямую связь с Буздякским районом и обратную с Давлекановским и Чекмагушевским муниципальными районами. Производство мяса в Благоварском муниципальном районе имеет существенную прямую связь с Чишминским районом и обратную с Буздякским и Чекмагушевским муниципальными районами.

Расчет индекса Морана показал, что муниципальные районы, расположенные по соседству с Благоварским муниципальным

районом имеют слабую пространственную связь. Это в целом является результатом слабого развития межмуниципальных взаимодействий. Проведенные расчеты по методу К-средних с пространственной компонентой, позволили выделить 4 группы муниципальных районов: (1) Уфимский и Благовещенский районы; (2) Туймазинский, Буздякский и Белебеевский муниципальные районы; (3) Илишевский, Дюртюлинский, Бирский, Бакалинский, Чекмагушевский, Кушнарниковский, Шаранский, Буздякский, Благоварский муниципальные районы; (4). Чишминский, Давлекановский, Кармаскалинский. Деление на 4 группы устойчиво в течение 4 последних лет. Квадрат отклонений внутри выделенных групп не намного ниже межгрупповой дифференциации. Таким образом, выделенные группы имеют не очень высокие различия. Наибольшие отличия отмечаются по 1 и 2 группам.

Заключение

Предлагаемая последовательность проведения оценки влияния пространственного окружения на социально-экономическое развитие муниципального района способствует раскрытию различных аспектов взаимодействия муниципального района с его пространственным окружением. В то же время она не лишена недостатка. Совершенствование методики возможно в результате включения этапа оценки потенциала экономико-географического положения и углубления полученных результатов корреляционного анализа.

Потенциал экономико-географического положения, как правило, рассматривается как объем социально-экономических данных соседних муниципальных образований обратно пропорциональный расстоянию до них. Такой подход применялся еще в 1954 г. Харрисом Ч.Д., представлявшим потенциал территории суммой отношений объема розничной торговли регионов-соседей и расстояний между рассматриваемым и соседними регионами [16]. В результате анализа могут быть выделены виды деятельности и муниципальные образования, имеющие наибольший потенциал и перспективные для взаимодействия.

Естественным продолжением корреляционного анализа может стать построение регрессионных моделей с целью количественной оценки влияния изменения факторных переменных на показатели социально-экономического развития муниципального образования. Регрессионный анализ применялся в оценке муниципальных образований Пуляевской В.Л. с целью установления преобладающего вида экономической деятельности как «точки роста» [11]; Лукиным Е.В. с целью определения связи изменения ВРП ре-

гиона с объемом межрегионального вывоза [8]. Данный этап позволит количественно оценить прирост показателей муниципального образования в результате изменения показателей в соседних муниципальных образованиях.

Совершенствование методического инструментария в этом направлении позволит повысить качество стратегических документов, будет способствовать раскрытию потенциала межмуниципального взаимодействия и росту экономик муниципальных образований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00668 А.

Литература

1. Бакуменко О.А. Межрегиональное взаимодействие как фактор развития региональных социально-экономических систем: на примере Северо-Западного федерального округа // автореферат дис. канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2017. 16 с.
2. Ванчикова Е.Н., Корытова Е.В. Оценка пространственной дифференциации муниципальных образований региона по уровню социально-экономического развития // Известия ЮЗГУ. Серия Экономика. Социология. Менеджмент, 2011. № 1. С. 41-47.
3. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2014. № 6 (36). С. 54-69.
4. Гриценко С.В. Статистическая оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований: на примере муниципальных районов Воронежской области // автореферат дис. канд. экон. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
5. Конкурентоспособность регионов: теоретико-прикладные аспекты: коллект. моногр. / Под ред. Ю.К. Перского, Н.Я. Каложной // М.: ТЕИС, 2003. 472 с.
6. Копыченко Г.С. Управление конкурентоспособностью муниципальных образований // автореферат дис. канд. экон. наук. Москва, 2015. 27 с.
7. Копыченко Г.С. Управление конкурентоспособностью муниципальных образований // дис. канд. экон. наук. Москва, 2015. 232с.
8. Лукин Е.В. Межрегиональные связи: состояние и проблемы развития (на примере Вологодской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2012. 6 (24). С. 205-217.
9. Николаева Е.А., Ванчикова Е.Н., Мещеряков С.А. Формирование и оценка конкурентоспособности муниципальных образований региона: монография // Улан-удэ: Изд-во ВСГТУ, 2006. 150с.
10. Полякова А.Г., Симарова И.С. Управление региональным развитием Западной Сибири с учетом связанности экономического пространства // Вопросы государственного и муниципального управления, 2014. № 3. С. 141-161.
11. Пуляевская В.Л. Статистическое исследование уровня экономического развития муниципальных образований на платформе СНС // автореферат дис. канд. экон. наук. Новосибирск, 2015. 24 с.
12. Шеховцева Л.С., Степанова Ю.Р. Методика оценки стратегической конкурентоспособности муниципальных образований: интегральный подход // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 3. С. 32-40.
13. Яковенко Н.В. Депрессивные регионы России: методология, теория, прикладные аспекты: на примере Ивановской области // автореферат дис. д-ра геогр. наук. Воронеж, 2013. 40 с.
14. Anselin L. Spatial dependence and spatial structural instability in applied regression analysis // Journal of regional science, 1990. №30. P. 185-207.
15. Haddad M.A., Nedović-Budić Z. Using Spatial Statisticsto Analyze Intra-urbanInequalitiesand Public Interventionin São Paulo, Brazil // Journal of Human Development, 2006. Vol.7:1. pp. 85-109.
16. Harris Ch.D. The market as a factor of localization of industry in the united states // Annals of the association of american geographers, 1954. 44/4. pp. 315-348.
17. Moran P. The interpretation of statistical maps // Journal of the Royal Statistical Society, 1948. SeriesB, 10. pp.243-251.
18. Ye X., Wei Y.D. Geospatial analysis of regional development in china: the case of Zhejiang province and the Wenzhou model // Eurasian geography and economics, 2005. Vol.46:6. pp. 445-464.

УДК 338.24

Проектное финансирование в обеспечении социально-экономического развития Республики Дагестан

Д.Д. Селимова, аспирант кафедры управления проектами и программами,
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Дагестанский государственный университет народного хозяйства»
(ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»),
г. Махачкала, Республика Дагестан

В статье обоснована важность проектного управления для обеспечения развития и конкурентоспособности экономики Республики Дагестан. Рассмотрены проекты, реализуемые в республике в рамках национальных проектов. Обозначены основные проблемы и приоритетные направления развития проектной деятельности в Республике Дагестан в целях улучшения социально-экономического развития региона.

Проект, экономика, национальные проекты, управление, регулирование.

Project financing in ensuring the social and economic development of the Republic of Dagestan

D.D. Selimova, graduate student, Department of Project and Program Management,
State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Dagestan State University of National Economy» (SAEI HE «Dagestan State University of National Economy»),
Makhachkala, Republic of Dagestan

The article substantiates the importance of project management to ensure the development and competitiveness of the economy of the Republic of Dagestan. The projects implemented in the republic within the framework of national projects are considered. The main problems and priority areas for the development of project activities in the Republic of Dagestan in order to improve the socio-economic development of the region are outlined.

Project, economics, national projects, management, regulation.

Современный этап развития государственного управления характеризуется комплексным воздействием внутренних и внешних факторов, обуславливающих потребность поиска оптимальных и наиболее эффективных моделей управления. Государственная политика по поддержке определенных сфер деятельности осуществляется через бюджет посредством различных программ и проектов. Изменение ситуации влечет за собой смену состава и структуры инструментария государственного регулирования. Уникальные, особые условия каждого государства обуславливают появление различных конкретных форм. Представляется возможным обозначить два компонента – управленческий и обеспечивающий. Управленческий компонент включает в себя планирование и контроль, а также организационно-административные вопросы и их решение. Обеспечивающий компонент, в свою очередь, связан с малыми предприятиями, в частности с их обслуживанием и дове-

дением до них различных ресурсов (финансовых, материально-технических, информационных), государственных заказов и др. При этом статус доминирующего принадлежит управленческому компоненту, так как именно благодаря ему малый бизнес обладает управляемым, устойчивым характером.

Государственная поддержка в целом представляет собой механизм, включающий инвестиционную и кредитно-финансовую поддержку, ликвидацию административных барьеров, нормативно-правовую и законодательную базу, а также меры, связанные с информационным обеспечением и содействием по вопросам организации защиты и безопасности малого бизнеса.

В современных условиях развития российского общества, когда введены жесткие экономические санкции, что существенно ограничивает доступ предпринимательских структур к зарубежным инвестициям и технологиям, роль государства в обеспечении раз-

вития экономических субъектов возрастает. При этом ограниченность бюджетных возможностей характеризует необходимость внедрения проектного подхода в систему государственного управления, в том числе в рамках механизмов государственной поддержки предпринимательских структур и решения наиболее острых социальных проблем.

Программно-проектное управление как на федеральном, так и на региональном уровнях на сегодняшний день является перспективным, что подтверждается опытом зарубежных стран, где для решения множества социально-экономических, экологических и иных проблем активно задействуются различные государственные проекты и программы.

Участие субъектов Федерации в реализации национальных проектов осуществляется через формат региональных проектов, и, следовательно, их структура должна соответствовать структуре одноименных федеральных проектов. Как правило, в каждом субъекте Федерации действует несколько десятков региональных проектов, они включены в состав практически всех региональных программ. Поэтому достаточно сложной становится задача управления этой конструкцией, обеспечения координации действий по реализации проектов, входящих в состав одного национального проекта. Софинансирование расходов субъектов Федерации на реализацию национальных проектов осуществляется путем предоставления трансфертов из федерального бюджета. Важное место в условиях низкой конкурентоспособности национальной экономики занимает разработка мер стимулирования инновационного развития на региональном уровне, где особая роль принадлежит финансово-экономическому инструментарию. Поскольку сфера инноваций является высокозатратной, то в качестве основного источника ее финансирования и стимулирования выступает бюджет, формируемый органами государственной власти.

Финансовое стимулирование инновационной деятельности органами власти субъекта РФ за счёт бюджетных источников может осуществляться:

1) Посредством участия в инноваци-

онных проектах, включая участие в проектах, программах и участие в развитии региональной инновационной инфраструктуры. При использовании инструментов прямого финансирования инновационного развития региона определенных результатов можно достигнуть только при условии, что начальные этапы развития инновационной системы регионального уровня (когда еще нет механизмов взаимодействия между всеми контрагентами на рынке, а требуемая инфраструктура не создана) будут характеризоваться достаточным размером денежных ресурсов в бюджете. Иными словами, эффект от прямого вливания финансовых средств является краткосрочным, вследствие чего прекращение финансового обеспечения способно спровоцировать неустойчивое развитие региональной экономики. Поэтому к данным инструментам можно прибегнуть в трёх случаях:

- с целью защиты и развития ряда стратегически важных отраслей и предприятий для государства;
- во время начального этапа развития региональной инновационной системы;
- при наличии значительного объёма финансовых ресурсов, которыми располагает бюджет территории.

2) Посредством применения способа финансирования, используя прямое финансирование или косвенное финансовое стимулирование инноваций в регионе. Косвенное стимулирование инновационного развития региона предполагает использование финансового, налогового, таможенного, гарантийного, страхового инструментария. В целях поддержки инновационной деятельности государство либо региональные органы власти могут применять механизм субсидирования, а также устанавливать специальные условия расчета и выплаты налоговых платежей, предназначенных для бюджетов различных уровней (то же самое относится к таможенным и страховым тарифам и взносам). Стимулирование инновационного развития осуществляется посредством сокращения рисков инновационной деятельности и роста мотивации у хозяйствующих субъектов к реализации инновационно-ориентированных проектов.

В сфере распределения бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ Республики Дагестан, были запланированы и утверждены расходы на реализацию различных программ в следующих размерах (табл. 1) [4].

Таблица 1 – Распределение бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ РД (млн. руб.)

Наименование расходов	Бюджет				
	2014	2015	2016	2017	2018
Развитие экономики	8 788,2	12 215	15 358,8	9 379,6	9 636,1
Общегосударственные вопросы	3 042,7	3 094	3 567,1	3 780,2	4 496,7
Социальное развитие	72 343,9	71 454,4	69 162,3	76 513,6	82 694
Обеспечение безопасности и правопорядка	697,1	676,6	571,6	724,6	800
Итого:	84 871,9	87 440	88 659,8	90 398,0	97 626,8

Как и в текущем году, приоритетными направлениями расходов республиканского бюджета РД за 2014-2018 гг. являются расходы социального характера, на которые было направлено более 70% республиканского бюджета РД.

Для решения острых социально-экономических проблем в республике наблюдается увеличение объема финансирования по ряду направлений: строительный, социально-инновационный, топливно-энергетический и туристско-рекреационный комплекс. На основании материалов проекта документа «Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года», подготовленных Министерством экономики РД, объемы финансирования по обозначенным направлениям существенно изменились по сравнению с данными за 2015 г: если по обозначенным выше направлениям прослеживается увеличение объема финансирования, то по таким направлениям как торговло-логистический, промышленный и агропромышленный комплексы, наоборот наблюдается снижение потребности в увеличении объемов финансирования (табл. 2) [10].

В современных условиях формирования программных бюджетов значительная часть расходов на прямое участие в финансировании и стимулировании инновационного развития регионов осуществляется в рамках

национальных проектов.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определены основные направления стратегического развития Российской Федерации, в рамках которых разработаны и уже реализуются 12 национальных проектов [1].

Для РД участие в реализации национальных проектов является уникальной возможностью для решения устоявшихся десятилетиями проблем экономического развития региона. Реализация национальных проектов позволит республике наиболее полно использовать внутренние ресурсы и адресно направить их на решение поставленных в Указе задач [2, С.4].

Согласно данным, представленным Правительством республики, Дагестан начиная с 2019 года принимает участие в реализации проекта о стратегических целях и национальных задачах Российской Федерации, состоящего из 12-ти национальных проектов, в рамках которых на сегодняшний день реализуются 67 федеральных проектов. Кроме того, в 2019 году Республика Дагестан принимает участие в реализации 48 федеральных проектов в рамках 10 национальных проектов [5].

Таблица 2 – Оценка потребности и источников финансирования направлений развития РД (млн. руб.)

Комплекс / Источник	Объем финансирования	Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Внебюджетные источники
Торгово-транспортно-логистический комплекс				
2015	40 767	21 282	5 247	14 237
2016	33 921	20 597	5 920	7 404
2017	30 025	14 987	5 926	9 112
2018	28 751	15 900	3 419	9 432
2019	21 542	10 970	2 364	8 208
Промышленный комплекс				
2015	15 031	10	192	14 829
2016	6 964	10	203	6 751
2017	3 383	10	193	3 180
2018	3 583	10	193	3 380
2019	4 583	10	193	4 380
Агропромышленный комплекс				
2015	20 776	5 603	3 786	11 387
2016	18 536	5 003	3 673	9 861
2017	20 496	3 040	3 113	14 342
2018	18 301	3 087	2 209	13 006
2019	17 653	3 123	2 193	12 337
Строительный комплекс				
2015	34 482	2 875	1 914	29 692
2016	37 242	1 958	1 357	33 927
2017	37 563	1 335	1 247	34 981
2018	38 375	1 335	1 247	35 793
2019	40 378	1 335	1 247	37 796
Топливо-энергетический комплекс				
2015	6 907	100	495	6 312
2016	7 194	100	210	6 883
2017	13 333	100	210	13 023
2018	15 000	100	210	14 689
2019	9 695	100	210	9 384
Социально-инновационный комплекс				
2015	54 167	21 072	14 807	18 288
2016	50 987	20 353	13 392	17 242
2017	51 549	20 091	13 531	17 927
2018	54 103	20 666	13 986	19 451
2019	54 804	20 805	14 333	19 666
Туристско-рекреационный комплекс				
2015	10 470	251	291	9 929
2016	12 099	276	294	11 529
2017	12 529	179	268	12 082
2018	11 217	0	226	10 991
2019	12 292	0	226	12 066

По национальному проекту «Наука», основной целью которого является развитие научно-производственной сферы и поиск практического применения научных исследований, в настоящее время ведется работа с вузами и научными учреждениями Республики Дагестан для обеспечения участия республики в конкурсных процедурах, проводимых в рамках мероприятий нацпроекта в 2019 году. Также прорабатывается вопрос с соответ-

ствующими федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации об участии Республики Дагестан в реализации комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Общий объем финансирования по всем региональным проектам Республики Дагестан на 2019 год составляет 17 млрд. рублей, в том числе из федерального бюджета более 14 млрд. рублей. По отчетным данным Прави-

тельства Республики Дагестан реализация региональных проектов в 2019 году осуществляется на основании соглашений о предоставлении субсидий и иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджету республики, а также индикативных (не денежных) соглашений между руководителями федеральных и региональных проектов [5].

В рамках национального проекта «Демография», основной целью которого является достижение показателей, обозначенных в указе Президента России от 7 мая 2018 года (увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 67 лет, увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7, увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, увеличение до 55% доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом), Республика Дагестан принимает участие во всех 5 федеральных проектах, в рамках которых разработаны различные региональные проекты. Общий объем финансирования проектов на 2019 год составляет 5343,3 млн. рублей [5]. Согласно данным, предоставленным Министерством труда и социального развития Республики Дагестан, на сегодняшний день осуществляется реализация ряда мероприятий по предоставлению ежемесячной денежной выплаты семьям в связи с рождением первого ребенка [7]. Также важным аспектом в реализации настоящего проекта является создание условий для выхода женщин, имеющих детей, на работу, а также полное обеспечение доступности дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет. На сегодняшний день имеет место проблема недостаточного количества мобильных бригад, предоставляющих услуги гражданам в сельской местности. Для решения данной проблемы подведомственными учреждениями Министерства труда и социального развития Республики Дагестан сформированы технические задания для приобретения автотранспорта, на закупку которого в 2019 году из федерального бюджета выделено 49,4 млн. рублей.

В рамках национального проекта «Здравоохранение» из 8 федеральных проектов Республика Дагестан принимает участие в

7 из них, за исключением проекта «Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий», поскольку реализация данного проекта входит в компетенции федеральных органов исполнительной власти. Общий объем финансирования проектов на 2019 год составил 3188,5 млн рублей. По отчетам Минздрава Республики Дагестан в 2019 году финансируется строительство 11 учреждений здравоохранения, также выделены средства из регионального бюджета на закупку санитарного транспорта [3]. Благодаря широко организованной работе, в рамках которой ударение делалось на разъяснительном аспекте, удалось убедить граждан в том, что участие в вакцинопрофилактике и диспансеризации является делом нужным и крайне важным. Однако полностью не удалось обеспечить устранение проблем, связанных с организацией медпомощи. Невзирая на наличие положительной динамики, в соответствии с предоставляемой Минздравом республики статистикой, качество медицинского обслуживания по-прежнему остается в глазах граждан на неудовлетворительном уровне. В частности, республиканские медицинские учреждения требуют переоснащения или дополнительного оснащения качественным оборудованием, а также проведения ремонтных работ. Кроме того, имеются проблемы с укомплектованностью и уровнем профессиональной подготовки медицинских кадров. Как отмечает РИА «Дагестан» согласно анализу специализированных Интернет-ресурсов, наиболее острой темой врачебных обсуждений является низкая фактическая заработная плата при очень высокой нагрузке.

В рамках национального проекта «Образование» из 10 федеральных проектов Республика Дагестан принимает участие в 8 из них. На строительство образовательных учреждений в рамках настоящего проекта выделено 4 млрд рублей. Общий объем финансирования проектов на 2019 год составил 4 565 млн рублей [6]. Реализация проекта направлена на обеспечение поддержки общеобразовательных организаций, расположенных в сельской местности и малых городах и обнов-

ление их материально-технической базы. Кроме того, важным моментом является планируемая модернизация региональной системы образования и формирование целевой модели дополнительного образования, что позволит к 2024 году увеличить численность детей, охваченных программами дополнительного образования естественнонаучной и технической направленностей, до 85%. Среди ключевых проблем воплощения проекта в жизнь следует выделить низкий уровень оплаты труда преподавательского состава и старение кадров, а также недостаток профессиональной подготовки педагогов, связанный со снижением качества подготовки выпускников педагогических ВУЗов.

В рамках национального проекта «Жилье и городская среда» на территории Республики Дагестан предусмотрена реализация 3 федеральных проектов, общий объем финансирования которых на 2019 год составил 1001,2 млн. рублей [6]. В рамках регионального паспорта национального проекта развития «Жилье и городская среда» в Республике Дагестан на 2019 год предусмотрен ввод жилья в объеме 740 тысяч м. В общей сложности в рамках нацпроекта, согласно данным Министра Республики Дагестан, планируется усовершенствовать механизмы финансирования жилищного строительства [8]. Кроме того, запланирована модернизация строительной отрасли и повышение качества индустриального жилищного строительства, стимулируя внедрение передовых технологий, а также создание механизмов переселения граждан из непригодного для проживания жилищного фонда с соблюдением их жилищных прав.

В рамках национального проекта «Экология» Республика Дагестан принимает участие в 6 федеральных проектах из 11. Общий объем финансирования проектов на 2019 год составил 192,6 млн рублей [6]. Целью проекта является улучшение экологической обстановки в стране. В ходе реализации проекта в республике согласно отчетности по реализуемым проектам Министерства природных ресурсов и экологии Республики Дагестан планируется увеличить площадь лесо-

восстановления на землях, не переданных в аренду, на 2,7 тыс. га.

Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги» включает в себя 4 федеральных проекта. Общий объем финансирования проектов на 2019 год составил 1649,2 млн. рублей [6]. Реализация настоящих проектов направлена на ремонт, капитальный ремонт и реконструкцию автомобильных дорог Махачкалинской городской агломерации и дорог республиканского и межмуниципального значения, а также на снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в Республике Дагестан согласно данным УГБДД МВД по Республике Дагестан в 3,5 раза по сравнению с 2017 г. В 2019 году на развитие дорожной сети городов республики выделено 638 млн. руб.

Министерством информатизации, связи и массовых коммуникаций Республики Дагестан в рамках национального проекта «Цифровая экономика» разработаны 6 региональных проектов [9]. В настоящее время идет работа по актуализации регионального Реестра информационных систем. Подготовлены предложения по внесению изменений в Постановление о внедрении Системы электронного документооборота с учетом требований по информационной безопасности и переходу на юридически значимый безбумажный документооборот.

В рамках национального проекта «Культура» Республика Дагестан принимает участие в реализации всех федеральных проектов. Общий объем финансирования проектов на 2019 год составил 172,4 млн. рублей [6].

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» включает в себя 5 федеральных проектов. Общий объем финансирования проектов на 2019 год – 813,2 млн. рублей [6]. В Республике Дагестан обеспечен доступ субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) к экспортной поддержке, в том числе с привлечением Торгово-промышленной палаты региона и административно-территориальных

образований. Кроме того, предусмотрены мероприятия по докапитализации Фонда микрофинансирования субъектов МСП Республики Дагестан и Регионального гарантийного фонда республики. Основное финансирование по инвестиционному развитию в 2019 году идет по линии федерального бюджета, в том числе Минкавказа Российской Федерации, в тесном контакте с которым сегодня осуществляются два инвестиционных проекта.

Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» включает в себя 5 федеральных проектов, согласно данным Минэкономразвития Республики Дагестан, общий объем финансирования которых в 2019 году составил 132,7 млн. рублей [6]. Ключевые цели нацпроекта: нарастить долю экспорта сельскохозяйственной продукции, товаров обрабатывающей промышленности и услуг в российском ВВП; нарастить экспорт несырьевой неэнергетической продукции; создать в рамках Евразийского экономического союза эффективную систему разделения труда и производственной кооперации с целью увеличения роста собственных объемов накопленных взаимных инвестиций и улучшения торговых отношений между странами-членами ЕАЭС.

Проведение мониторинга хода реализации региональных проектов и отчетность по ним предусматривает обеспечить с использованием государственной интегрированной информационной системы «Электронный бюджет». В настоящее время на федеральном уровне еще не в полной мере отработана система отчетности в данном электронном ресурсе, что значительно снижает эффективность взаимодействия регионов с федеральными органами исполнительной власти.

На данном этапе организации работы в Республике Дагестан по реализации мероприятий национальных проектов важно обеспечить эффективного взаимодействия органов исполнительной власти с органами мест-

ного самоуправления муниципальных образований республики [2, С.8].

Таким образом, в условиях реализации национальных проектов РФ основным инструментом финансового стимулирования развития экономики региона выступает бюджет, как посредством программных, так и непрограммных расходов. Проводить выбор инструментов финансового стимулирования инновационной деятельности необходимо, учитывая, с одной стороны, источники, из которых регион способен черпать внутренние финансовые средства, оценивая финансово-инвестиционный потенциал территории, а с другой – принимая во внимание наличие самого объекта вливания финансовых средств, а также присущие ему качества.

Что касается реализуемых на сегодняшний день национальных проектов, то следует признать их успешность исходя из того, что в новейшей истории РФ с их помощью впервые реализуется социально-ориентированный проектный подход. Весь комплекс отношений, пронизывающий правовую область и сферу, связанную с управлением национальными проектами, требуется подвергнуть детальному научному анализу в целях распространения проектно-ориентированного управления (как в теоретическом, так и в практическом аспектах) в вертикальном и в горизонтальном направлениях. При этом, разрабатывая рекомендации относительно того, как сформировать эффективный административно-правовой механизм, посредством которого возможно регулирование процесса реализации национальных проектов, представляется возможным успешно применять международные стандарты в данной области, предварительно переработав их с оглядкой на то, что государственное управление обладает определенными национальными особенностями, заключающихся, прежде всего, в ресурсной специфике и ощутимой разнице в социально-экономическом развитии.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

2. Абидов М.Х., Исмаилова Ф.Н. Об участии Республики Дагестан в реализации национальных проектов в 2019 году // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. Изд-во: ГАОУ ВПО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства»(Махачкала), № 2, 2019. С. 3-8.
3. 70 машин скорой помощи закупят в Дагестане за счет региона [Электронный ресурс]. URL: <http://minzdravrd.ru/news/item/1413>.
4. Бюджет для граждан [Электронный ресурс]. URL: <http://minfinrd.ru/byudzhets-dlya-grazhdan>.
5. В рамках госпрограмм и нацпроектов Дагестану будет выделено в 2019 году 17 млрд. рублей субсидий [Электронный ресурс]. URL: <http://mprdag.ru/respublikanskiye-novosti/item/id/1167>.
6. Официальный сайт Правительства Республики Дагестан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-dag.ru>.
7. Программы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dagmintrud.ru/info/programmy>.
8. Программы и проекты [Электронный ресурс]. URL: http://minstroy.e-dag.ru/uchastie_v_tselevykh_i_inykh_programmakh.
9. СМИ о нацпроектах [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyazrd.ru/o-natsproektakh>.
10. Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://old.minec-rd.ru/data/cont/1304499593/1371107560/1371108076/1371650072.pdf>.

УДК 657

Развитие системы учетного, контрольного, аналитического обеспечения управления тактикой и стратегией развития крупной компании холдингового типа

А.А. Бондаренко, аспирант,

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва

Данная статья базируется на определении ключевых позиций предлагаемого автором вертикально-горизонтального функционирования Департамента координатинга в ОАО «РЖД», совмещающего функции учетного, контрольного, аналитического обеспечения управления тактикой и стратегией развития крупной компании холдингового типа.

В статье рассматриваются дискуссионные аспекты выбора системы учетно-контрольного и аналитического сопровождения управления тактикой и стратегией развития компаний железнодорожного транспорта, путем сведения всех информационных потоков в один, используя автоматизацию учета, контроля, управленческих процессов, внедрение электронного документооборота, электронной финансовой и управленческой отчетности. Делаются выводы, что решение стратегически важных и существенных задач инновационного развития ОАО «РЖД», требует совершенствования системы их учетно-контрольного информационного сопровождения, что в свою очередь невозможно без развития методики управления расходами с учетом отраслевой специфики формирования себестоимости железнодорожных перевозок. Автором предложены методико-обеспечительные проекты (Разработка KPI; Управление финансовым обеспечением Стратегии развития; Бизнес-планирование; Деятельность Казначейства; Управление затратами и др.), которые могут значительно повысить информационную оперативность калькулирования.

Учет, контроль, система учетно-контрольного информационного сопровождения управления, координатинг, себестоимость железнодорожных перевозок, модель вертикально-горизонтального функционирования Департамента координатинга.

The development of the system of accounting, control, analytical support, management tactics and development strategy of a large company of holding type

A.A. Bondarenko, graduate student,

FSBEI HE «State University of Management», Moscow

This article is based on the definition of key positions proposed by the author of vertical-horizontal operation of the Department coordinating JSC «RZD», combining the functions of accounting, control, analytical support, management tactics and development strategy of a large company of holding type.

This article discusses the controversial aspects of the selection system of accounting and control and analytical support of management strategy and tactics of development of railway transport by all information flows in one using the automation of accounting, control, management processes, implementation of electronic document management, electronic financial and management reporting. The conclusions drawn are that the decision is strategically important and essential tasks of innovative development of JSC «RZD», requires improvement of their accounting information support, which in turn is impossible without development of methods of management costs, taking into account branch specificity of formation of the cost of rail transportation. The author offers methodical-security projects (Development of KPI; financial Management and assurance Strategy development; Business planning; Operation of the Treasury; Cost management, etc.) that can greatly increase the informational efficiency of calculation.

The accounting and control system accounting information support of management, coordinating, the cost of railway transportation, model for vertical-horizontal operation of the Department coordinating.

Железным дорогам Российской Федерации более 175 лет. С 01.10.2003 г. преобразованием из МПС РФ образовано ОАО «РЖД». Учредителем и единственным акционером ОАО «РЖД» является Российская Федерация, от имени которого полномочия акционера осуществляет Правительство РФ в лице Росимущества и назначаемого кабине-

том министров РФ Совета директоров и правление во главе с президентом. Функции контроля и надзора за исполнением финансово-хозяйственных обязательств перед РФ и иными экономическими инстанциями (заказчики услуг, инвесторы и т.д.) возложены на Росжелдор.

В последнее время в научной среде

актуализировался поиск методов адаптации учетно-контрольной системы к изменениям информационной цифровой среды [4; 5; 7;]. Специалисты корпоративной среды хозяйствования уже успешно используют программно-цифровые технологии управления хозяйственными процессами, однако, информационное наполнение таких технологий вызывает у них вполне обоснованную критику [2; 9; 10]. Причина известная – традиционность методов бухгалтерского учета и, соответственно, недостаточная информационность финансовой отчетности [3; 6; 8; 11]. Данная ситуация препятствует качественному управлению результатами деятельности по перевозке грузов и пассажиров, а именно – снижению издержек железнодорожных предприятий при одновременном повышении их финансовых результатов.

Необходимость решения данной проблемы применительно к финансово-хозяйственной деятельности железнодорожных транспортных предприятий путем обновления методов формирования в учетно-контрольной системе релевантной информации определяет актуальность темы статьи.

Практический интерес и несомненно важную важность для выбора концепта учетно-контрольного информационного сопровождения принятия и реализации управленческих решений представляет исследование специфики методического обеспечения финансовой функции в ОАО «РЖД» за счет повышения эффективности бухгалтерской службы (создание общего центра обслуживания), а также функционирования корпоративных университетов, один из которых успешно развивается в ПАО «РЖД». Подготовка специалистов нового профиля основана на требованиях бизнеса к специалистам в сфере бухгалтерского учета, анализа, внутрикорпоративного контроля и управления финансовой моделью холдинга. Всё это в целом позволяет судить о перспективах составления финансовой отчетности не только согласно рекомендациям МСФО, но и иного профиля: социальная, экологическая, мотивационная отчетность.

По сведению заместителя начальника управления планирования и нормирования

материально-технических ресурсов ОАО «РЖД» Аксенова Б.А., [1;] «текущая структура бухгалтерской службы сформировалась эволюционным путём. Изначально в компании был единый департамент бухгалтерского и налогового учета, который унаследовал функции, сложившиеся ещё во времена ФГУП, и продолжал выполнять их. Первым этапом стало реформирование этого департамента: была создана бухгалтерская служба, в состав которой вошли департамент бухгалтерского учета и департамент налоговой политики и её реализации в соответствующих методиках налогового учета. Соответственно были разделены две отчетности – бухгалтерская и налоговая, что было необходимо, поскольку принципы и методы формирования налоговой отчетности, особенно с учетом огромной разветвленной иерархической структуры холдинга, существенно отличались от принципов и методов формирования бухгалтерской отчетности. Кроме того, в силу укрепления основ корпоративного управления всеми функциональными профилями ПАО «РЖД» как единым целым обозначилась необходимость разработки методологии консолидации отдельных блоков информации из финансовой, налоговой, социальной, экологической и иной производственной отчетности под запросы основных пользователей – инвесторов и акционеров. Такой свод информации в начале 2000-х годов был только прототипом отчетности, формировать которую сегодня обязывает Закон № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» от 27.07.2010 г. Пункт 1 ст. 3 Закона № 208-ФЗ (в ред. от 4.11.2014) определил, что консолидированная финансовая отчетность составляется российскими организациями в соответствии с МСФО. Обновление текста закона расширило перечень российских организаций, составляющих консолидированный формат отчетности.

В ОАО «РЖД» новый формат консолидированной отчетности стал формироваться с 2000-х гг. XX в. усилиями преимущественно внешних консультантов. По мере того как акционерное общество развивалось как коммерческий субъект, привлекая внешние заим-

ствования и расширяя рыночную нишу, менялись и правила подготовки отчетности по МСФО. Эти изменения заключались в отказе от внешних консультантов, поскольку в холдинге уже были свои специалисты-методологи. Так постепенно сформировалась Управление МСФО, деятельность специалистов которого рассматривается как самое перспективное развития бухгалтерской службы.

Создание в ОАО «РЖД» общего центра обслуживания (ОЦО), как полагают топ-менеджеры компании (это была своевременная стратегическая мысль гл. бухгалтера компании – Крафт Г.В.), потребовало реорганизации всех информационных служб. И, прежде всего, была выстроена система информационно-методического обеспечения запросов менеджмента, в частности, разделены все хозяйственные операции между двумя участниками – бухгалтерией и заказчиком; составлены детализированные описания всех учетных бизнес-процессов, информационные потоки структурированы по видам объектов учета и скомпонованы в разделы учета по каждому бизнес-процессу. Соответственно это потребовало изменений должностных обязанностей сотрудников, что свелось к распределению их функциональной роли по процессам (сбор первичных документов, ввод данных и контроль этого процесса, съём и распределение учетных данных, формирование отчетности под запросы менеджеров и внешних стейкхолдеров). Как подчеркивает Аксёнов Б.А. «переход на ОЦО был «революцией». Ранее несколько тысяч самостоятельных подразделений, каждое со своей бухгалтерией, самостоятельно принимали решения по тем или иным учетным вопросам, составляли отчетность, которая потом консолидировалась в полуручном режиме, – это была сложно управляемая система. Путем создания ОЦО удалось организовать конвейер, с помощью которого отлажен сбор унифицированных документов, ввод данных в единую автоматизированную систему, принятие решений и формирование отчетности на более высоком уровне, сопровождаемое значительным количеством автоматизированных контролей. Скорость обработки информации существен-

но увеличивается, таким процессом гораздо легче управлять» [там же]. Все эти новации потребовали создания системы единой нормативно-справочной информации по разделам учета, видам отчетности (бухгалтерская, управленческая, МСФО, налоговая).

В настоящее время весь этот массив документации изучается на предмет его цифровизации, поскольку информационные потоки расширяются в геометрической прогрессии и потребность в детализации данных возрастает как по причине изменений законодательства, так и запросов управленческой команды компании. Соответственно с этой задачей и поиском возможности её решения с использованием принципов учетно-контрольного информационного обеспечения внутрикорпоративного управления эксплуатационными затратами и себестоимостью перевозок, связан материал данной статьи.

Считаем важным разработать дополнения к уже существующему в ОАО «РЖД» комплексу методических положений (правил) учетно-контрольного информационного сопровождения управления среднесрочной стратегией развития некоторых структурных подразделений: локомотивное, вагонное, путевое, пассажирское хозяйства, а также служба электрификации и грузовых перевозок. Их выбор предопределен высокой затратностью процессов и необходимостью поиска методов управления затратами. Кроме того, нами учтена и специфика сформированной собственности, т.е. ПАО «РЖД» функционирует как госкомпания, значит, существенную роль играет привязка системы управления на основе хорошо развитых систем управленческого учета и отчетности к российской финансовой отчетности (отчетности по РСБУ), поддерживающей информационные интересы и запросы Федерации как главного акционера, собственника.

Управление соотношением затрат и результатов является главной целевой установкой специалистов отдела координатинга, их источником информации помимо традиционных (бухгалтерская и иная отчетность) является Мастер-бюджет (блок бюджетов по направления бизнес-процессов). На рисунке 1

представлена разработанная нами Модель вертикально-горизонтального функционирования Департамента координатинга в ОАО «РЖД».

Рисунок 1 – Модель вертикально-горизонтального функционирования Департамента координатинга в ОАО «РЖД» (Разработано автором)

Сведению всех информационных потоков в один способствует автоматизация управленческих процессов: электронный документооборот, электронная отчетность. В настоящее время ОАО «РЖД» включено в создание кадрового документооборота, что позволит директору Департаменту координатинга улучшить позиции кадровой политики на уровне своего подразделения: привлекать новых профессионалов, повышать квалификацию системных координаторов в центре и на местах. Эффект автоматизации постановки и решения управленческих задач отмечен также и руководителем департамента планирования – «как только появился электронный первичный документооборот, сформировался

тренд, который будет двигаться быстрее всех в силу того, что он определяется потребностью рынка в более качественной, своевременной и более дешевой информации» [там же].

Процедуры калькулирования в системе ОАО РЖД регламентируются согласно ведомственных инструкций, для которых характерна излишняя усложненность методики калькулирования. Это, как следствие, снижает оперативность получения информации и управления издержками. Представленные в таблице 1 методико-обеспечительные проекты могут значительно повысить информационную оперативность калькулирования.

Таблица 1 – Необходимые методико-обеспечительные проекты

Разработка КРП	Разработка ключевых показателей эффективности по всем направлениям деятельности Холдинга
Управление учетно-контрольным и финансовым обеспечением Стратегии развития	Составление и верификация финансовых моделей, используемых в управлении стратегией, расширением сферы обслуживания пассажиров; грузоотправителей и грузополучателей; разработка методик контроля долгосрочных прогнозов в разрезе краткосрочных планов, составляющих прогнозную базу
Бизнес-планирование	Создание алгоритмов формирования бизнес-планов деятельности структур и Центрального аппарата Холдинга «РЖД» на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды
Деятельность Казначейства	Решение функциональных методико-правовых вопросов: разработка необходимых регламентов учета ДДС, алгоритмов формирования показателей для Отчетов ДДС, формализация и оптимизация управленческих процедур
Управление затратами	Разработка методов и организация учета затрат по местам возникновения и ответственности. Планирование экономии затрат. Создание алгоритмов формирования регистров, документооборота по затратам и разработка форм отчетности
Управленческая отчетность	Формирование реестров аналитических измерений и показателей. Составление Альбома типовых отчетных форм для структурных подразделений и Центрального офиса
Управление проектами	Разработка нормативно-методических и организационно-распорядительных документов управления проектами (устав Проекта, процедуры оперативного управления, правила согласования, шаблоны управленческих документов)
Инфраструктура и коммуникации	Анализ состояния инфраструктуры и прогноз её модернизации. Разработка коммуникативных правил и Корпоративной культуры

При разработке и совершенствовании методики управлению расходами рекомендуется учитывать отраслевую специфику формирования себестоимости железнодорожных перевозок, это касается, прежде всего, видов и структуры расходов. В силу принадлежности компании к ресурсам федеральной собственности львиная доля (около 94,7%) расходов холдинга возмещается за счет средств федерального бюджета, в частности, это – расходы по содержанию и ремонту путей. Одной из особенностей железнодорожных перевозок является то, что себестоимость транспортных работ в ряде случаев существенно отличаться от среднedorожных и среднесетевых показателей всей транспортной отрасли. В связи с этим, планирование эксплуатационных расходов для конкретных условий перевозок основывается на специальных расчетных методах, позволяющих учесть все существующие особенности железных дорог в том или ином российском регионе. При этом учитываются такие факторы, как: техническая оснащенность отдельных участков «железной» дороги, пункты назначений грузо- и вагонопотоков, уровень транспортных тарифов и цен на различные виды ресурсов, структура грузооборо-

та, протяженность транспортных железнодорожных сетей, дальность перевозок, состояние подвижного состава и многие другие спецификации хозяйственной деятельности ОАО «РЖД».

К особенности хозяйственной деятельности ОАО «РЖД» относится также выход за рамки одних центров ответственности, непосредственно отвечающего за перевозки, бизнес-процессов по оказанию транспортных услуг другими центрами ресурсопотребления. Так например, локомотивы и вагоны, принадлежащие одному структурному подразделению Холдинга, но осуществляющие перевозки в составе поездов дальнего следования, выполняют перевозки в пределах нескольких Управлений железных дорог.

Таким образом, внедрение в практику деятельности крупных компаний в сфере железнодорожных перевозок Модели вертикально-горизонтального функционирования Департамента координатинга, позволит повысить уровень действенности системы учетно-контрольного информационного сопровождения управления тактикой и стратегией, что в свою очередь приведет к развитию методики управления оптимизацией расходов с учетом

отраслевой специфики формирования себе-
стоимости железнодорожных перевозок.

Литература

1. Аксёнов Б.А РЖД – Единое учетное пространство [Электронный ресурс]. URL: <http://ads.adfox.ru>. 13.08.2012 г. (дата обращения 21.02.2019).
2. Бодяко А.В. Проблемы адаптации российской учетно-контрольной и аналитической практики к вызовам цифровой экономики // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2018. № 4. С. 8-13.
3. Бодяко А.В. Мониторинг средств внутреннего контроля экономических субъектов // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров), 2015. № 6. С. 3-5.
4. Насакина Л.А. Концепция формирования учетно-аналитических систем в современных условиях // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития, № 6, 2013. с. 206-211.
5. Никитенко И.В., Рогоуленко Т.М., Пономарева С.В. Управление инновационным развитием высокотехнологичных корпораций России: монография // М.: Русайнс, 2015. 200 с.
6. Пономарева С.В. Учетная стратегия экономического субъекта как фактор управления стоимостью бизнеса // Учет. Анализ. Аудит, 2017. № 4. С. 67-72.
7. Пономарева С.В. Базовые принципы теории информации, управления и бухгалтерского учета, их причинно-следственные связи // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2014. № 3. С. 158-163.
8. Пономарева С.В. Концептуальные положения финансовой стратегии развития компаний сферы интеллектуальных бизнес-услуг // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2013. № 15. С. 59-68.
9. Рогоуленко Т.М. Особенности системы управленческого учета в торговых организациях // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2016. № 2. С. 22-26.
10. Рогоуленко Т.М. Внутренний аудит и его место в системе внутрихозяйственного контроля // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция, 2012. № 1. С. 168.
11. Identification of an intracorporative accounting system in modern conditions / Bodiako A., Bulyga R.P., Bondarenko A.A., Rogulenko T.M., Ponomareva S.V. // International Journal of Civil Engineering and Technology, Q 1, 2018. T. 9. № 7. С. 1774-1784.

УДК 339.543

Основные направления сотрудничества таможенных администраций России и Китая

А.А. Комиссаров, аспирант, Российская таможенная академия, г. Люберцы, Московская область

В статье подробно рассмотрены основные направления сотрудничества между таможенными органами России и Китая, по каждому из направлений выявлены проблемы и предложены пути решения.

Таможенные администрации, ФТС России, ГТУ КНР.

The main directions of cooperation between the Customs administrations of Russia and China

A.A. Komissarov, graduate student, Russian Customs Academy, Lyubertsy, Moscow region

The main directions of cooperation between the Customs authorities of Russia and China are considered in detail in the article, problems are identified and solutions are proposed for each of them.

Customs administrations, FCS of Russia, General Administration of Customs of P.R. China.

В существующей на данный момент геополитической обстановке, существенную роль во внешней торговле России с зарубежными странами играет Китай. В рамках укрепления внешнеторгового сотрудничества России и Китая, а также обеспечения экономической безопасности и защиты национальных интересов, особую актуальность приобретает вопрос взаимодействия таможенных администраций России и Китая.

Актуальность выбранной темы обуславливается необходимостью изучения таможенного сотрудничества для последующего выявления проблем в данной сфере, а также поиска оптимальных путей их решения. Основной целью, стоящей перед таможенными администрациями, является содействие уско-

рению товаропотока между странами и сокращение административных барьеров для участников внешнеэкономической деятельности.

Федеральной таможенной службой России (далее – ФТС России) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики (далее – ГТУ КНР) ведется работа по различным направлениям сотрудничества.

Одним из ключевых проектов, проводимых между двумя таможенными администрациями, является проект проведения и развития эксперимента по взаимному признанию результатов таможенного контроля в отношении определенных видов товаров. Договорно-правовой базой для реализации данного проекта является (рис. 1):

Рисунок 1 – Договорно-правовая база для реализации эксперимента по взаимному признанию результатов таможенного контроля в отношении определенных видов товаров

Проект по взаимному признанию результатов таможенного контроля осуществляется в пунктах пропуска Пограничный-Суйфэньхэ, Полтавка-Дуннин, Благовещенск – Хэйхэ, Нижнеленинское-Тунцзян (ДВТУ) и Забайкальск-Маньчжурия в отношении кукурузы, солодового пива, минеральных вод, сои, леса, вывозимых из Российской Федерации в

Китай, а также овощей и фруктов, мешков и пакетов упаковочных, самоходных машин и автотранспорта, ввозимых из Китая в Российскую Федерацию (табл. 1). В целях развития эксперимента 1 ноября 2017 года в г.Пекине был подписан Протокол об обмене снимками ИДК [1].

Таблица 1 – Статистика перемещения товаров в рамках взаимного признания результатов таможенного контроля (кол-во т/с) по состоянию на 30 апреля 2018 года

	Ввоз в РФ						Вывоз из РФ					
	14	15	16	17	18	Всего	14	15	16	17	18	Всего
Пограничный-Суйфэньхэ	92	5	6	0	0	253	500	101	105	143	60	909
Полтавка – Дуннин	86	3	38	7	5	139	0	2	11	24	11	48
Благовещенск – Хэйхэ	0	0	29	2	8	43	0	0	23	33	18	74
Нижнеленинск – Тунцзян	0	0	5	4	0	9	0	0	32	33	8	73
Забайкальск – Маньчжурия	-	-	-	5	5	10	-	-	-	24	32	56

Проблемы, выявленные в ходе исследования, которые возникают при реализации эксперимента по взаимному признанию результатов таможенного контроля и пути решения следующие (анализ проведен по информации Дальневосточного таможенного управления):

1. Выявлена тенденция увеличения временных затрат на совершение таможенных операций в связи с необходимостью обработки и передачи/получения электронной копии манифеста.

В целях решения данной проблемы ФТС России совместно с ГТУ КНР необходимо автоматизировать передачу данных из грузового манифеста. На встрече экспертов 25-26 апреля 2018 года в Москве был согласован состав сведений, предлагаемых к обмену, и порядок заполнения поля «электронного манифеста» по результатам проведения таможенного контроля в форме таможенного досмотра и/или осмотра с применением инспективно-досмотровых комплексов (далее – ИДК). На данном этапе специалисты ФТС России разработали и направили в ГТУ КНР предложения по структуре и порядке формирования уникального идентификационного номера товарной партии в рамках эксперимента. В целях сопряжения эксперимента по взаимному признанию результатов таможенного контроля с обменом снимками ИДК, ведется работа по согласованию проекта порядка обмена информацией, полученной в результате использования ИДК.

2. Россельхознадзором осуществляется досмотр подкарантинной фитосанитарной продукции в полном объеме, что не позволяет сократить время нахождения транспортного средства с товарами в пункте пропуска.

Функции по проведению фитосанитарного контроля в регионе свободного порта Владивосток были переданы ФТС России в 2016 году, что позволило частично разрешить существующую проблему [9].

Проект по обеспечению безопасности цепи поставок при контейнерных перевозках – принципиально важный проект сотрудничества таможенных администраций Китая и России. Правовая основа проекта: «Протокол

об обеспечении безопасности цепи поставок при контейнерных перевозках от 03.09.2015» [8].

Проблемой реализации указанного проекта является длительное рассмотрение китайской стороной предложения ФТС России по порядку осуществления информационного взаимодействия. Документ был направлен официально в ГТУ КНР в октябре 2015 года, а также повторно передан в июле 2016 года в г. Чжэньчжоу (КНР) в ходе 8-го заседания рабочей группы по совершенствованию процедур таможенного оформления и таможенного контроля. Реализация проекта осуществляется за счет предоставления упрощений в местах декларирования товаров и пунктах пропуска, включая товары следующие транзитом. Процесс осуществляется путем предварительного информирования таможенных органов. Данную проблему возможно решить в случае более подробного рассмотрения нормативных актов и документов китайской стороной.

Проект по обеспечению безопасности цепи поставок разработан специально для перевозки контейнеров, при перегрузке которых с одного вида транспорта на другой (например, с морского на железнодорожный вид транспорта) существуют риски несанкционированного доступа к товарам (в том числе вскрытия, изъятий и т.д.). В случае успешной реализации проекта эти риски будут максимально минимизированы благодаря информации сопредельной стороны, что позволит значительно сократить время совершения таможенных операций, уменьшить количество досмотров и сократить время принятия решения о выпуске товара при одновременном сохранении эффективности таможенного контроля. Это в свою очередь позволит обеспечить рост эффективности внешнеторгового взаимодействия России и Китая.

Отличие проекта по обеспечению безопасности цепи поставок от взаимного признания результатов таможенного контроля заключается в том, что он распространяется как на экспорт/импорт, так и на транзит, список компаний и товаров не ограничен, а также отличается состав сведений, предоставляемых

в таможенные органы.

Другим немаловажным проектом является использование интеллектуальных замков для прослеживаемости транзита товаров внешней торговли.

Интеллектуальный замок китайского производства «НУКТЭК», применяемый ГТУ КНР с 2017 года для внутреннего транзита, позволяет хранить всю необходимую информацию о перемещаемом грузе и сопроводительных документах в электронном виде. Главное таможенное управление КНР готово безвозмездно обеспечить таможенные службы иностранных государств (Россия, Беларусь, Казахстан, Польша, Венгрия, Чехия, Бельгия, Франция, Нидерланды и Испания), через которые следует грузовой контейнерный поезд Чунцин-Европа, интеллектуальными замками и программным обеспечением к ним [1].

По мнению специалистов ГТУ КНР, взаимное признание результатов таможенного контроля вкупе с применением вышеупомянутых комплексов дает ряд преимуществ, а именно: страна-экспортер проводит таможенный досмотр товаров и передает сведения стране-транзита, которая на основании полученных от страны-экспорта данных осуществляет таможенное оформление груза, не вскрывая контейнер (считывание заложенных в электронный замок сведений и их подтверждение занимает минуты). Тем самым будет наблюдаться сокращение сроков транзита, себестоимости таможенного оформления, также будет наблюдаться повышение эффективности и безопасности всей транспортной цепочки поставок в мировой торговой системе.

При реализации данного проекта существует проблема информационной безопасности. Таможенными администрациями, находящимися на всем пути следования товара, необходимо обеспечить безопасное информационное взаимодействие таким образом, чтобы не позволить третьим лицам получить доступ к закрытой информации о перевозимой товарной партии. Любое несанкционированное вмешательство третьих лиц недопустимо.

В соответствии с поручением Совета ЕЭК от 30 марта 2018 года №2 в настоящее

время для решения данного вопроса по линии Евразийской экономической комиссии активно прорабатываются единые требования к электронным пломбам и операторам, которые будут их администрировать [2].

Таможенные администрации также столкнулись с проблемой, которая затрагивает вопрос страны изготовителя и поставщика интеллектуальных замков. Российскими специалистами по итогам изучения образца интеллектуального замка компании «НУКТЭК» (г. Пекин, КНР) отмечено, что навигационные пломбы российского производства по ряду важнейших параметров существенно превосходят заявленные характеристики китайского устройства (в частности, имеют существенно больший объем доступной памяти для хранения информации, включая снимки ИДК, и автономность работы порядка 45 суток в температурном диапазоне от -40 до +45 градусов по Цельсию). Для решения данного вопроса в апреле 2018 года эксперты таможенных служб России и Китая совместно со специалистами компании «НУКТЭК» провели рабочую встречу и обменялись мнениями о технологии интеллектуального замка. По прогнозам специалистов, интеллектуальные замки введут в эксплуатацию не ранее, чем в 2020 году.

Еще одним вектором сотрудничества между ГТУ КНР и ФТС России является организация упрощения порядка таможенного оформления товаров, вывозимых из Российской Федерации в рамках железнодорожных маршрутов Ворсино-Шилун, Ворсино-Сучжоу и Ворсино-Далянь.

В соответствии с поручением Правительства РФ от 12 апреля 2017 года № 2504п-П13 ФТС России поручено совместно с китайской стороной организовать упрощенный порядок таможенного оформления товаров, вывозимых по новому железнодорожному логистическому маршруту прямого контейнерного поезда, разработанного РЖД и акционерным обществом «Российский экспортный центр» [6].

В соответствии с пунктом 2.3 протокола 21-го заседания Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав-правительств таможенными службами Рос-

сии и Китая необходимо организовать в двустороннем формате упрощенный порядок таможенного оформления товаров, перемещаемых по железнодорожному логистическому маршруту Ворсино (Калужская область) – Шилун (провинция Гуандун), предварительно сформировав для этого договорно-правовую базу.

Во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2017 года №РД-П2-7867 о реализации решений 21-го заседания Комиссии ФТС России в феврале 2018 года передала на рассмотрение в ГТУ КНР проект меморандума об упрощении таможенного оформления товаров, перемещае-

мых по железнодорожным логистическим маршрутам Ворсино-Шилун, Ворсино-Сучжоу, Ворсино-Далянь [7]. Позиция китайской стороны по документу до настоящего времени в ФТС России не поступила.

Проект меморандума предусматривает обмен информацией между таможенными службами Китая и России о полученной при проведении таможенного контроля товаров, в том числе с применением системы управления рисками, перемещаемых по железнодорожному логистическому маршрутам, для достижения следующих целей (рис. 2).

1. Минимизация рисков, представляющих взаимный интерес для сторон, обеспечение защиты безопасной цепи поставок при железнодорожных контейнерных перевозках;
2. Признание отдельных результатов таможенного контроля таможенной службы страны отправления таможенной службой страны назначения;
3. Повышение эффективности таможенного контроля за счет использования передаваемой информации при оценке рисков в целях выбора объектов таможенного контроля и степени проведения контроля.
4. Повышение достоверности сведений о перемещаемых товарах;
5. Ускорение совершения таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию страны назначения и помещением товаров под таможенную процедуру таможенного транзита;

Рисунок 2 – Цели меморандума об упрощении перемещаемых по железнодорожным логистическим маршрутам Ворсино-Шилун, Ворсино-Сучжоу, Ворсино-Далянь

И как следствие из вышеизложенного происходит сокращение сроков доставки грузов Ворсино-Шилун с 20 до 14 дней при существенной экономии расходов. Основные пункты назначения товаров, перемещаемых от Ворсино – порт Далянь (с последующей транспортировкой до получателя либо автомобильным транспортом, либо фидерными

судами до любого порта) и станция Шилун в провинции Гуанчжоу.

Контроль за деятельностью склада осуществляет Обнинский таможенный пост Калужской таможни. За 2017 год по маршруту Ворсино – Шилун осуществлена поставка более 1300 тонн товаров в 138 контейнерах, задекларированных в 81 ДТ, общей статисти-

ческой стоимостью более 15 млн. долларов США. Среднее время выпуска товаров на маршруте занимает 1,5 часа. Данный маршрут позволяет многократно увеличить скорость товаропотока между двумя странами и ведет к увеличению объемов экспортных поставок, как с китайской, так и с российской сторон. Наряду с этим, реализация проекта будет способствовать активному развитию грузовой и промышленной инфраструктуры двух стран.

Таким образом, анализ направлений сотрудничества таможенных администраций показал, что ФТС России и ГТУ КНР ведут

постоянную работу по обеспечению безопасности цепей внешнеторговых поставок путем внедрения интеллектуальных замков, по сокращению временных издержек на границе путем взаимного признания результатов таможенного контроля, а также по увеличению межстранового товарооборота путем организации упрощенного порядка таможенного оформления товаров, следуемых по международным железнодорожным логистическим маршрутам.

Литература

1. Комиссаров А.А. Взаимодействие России и Китая во внешнеторговой и таможенной сферах // Вестник Российской таможенной академии, 2019. № 1. С. 155-162.
2. Поручение Совета ЕЭК от 30 марта 2018 года № 2.
3. Поручение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2017 года № 2504п-П13.
4. Поручение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2017 года № РД-П2-7867.
5. Протокол о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении определенных видов товаров от 22.10.2013.
6. Протокол от 03.09.2015 о внесении изменений в Протокол между ФТС России и ГТУ КНР о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении определенных видов товаров от 22.10.2013.
7. Протокол в области обмена данными, полученными в результате использования ИДК, проводимого в рамках взаимного признания результатов таможенного контроля в отношении определенных видов товаров, с целью повышения эффективности таможенного контроля от 01.11.2017.
8. Протокол об обеспечении безопасности цепи поставок при контейнерных перевозках от 03.09.2015.
9. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [Электронный ресурс]. URL: base.garant.ru/71127418/ (дата обращения: 16.03.2019).

УДК 339.94

Эффекты экономической интеграции государств Евразийского экономического союза

Н.Ю. Сопилко, кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры мировой экономики,
РЭУ имени Г.В. Плеханова, г. Москва

В статье проведен анализ различных подходов в международной практике к оценке эффектов экономической интеграции стран. Представлен анализ основных макроэкономических показателей государств-членов Европейского экономического союза (ЕАЭС) для возможного использования в расчетах качественных и количественных эффектов экономической интеграции в регионе. Дана оценка эффектов экономической интеграции стран ЕАЭС, а также сделаны выводы о дальнейших перспективах развития Европейского экономического союза.

Международная экономическая интеграция, государства-участники ЕАЭС, экономические эффекты интеграции.

Effects of economic integration of the Eurasian economic Union

N.Yu. Sopilko, PhD in Economic Sciences, Associate professor,
Doctoral Student of the Department of World Economy,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

The analysis of various approaches to assessing of economic integration effects of countries in international practice is introduced in the paper. The analysis of the main macroeconomic indicators of the member countries of the Eurasian Economic Union (EEU) is presented for defining the possibility of their using in the calculations of qualitative and quantitative effects of economic integration in the region. An assessment of economic integration effects of the EEU member countries is given, and conclusions are made on the future prospects of the Eurasian Economic Union.

International economic integration, member countries of the EEU, economic integration effects.

Основными причинами международной экономической интеграции стран выступают, как правило, ряд экономических и политических факторов, способствующих развитию этого процесса. При этом, ее экономическим обоснованием выступает увеличение взаимной торговли между государствами-членами экономических союзов, приводящее к повышению производительности государств – членов региональной группировки.

С углублением понимания процессов развития торговли и формирования концепций интеграции стал все более актуальным вопрос о том, как оценить эффективность этих процессов, то есть, можно ли говорить о достижении целей интеграции и выразить интеграционные эффекты количественно и качественно. Глубокие исследования в области международной экономической интеграции требуют всесторонней оценки экономического эффекта интеграции рынков, однако в мировой практике пока не сложилось общепринятых методов для выполнения такой оценки.

Благодаря интеграционным процессам государств, предприятия расширяют свою деятельность и получают экономию от масштаба, относящуюся к преимуществам затрат. Экономия от масштаба является долгосрочной концепцией развития страны и относится к сокращению себестоимости по мере увеличения размера объекта и увеличения уровней использования других ресурсов, а также показателем целесообразности экономической интеграции, поскольку для некоторых масштабов экономии может потребоваться и более крупный рынок [1, 2].

Поскольку на начальных этапах интеграции затрагивается, главным образом, сфера взаимной торговли, наиболее актуальной становится оценка сравнительных преимуществ стран в рамках интеграционного объединения с целью определения оптимальных направлений развития торговых отношений. Методика подобной оценки была впервые предложена британским экономистом Х. Лиснером в 1960-х гг. в ходе изучения им сравнительных преимуществ Великобритании в торговле со странами формирующегося Общего рынка

Европейского экономического сообщества [3]. Индекс Лиснера рассчитывается как отношение экспорта рассматриваемого продукта из рассматриваемой страны к общему объему экспорта данного продукта группой стран, то есть, позволяет определить наличие сравнительного преимущества (CA, Comparative Advantage) страны в экспорте по сравнению с группой стран.

В продолжение логики Х. Лиснера более сложная и более точная формула для оценки сравнительных преимуществ во взаимной торговле была введена классиком теории экономической интеграции Б. Балассой в 1960-е годы [4]. Далее его идеи были развиты Д. Гринвэем и К. Милнером [5], предложившим расширить показатель компонентой импорта.

Однако с развитием интеграционных процессов в Европе и других регионах мира стало очевидно, что количественные экономические эффекты интеграции не ограничиваются развитием взаимной торговли. В этой связи Европейским Центральным Банком была в начале 2000-х гг. разработана комплексная методика оценки эффективности экономического сотрудничества стран в рамках интеграции, основанная на количественном и качественном анализе [6]. Данная методика включает множество индикаторов и позволяет определить институциональный индекс интеграции (в диапазоне от 0 до 100 единиц), формируемый из 4 блоков с весом от 0 до 25 единиц каждый. В рамках данной методики в различных блоках среди ключевых, можно такие индикаторы, как взаимная торговля, мобильность капитала, мобильность трудовых ресурсов, уровень эффективности наднациональных институтов, координация налоговой, монетарной, финансовой политики между странами-участниками, и т.д.

В последние годы интерес к международной экономической интеграции и оценке ее эффектов проявили многие международные организации, в отличие от Европейского Центрального Банка напрямую не связанные с интеграционными объединениями. К примеру, в ОЭСР была разработана система эконо-

мических индикаторов, характеризующих развитие внутри-региональной торговли.

Вероятно, одной из наиболее комплексных и актуальных методик оценки экономического эффекта экономической интеграции, является методика, разработанная в начале 2010-х гг. Азиатским банком развития [7]. В рамках которой международная экономическая интеграция также, как и в большинстве других методик, рассматривается как процесс установления и дальнейшего укрепления связей между рынками интегрирующихся государств и оценивается, в первую очередь, с точки зрения эффектов развития взаимной торговли. Методика включает в себя четыре основных компонента, а именно: оценка потоков товаров, услуг и капитала в рамках интеграционного объединения; оценка ценовых эффектов с использованием агрегированных макроэкономических ценовых индикаторов на рынках сырья и основных товаров, а также финансовых индикаторов; оценка интеграции рынков капитала; оценка глубины региональной специализации.

Также могут быть рассмотрены широко известные в экономической практике показатели, характеризующие уровень концентрации капитала: индекс Херфиндаля-Хиршмана, индексы концентрации, индекс Джини и другие [8].

Кроме того, актуальными для исследователей остаются гравитационные модели, позволяющие спрогнозировать объемы торговли пропорционально объему ВВП государств и обратно пропорционально расстоянию между ними [9, 10].

В результате множества теоретических и практических исследований было установлено, что увеличение объемов торговли и развитие экономических институтов в результате экономической интеграции может способствовать увеличению ежегодных темпов роста ВВП вовлеченных стран на 1,5-3,0% [11]. При этом недостаточно глубоко изучена природа этих эффектов, особенно на региональном уровне. С точки зрения классической и неоклассической школ экономической теории такие эффекты интеграции могут быть объяснены увеличением эффективности про-

изводства в результате релокации экономических ресурсов, которая становится возможной в результате снятия барьеров при развитии интеграции [12]. Это позволяет реализовать сравнительные преимущества стран-участников интеграции и углубить их специализацию в системе экономических связей внутри интеграционного объединения.

Оценка качественных и количественных эффектов международной экономической интеграции является весьма актуальной и достаточно сложной экономической задачей. Период интеграционных процессов в ЕАЭС стартовал после двух десятилетий трансформационного кризиса и постепенного оживления роста в Центральной и Восточной Европе. По мере развития интеграции, накапливалась информация о возможностях взаимодействия и развития. При этом, важным является учет фактора времени. Как правило, изначально интеграционные эффекты реализуются через рост товарооборота, перетоки труда и капитала. А более глубокое разделение труда реализуется через капиталовложения и производительность труда, которую обычно в таких сравнениях измеряют через ВВП на душу населения. В любом случае товарные, трудовые и особенно финансовые потоки подвержены внешним шокам. В случае с формированием ЕАЭС создание Таможенного союза прошло в период оживления после тяжелого мирового кризиса 2008-2009 гг. Хотя темпы мирового и регионального роста уступали периоду 2000-2008 годов, а рост торговли шел медленнее, чем в прошлом, развитие государств-членов ТС было сравнительно благоприятным. Старт более глубокой интеграции в 2015 г. совпал с финансовым шоком от падения цен на энер-

гоносители, играющие большую роль в экономике и внешней торговле стран региона. В этом плане важно учитывать, что интеграционные процессы фактически играли в последние годы роль антикризисного механизма, который позволял наиболее активным и конкурентоспособным предприятиям приспосабливаться к ситуации даже в условиях спада объемов производства.

Необходимо также подчеркнуть и то, что, например, немедленные эффекты раскрытия рынков в ЕС были более динамичными, чем в ЕАЭС, поскольку объединялись конкуренты по большинству отраслей по истории развития хозяйства Европы. Большее развитие внутриотраслевой специализации вызвало более сильную конкуренцию внутри отраслей. А страны Евразийского Союза исторически были частью единого хозяйственного комплекса и разделение труда было более выражено в межотраслевом аспекте. Развитие интеграционных эффектов на уровне более дезаггегированных отраслей требует большего времени и капиталовложений для использования преимуществ относительной эффективности факторов производства.

Поэтому многие методы, описанные выше и часто используемые для оценки экономических эффектов [13], в случае региона ЕАЭС использовать невозможно. Расчеты требуют большого набора статистической информации, которую невозможно накопить за столь небольшой отрезок времени.

Для анализа качественных эффектов экономической интеграции рассмотрим динамику изменения макроэкономических параметров государств ЕАЭС в период 2000-2018 гг. (табл. 1).

Таблица 1 – ВВП на душу населения по ППС (цены 2011 года), население

Страна	ВВП на душу населения, тыс долл.			Население, млн чел.		
	2000	2010	2018	2000	2010	2018
Армения	3,04	3,51	10,1	3,08	2,97	2,99
Беларусь	7,6	15,0	20,0	9,99	9,51	9,50
Казахстан	10,0	18,8	27,5	14,87	16,20	18,15
Кыргызстан	2,1	2,8	3,8	4,92	5,42	6,25
Россия	14,1	22,1	29,2	146,40	143,13	146,88

Источник: составлено по данным статистики МВФ. URL: <http://www.imf.org/>.

Согласно данных таблицы (табл. 1), можно наблюдать картину стартового и финального состояния демографии и уровня развития за 18 лет трансформации в странах ЕАЭС. С 2010 г. виден значительный прогресс по обоим важнейшим показателям. Качественные сдвиги показывают некоторые изменения, которые принесла интеграция для стран ЕАЭС, например, на рынке труда (рост населения в странах ЕАЭС).

По показателям, которые приводятся в докладе Всемирного экономического форума, в рейтинге Индекса глобальной конкурен-

тоспособности отмечается улучшение позиций у стран ЕАЭС с 2010 по 2018 гг. (табл. 2). Также отмечается, что евразийский регион занимает высокие позиции по следующим субиндексам: по размеру рынка (11 место), внедрению ИКТ (27 место), инновационной активности (41 место), а показателю динамики развития бизнеса (50 место). По сравнению с другими регионами. При этом отмечается, что все государства ЕАЭС добились значительных успехов в области ИКТ, что в условиях современного экономического развития безусловно является сильной стороной.

Таблица 2 – Динамика показателя Индекса глобальной конкурентоспособности государств ЕАЭС за период 2010 – 2018 гг.

Страна ЕАЭС	2010	2015	2017	2018
Количество стран в рейтинге	139	140	137	139
Армения	98	82	73	70
Беларусь	-	-	-	-
Казахстан	72	42	57	59
Кыргызстан	121	102	102	97
Россия	63	45	40	45
ЕАЭС	64	45	40	45

Источник: составлено по данным Всемирного экономического форума. 2018. URL: <http://www.weforum.org/>.

Достаточно оптимистичная картина показана по опросным данным «Ведения Бизнеса» (Doing business Index Reports, World Bank group, 2019). В целом за 2018 г. отмечается большой прогресс позиций у государств ЕАЭС: у России (от 96 к 31), Беларуси (от 129 к 37), Казахстан (с 63 на 28) Кыргызстан несколько приблизился к остальным странам (с 90 на 70), Армения с определенными колебаниями остается среди наиболее удобных стран, занимая 41 место.

По отдельным показателям у стран ЕАЭС очень хорошие значения таких важных пунктов как создание предприятий и регистрация собственности. Отметим хорошие показатели по такому ключевому (в том числе и в институциональной теории) пункту, как обеспечение выполнения контрактов, за исключением Кыргызстана.

На основе широко распространенных оценок Банка Реконструкции и Развития, было исследовано качество проведенных трансформационных реформ в странах ЕАЭС (табл. 3). Согласно представленных данных, можно отметить сильные и слабые стороны состояния среды в странах ЕАЭС. Прежде всего, надо подчеркнуть, что оценка «4» по многим показателям практически отсутствует, а «3» несколько больше у Армении и России. Самое слабое место в регионе связано с частной собственностью (больше всего оценок «1»), что адекватно отражает последствия приватизации в регионе с точки зрения защиты прав частной собственности. Другие низкие оценки появляются у Беларуси в энергетике, у ряда стран в эффективности использования материальных ресурсов. Эти оценки указывают как потенциально слабые аспекты институционального базиса по странам, так и воз-

возможности совместного продвижения при дальнейших интеграционных реформах в фи-

нансовом секторе, энергетике, сфере устойчивого развития.

Таблица 3 – Секторальный уровень индикаторов переходного периода в 2017: общие показатели

Страна-участник ЕАЭС	Бизнес				Энергетика		Устойчивое развитие			Финансовый сектор			
	Сельское хозяйство	Промышленность	Недвижимость	IT-технологии	Ресурсы	Электричество	Энергетика	Эффективность	Вода	Банки	Страхование	Собственность	Рынки
РА	3-	3	3-	3	2+	3+	3-	2-	2	2+	2	1	2
РБ	2+	2	2	2	1	1	2	2+	2	2	2	1	2-
РК	3-	2	3	3	2-	3	2-	1	2	2+	2+	2-	2
КР	2+	2	2+	3	2-	2+	2	1	2-	2	2-	1	2-
РФ	3-	3-	3-	3+	2	3+	2	3-	3-	3-	3-	2+	4-

Источник: составлено по данным оценки ЕБРР. URL: <https://www.ebrd.com/home>.

Период более глубокой интеграции, который начался после подписания Договора о ЕАЭС 29 мая 2014 года, протекает в гораздо более сложных условиях. Прежде всего, это относится к внешнему ценовому шоку, который привел к потере Россией в 2015 г. порядка 30% стоимости своего экспорта. Осложнилась мировая геополитическая обстановка в силу конфликтов на Украине, Сирии (БСВ) и санкций против России. Медленный экономический рост в Евросоюзе, миграционный кризис, выход Великобритании из ЕС также отрицательно повлияли на внешнюю торговлю государств-членов ЕАЭС.

Эти факторы и обстоятельства существенно изменили приток финансов извне в страны региона ЕАЭС, обусловили распределительные проблемы между странами в сфере энергетики. Вопрос об оценке хода углубления интеграции на основе Договора 2014 г. также во многом меняется. По существу, процесс интеграции был подвергнут исключительно жесткой проверке совокупностью внешних обстоятельств 2014-2017 годов, причем явно выдержал испытания.

Ухудшение экономической ситуации в России в 2015–2016 годах, обусловленное падением мировых цен на нефть, через торго-

вые и финансовые каналы отрицательно сказалось на экономиках Армении, Беларуси и Кыргызстана. Согласно расчетам Евразийского банка развития (ЕБРР), эластичность динамики реального ВВП стран ЕАЭС по ВВП России в среднем составляет 0,52. Наиболее чувствительны к изменению экономической динамики России народные хозяйства Армении и Кыргызстана, а наиболее устойчивой является экономика Казахстана. Таким образом, мировые торговые и финансовые шоки воздействуют на все страны Союза как напрямую, так и дополнительно через сужение крупнейшего в ЕАЭС российского рынка.

Среди важных достижений периода интеграции стран ЕАЭС, несмотря на шоки и кризисы, заметно улучшение естественного и иммиграционного роста населения. Национальные экономики продемонстрировали определенную устойчивость в условиях рецессии в России, Беларуси и Казахстане при нефтяном ценовом шоке. Выигрыши государств – участников в процессе интеграции и преодолении внешних шоков были неравномерны. Россия в силу своих размеров не может решать свои проблемы за счет стран ЕАЭС. Но, зато вполне можно выделить устойчивость рублевых переводов из России в Армению и

Кыргызстан, играющих важную роль в их | экономике и платежном балансе (табл. 4).

Таблица 4 – Уровень накопления и личного потребления в странах ЕАЭС, 2017 год

	Валовое накопление основного капитала			Потребительские расходы домохозяйств		
	% ВВП	тыс долл. /чел.		% ВВП	тыс долл. /чел.	
		по тек. курсу	по ППС		по тек. курсу	по ППС
Армения	17,8	0,6	1,6	77,0	2,8	6,8
Беларусь	23,9	1,2	4,3	54,6	2,7	9,9
Казахстан	23,4	1,8	5,9	54,7	4,1	13,8
Кыргызстан (2015)	32,0*	0,4	1,1	86,8*	1,0	3,0
Россия	21,1	1,8	4,9	51,5	4,5	11,9

* Совокупная доля накопления и личного потребления в ВВП КР превышает 100% в связи со значительным отрицательным сальдо внешней торговли (-40,6% ВВП)

Источник: составлено по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org>

Так, можно отметить сопоставимые размеры личного потребления и накопления на душу населения в пяти странах. Тут четко прослеживается связь между уровнем ВВП, размерами нормы накопления и душевого показателя инвестирования. Последний в сущности указывает на размеры инвестиционного инструмента, который превращает прошлые доходы в активы будущего. В период действия Таможенного Союза нормы накопления были весьма высокими, кроме, России. Все пять стран были затронуты рецессией по цепочке: падение цен на нефть, сокращение доходов компаний и бюджетов, ослабление экономической активности и спроса на

труд в России, девальвация валют, сокращение долларовой оценки переводов в страны (источники рабочей силы), нормы накопления стран.

Также целесообразно рассмотреть такой показатель, как «Индекс человеческого развития» (ИЧР) для стран – участников ЕАЭС. По приведенным данным (табл. 5), можно отметить, что в 2000 г. показатели ИЧР для стран ЕАЭС находились в пределах 0,593-0,720, а к 2017 г. поднялись до 0,672-0,816. Относительно позиций, за рассматриваемый период, можно отметить, что она практически не изменились, несмотря на повышение значения показателя.

Таблица 5 – Индекс человеческого развития, 2000-2017 годы

Страна	Место по ИЧР в мире		Значение ИЧР			
	2014	2017	2000	2010	2014	2017
Армения	85	83	0,644	0,729	0,741	0,755
Беларусь	51	53	0,681	0,787	0,798	0,808
Казахстан	56	58	0,685	0,766	0,793	0,800
Кыргызстан	120	122	0,593	0,632	0,662	0,672
Россия	49	49	0,720	0,785	0,805	0,816

Источник: Индексы и показатели человеческого развития. Статистическое обновление за 2018 год. ООН. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf.

Как отмечалось ранее, для получения более достоверных оценок эффектов интегра-

ции, необходимо пользоваться инструментами не только сравнения макроэкономических

показателей стран, но и применять экономико-математические методы исследования. В частности, для стран ЕАЭС, с учетом определенных условий и не результативности применения известных моделей, автором был разработан альтернативный метод экспертно-аналитической оценки долгосрочных количественных эффектов экономической интеграции ЕАЭС, основанный на прогнозировании показателей при расчете нескольких вариантов различных сценариев.

Так, например, валовой объем ВВП для базового сценария можно определить для каждой страны ЕАЭС с помощью построения линии тренда путем расчета значений степенной функции (полинома 4-й степени) с использованием инструментария табличного процессора MS Office Excel в прогнозном периоде. Функция имеет вид:

$$f(x) = ax^4 + bx^3 + cx^2 + dx + e$$

где x – порядковый номер года, для которого выполняется расчет, коэффициенты a, b, c, d, e рассчитываются с помощью метода наименьших квадратов с использованием формул массива и встроенных функций MS Excel для рассматриваемого ряда.

Полином 4-й степени, несмотря на сложность вычислений, позволяет добиться высокой достоверности аппроксимации в прогнозном периоде ($R^2 > 0,95$ для всех вариантов расчета). Полученные данные количественного прогнозирования, могут представить картину построения стратегических направлений развития интеграционных процессов ЕАЭС и позволить проводить моделирование различных вариантов сценариев для принятия решений. Аналогичные расчеты проводятся и для последующих рассматриваемых сценариев.

Результаты расчетов и проведенных оценок показали [13], что даже в высоком сценарии при заложенных сценарных условиях не будут в полной преодолены структурные дисбалансы между экономиками государств ЕАЭС, несмотря на возможные достигнутые экономические эффекты, что означает необходимость принятия соответствующи-

щих регуляторных мер на наднациональном уровне, выработку «дорожных карт» и т.д.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что в настоящее время качественные сдвиги в развитии институциональных основ хозяйственной деятельности стран ЕАЭС отражаются в выявленной устойчивости экономик государств-членов ЕАЭС к сильнейшему внешнему шоку от падения цен на нефть в 2014-2016 гг. Наряду с этим очевидна высокая адаптивность рынка труда и трудовой миграции к экономическим колебаниям для региона. Отмечена общая динамика роста населения и одновременно ВВП. Однако при этом, странам Союза не хватает качественных институтов, таких, например, как институт частной собственности, ведения внешней торговли и т.д.

Одним из вариантов преодоления сложившейся ситуации является активизация работы по устранению изъятий и ограничений. Такая работа должна носить системный характер, который включал бы в себя мониторинг законодательства государств-членов ЕАЭС, своевременное реагирование на введение новых мер и принятие решений на уровне не ниже Евразийского межправительственного совета об устранении текущих барьеров. Кроме того, необходима корректировка договорно-правовой базы ЕАЭС на предмет применения к стране ЕАЭС мер за нарушения моратория в отношении введения мер защиты отечественного производителя и ограничении доступа на внутренний рынок субъектов хозяйствования ЕАЭС.

Кроме того, необходим четкий посыл на уровне руководства стран-участников ЕАЭС о необходимости активизации работы по устранению внутренних ограничений. Такая работа представляется актуальной особенно в условиях нарастающего количества переговорных треков по заключению соглашений о зоне свободной торговли Союза с третьими странами и интеграционными объединениями. Работа на внешнем контуре будет наиболее эффективна при наличии крепкого и устойчивого к вызовам внутреннего рынка.

Литература

1. O'Sullivan A., Sheffrin S. Economics: Principles in Action // Upper Saddle River, New Jersey 07458, Pearson Prentice Hall, 2003. 310 p.
2. Сопилко Н.Ю. Производственные связи и региональная интеграция: теоретические аспекты // М.: Российский университет дружбы народов, 2015. 234 с.
3. Liesner H.H. The European Common Market and British Industry // Economic Journal, 1968. 68. pp. 302-316.
4. Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative Advantage // The Manchester School of Economic and Social Studies, 1965. 33. pp. 99-123.
5. Greenaway D., Milner C. Trade and Industrial Policy in Developing Countries: A Manual of Policy Analysis, The Macmillan Press, esp. Evaluating Comparative Advantage, Part IV, 1993. pp. 181-208.
6. Feng Y., Genna G. Regional integration and domestic institutional homogeneity: A comparative analysis of regional integration in the Americas, Pacific Asia, and Western Europe // Review of International Political Economy, 2003. 10. 2. pp. 278-309.
7. Asian Development Bank. Central Asia: Increasing Gains from Trade Through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport, and Customs Transit. Manila: ADB, 2006. 103 p.
8. Osterkamp R. Measuring Regional Trade Integration in Southern Africa // Monitoring regional integration in Southern Africa Yearbook, 2008. 8. pp. 342-355.
9. Sopilko N., Kurashova A., Shatalova I. Modeling the development of trade ties of Russia within the framework of regional integration based on the theory of gravity // Espacios, 2017. 38 (62). pp. 22-28.
10. Sopilko N., Nawrotskaya N., Kovaleva E. Dynamics factors and slow-response characteristics of Russian trade ties // Journal of Advanced Research in Law and Economics, 2017. 8. 2(24), pp. 625-634.
11. Daumal M. The impact of trade openness on regional inequality: the cases of India and Brazil // The International Trade Journal, 2013. 27. 3, pp. 243-280.
12. Nunn N. Relationship-specificity, incomplete contracts, and the pattern of trade // The Quarterly Journal of Economics, 2007. 2. pp. 569-600.
13. Телегина Е.А. Евразийский экономический союз: формирование, становление и развитие / Е.А. Телегина, Г.О. Халова, Н.Ю. Сопилко, Н.И. Иллерицкий // М: РУСАЙНС. 2019. 74 с.

Адрес редакции:
141070, Королев,
Ул. Октябрьская, 10а
Тел. (495)543-34-31 (доб.138),
E-mail : rio-kimes@mail.ru,
Site:www. unitech-mo.ru

Подписано в печать 26.09.2019
Формат В5
Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,5
Тираж 500 экз.
Заказ № 76-19
Отпечатано
в типографии
ООО «Научный консультант»
г. Москва
Хорошевское шоссе, 35, корп.2
Тел.: +7 (926) 609-32-93,
+7 (499) 195-60-77
E-mail :keyneslab@gmail.com
Site:www.n-ko.ru